

<http://rcin.org.pl>

ANT. П. ЧЕХОВА

24.113/4-6

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНІЙ
АНТ. П. ЧЕХОВА.

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ
съ приложеніемъ портрета Антона Чехова.

ТОМЪ ПЯТЫЙ.

СОДЕРЖАНІЕ:

Враги.—Кошмаръ.—Святою ночью.—Счастье.—Тифъ.—Ванька.—Свирѣль.—
Черекати-поле.—Задача.—Степь.

Приложеніе къ журналу „Нива“ на 1903 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе А. Ф. МАРКСА.
1903.

ПОЛНОЕ СОДЪЯНІЕ
СОДЪЯНІЯ

А. В. Л. Р. Е. Х. О. В. А.

ВОСЕМЬ КНИЖЕК

ВЪ СЪВЪТЪ СЪ ПРАВИТЕЛЬСТВОМЪ ИМПЕРАТОРСКОГО УЧЕБНАГО КОМПЛЕКСА

Артистическое заведеніе А. Ф. МАРКСА, Измайл. пр., № 29.

ИЗДАТЕЛЬСТВО

С. П. ПЕТЕРБУРГЪ

ВЪ СЪВЪТЪ СЪ ПРАВИТЕЛЬСТВОМЪ ИМПЕРАТОРСКОГО УЧЕБНАГО КОМПЛЕКСА

ИЗДАТЕЛЬСТВО

ВРАГИ.

Въ десятомъ часу темнаго сентябрьскаго вечера у земскаго доктора Кирилова скончался отъ дифтерита его единственный сынъ, шестилѣтній Андрей. Когда докторша опустилась на колѣни передъ кроваткой умершаго ребенка и ею овладѣлъ первый приступъ отчаянія, въ передней рѣзко прозвучалъ звонокъ.

По случаю дифтерита вся прислуга еще съ утра была выслана изъ дому. Кириловъ, какъ былъ, безъ сюртука, въ разстегнутой жилеткѣ, не вытирая мокраго лица и рукъ, обожженныхъ карболкой, пошелъ самъ отворять дверь. Въ передней было темно, и въ человѣкѣ, который вошелъ, можно было различить только средній ростъ, бѣлое каштаннае и большое, чрезвычайно блѣдное лицо, такое блѣдное, что, казалось, отъ появленія этого лица въ передней стало свѣтлѣе...

— Докторъ у себя?—быстро спросилъ вошедшій.

— Я дома,—отвѣтилъ Кириловъ.—Что вамъ угодно?

— А, это вы? Очень радъ!—обрадовался вошедшій и сталъ искать въ потемкахъ руку доктора, нашелъ ее и крѣпко стиснулъ въ своихъ рукахъ.—Очень... очень радъ! Мы съ вами знакомы!.. Я—Абогинъ... имѣлъ удовольствіе видѣть васъ лѣтомъ у Гнучева. Очень радъ, что засталъ... Бога ради, не откажите поѣхать сейчасъ со мной... У меня опасно заболѣла жена... И экипажъ со мной...

По голосу и движеніямъ вошедшаго замѣтно было, что онъ находился въ сильно возбужденномъ состояніи. Точно испуганный пожаромъ или бѣшеной собакой, онъ едва

сдерживалъ свое частое дыханіе и говорилъ быстро, дрожащимъ голосомъ, и что-то неподдѣльно-искреннее, дѣтски-малодушное звучало въ его рѣчи. Какъ всѣ испуганные и ошеломленные, онъ говорилъ короткими, отрывистыми фразами и произносилъ много лишнихъ, совсѣмъ не идущихъ къ дѣлу словъ.

— Я боялся не застать васъ,—продолжалъ онъ.— Пока ѣхалъ къ вамъ, изстрадался душой... Одѣвайтесь и ѣдьте, ради Бога... Произошло это такимъ образомъ. Пріѣзжаетъ ко мнѣ Папчинскій, Александръ Семеновичъ, котораго вы знаете... Поговорили мы... потомъ сѣли чай пить; вдругъ жена вскрикиваетъ, хватается себя за сердце и падаетъ на спинку стула. Мы отнесли ее на кровать и... я ужъ и нашатырнымъ спиртомъ теръ ей виски, и водой брызгалъ... лежитъ, какъ мертвая... Боюсь, что это аневризма... Поѣдьте... У нея и отецъ умеръ отъ аневризмы...

Кириловъ слушалъ и молчалъ, какъ будто не понималъ русской рѣчи.

Когда Абогинъ еще разъ упомянулъ про Папчинскаго и про отца своей жены и еще разъ началъ искать въ потемкахъ руку, докторъ встряхнулъ головой и сказалъ, апатично растягивая каждое слово:

— Извините, я не могу ѣхать... Минуть пять назадъ у меня... умеръ сынъ...

— Неужели? — прошепталъ Абогинъ, дѣлая шагъ назадъ.—Боже мой, въ какой недоброй часъ я попалъ! Удивительно несчастный день... удивительно! Какое совпаденіе... и какъ нарочно!

Абогинъ взялся за ручку двери и въ раздумьи поникъ головой. Онъ видимо колебался и не зналъ, что дѣлать: уходить, или продолжать просить доктора.

— Послушайте,—горячо сказалъ онъ, хватая Кирилова за рукавъ:—я отлично понимаю ваше положеніе! Видить Богъ, мнѣ стыдно, что я въ такія минуты пытаюсь овладѣть вашимъ вниманіемъ, но что же мнѣ дѣлать? Судите сами, къ кому я поѣду? Вѣдь, кромѣ васъ, здѣсь нѣтъ другаго врача. Поѣдьте ради Бога! Не за себя я прошу... Не я боленъ!

Наступило молчаніе. Кириловъ повернулся спиной къ Абогину, постоялъ и медленно вышелъ изъ передней въ залу. Судя по его невѣрной, машинальной походкѣ, по тому

вниманію, съ какимъ онъ въ залѣ поправилъ на негорѣвшей лампѣ мохнатый абажуръ и заглянулъ въ толстую книгу, лежавшую на столѣ, въ эти минуты у него не было ни намѣреній, ни желаній, ни о чемъ онъ не думалъ и, вѣроятно, уже не помнилъ, что у него въ передней стоитъ чужой человѣкъ. Сумерки и тишина залы, повидимому, усилили его ошалѣлость. Идя изъ залы къ себѣ въ кабинетъ, онъ поднималъ правую ногу выше, чѣмъ слѣдуетъ, искалъ руками дверныхъ косяковъ, и въ это время во всей его фигурѣ чувствовалось какое-то недоумѣніе, точно онъ попалъ въ чужую квартиру, или же первый разъ въ жизни напился пьянъ и теперь съ недоумѣніемъ отдавался своему новому ощущенію. По одной стѣнѣ кабинета, черезъ шкапы съ книгами, тянулась широкая полоса свѣта; вмѣстѣ съ тяжелымъ, спертымъ запахомъ карболки и эфира, этотъ свѣтъ шелъ изъ слегка отворенной двери, ведущей изъ кабинета въ спальню... Докторъ опустился въ кресло передъ столомъ; минуто онъ сонливо глядѣлъ на свои освѣщенные книги, потомъ поднялся и пошелъ въ спальню.

Здѣсь, въ спальнѣ, царилъ мертвый покой. Все до послѣдней мелочи краснорѣчиво говорило о недавно пережитой бурѣ, объ утомленіи, и все отдыхало. Свѣчка, стоявшая на табуретѣ въ тѣсной толпѣ стеклянокъ, коробокъ и баночекъ, и большая лампа на комодѣ ярко освѣщали всю комнату. На кровати, у самого окна лежалъ мальчикъ съ открытыми глазами и удивленнымъ выраженіемъ лица. Онъ не двигался, но открытые глаза его, казалось, съ каждымъ мгновеніемъ все болѣе темнѣли и уходили во внутрь черепа. Положивъ руки на его туловище и спрятавъ лицо въ складки постели, передъ кроватью стояла на колѣняхъ мать. Подобно мальчику, она не шевелилась, но сколько живого движенія чувствовалось въ изгибахъ ея тѣла и въ рукахъ! Припадала она къ кровати всѣмъ своимъ существомъ, съ силой и жадностью, какъ будто боялась нарушить покойную и удобную позу, которую, наконецъ, нашла для своего утомленного тѣла. Одѣяла, тряпки, тазы, лужи на полу, разбросанныя повсюду кисточки и ложки, бѣлая бутылъ съ известковой водой, самый воздухъ, удушливый и тяжелый—все замерло и казалось погруженнымъ въ покой.

Докторъ остановился около жены, засунулъ руки въ кар-

маны брюкъ и, склонивъ голову на бокъ, устремилъ взглядъ на сына. Лицо его выражало равнодушіе, только по ресничкамъ, блестящимъ на его бородѣ, и замѣтно было, что онъ недавно плакалъ.

Тотъ отталкивающій ужасъ, о которомъ думаютъ, когда говорятъ о смерти, отсутствовалъ въ спальнѣ. Во всеобщемъ столбнякѣ, въ позѣ матери, въ равнодушій докторскаго лица лежало что-то притягивающее, трогающее сердце, именно та тонкая, едва уловимая красота человѣческаго горя, которую не скоро еще научатся понимать и описывать и которую умѣеть передавать, кажется, одна только музыка. Красота чувствовалась и въ угрюмой тишинѣ. Кирилловъ и его жена молчали, не плакали, какъ будто, кромѣ тяжести потери, сознавали также и весь лиризмъ своего положенія: какъ когда-то, въ свое время, прошла ихъ молодость, такъ теперь, вмѣстѣ съ этимъ мальчикомъ, уходило навсегда въ вѣчность и ихъ право имѣть дѣтей! Доктору 44 года, онъ уже сѣдъ и выглядитъ старикомъ; его поблекшей и больной женѣ 35 лѣтъ. Андрей былъ не только единственнымъ, но и послѣднимъ.

Въ противоположность своей женѣ, докторъ принадлежалъ къ числу натуръ, которыя во время душевной боли чувствуютъ потребность въ движеніи. Постоявъ около жены минутъ пять, онъ, высоко поднимая правую ногу, изъ спальни прошелъ въ маленькую комнату, наполовину занятую большимъ, широкимъ диваномъ; отсюда прошелъ въ кухню. Поблуждавъ около печки и кухаркиной постели, онъ нагнулся и сквозь маленькую дверцу вышелъ въ переднюю.

Тутъ онъ опять увидѣлъ бѣлое кашинѣ и блѣдное лицо.

— Наконецъ-то! — вздохнулъ Абогинъ, берясь за ручку двери. — Ыдемте, пожалуйста!

Докторъ вздрогнулъ, поглядѣлъ на него и вспомнилъ...

— Послушайте, вѣдь я уже сказалъ вамъ, что мнѣ нельзя ѣхать! — сказалъ онъ, оживляясь. — Какъ странно!

— Докторъ, я не истуканъ, отлично понимаю ваше положеніе... сочувствую вамъ! — сказалъ умоляющимъ голосомъ Абогинъ, прикладывая къ своему кашинѣ руку. — Но вѣдь я не за себя прошу... Умираетъ моя жена! Если бы вы слышали этотъ крикъ, видѣли ея лицо, то поняли бы мою настойчивость! Боже мой, а ужъ я думалъ, что вы пошли одѣваться! Докторъ, время дорого! Ыдемте, прошу васъ!

— Ъхать я не могу!—сказаль съ разстановкой Кириловъ и шагнулъ въ залу.

Абогиня пошелъ за нимъ и схватилъ его за рукавъ.

— У васъ горе, я понимаю, но вѣдь приглашаю я васъ не зубы лѣчить, не въ эксперты, а спасать жизнь человѣческую!—продолжалъ онъ умолять, какъ нищій.—Эта жизнь выше всякаго личнаго горя! Ну, я прошу мужества, подвига! Во имя человѣколюбія!

— Человѣколюбіе—налка о двухъ концахъ,—раздраженно сказалъ Кириловъ.—Во имя того же человѣколюбія я прошу васъ не увозить меня. И какъ странно, ей-Богу! Я едва на ногахъ стою, а вы человѣколюбіемъ пугаете! Никуда я сейчасъ не годенъ... не поѣду ни за что, да и на кого я жену оставлю? Нѣтъ, нѣтъ...

Кириловъ замахаль кистями рукъ и попятился назадъ.

— И... и не просите!—продолжалъ онъ испуганно.—Извините меня... По ХІІІ тому законѣ я обязанъ ѣхать, и вы имѣете право тащить меня за шиворотъ... Извольте, тащите, но... я не годенъ... Даже говорить не въ состояніи... Извините...

— Напрасно, докторъ, вы говорите со мной такимъ тономъ!—сказаль Абогиня, онять беря доктора за рукавъ.—Богъ съ нимъ, съ ХІІІ томомъ! Насиловать вашей воли я не имѣю никакого права. Хотите—поѣзжайте, не хотите—Богъ съ вами, но я не къ волѣ вашей обращаюсь, а къ чувству. Умираетъ молодая женщина! Сейчасъ, вы говорите, у васъ умеръ сынъ, кому же, какъ не вамъ, понять мой ужасъ?

Голосъ Абогина дрожалъ отъ волненія; въ этой дрожи и въ тонѣ было гораздо больше убѣдительности, чѣмъ въ словахъ. Абогиня былъ искрененъ, но замѣчательно, какія бы фразы онъ ни говорилъ, всѣ онѣ выходили у него ходульными, бездушными, неумѣстно цвѣтистыми и какъ будто даже оскорбляли и воздухъ докторской квартиры, и умирающую гдѣ-то женщину. Онъ и самъ это чувствовалъ, а потому, боясь быть непонятымъ, изо всѣхъ силъ старался придать своему голосу мягкость и нѣжность, чтобы взять если не словами, то хотя бы искренностью тона. Вообще фраза, какъ бы она ни была красива и глубока, дѣйствуетъ только на равнодушныхъ, но не всегда можетъ удовлетворить тѣхъ, кто счастливъ, или несчастливъ, потому-то выс-

шимъ выраженіемъ счастья, или несчастья является чаще всего безмолвіе; влюбленные понимаютъ другъ друга лучше, когда молчатъ, а горячая, страстная рѣчь, сказанная на могилѣ, трогаетъ только постороннихъ, вдовѣ же и дѣтямъ умершаго кажется она холодной и ничтожной.

Кириловъ стоялъ и молчалъ. Когда Абогинъ сказалъ еще нѣсколько фразъ о высококомъ призваніи врача, о самопожертвованіи и проч., докторъ спросилъ угрюмо:

— Далеко ѣхать?

— Что-то около 13—14 верстъ. У меня отличныя лошади, докторъ! Даю вамъ честное слово, что доставлю васъ туда и обратно въ одинъ часъ. Только одинъ часъ!

Послѣднія слова подѣйствовали на доктора сильнѣе, чѣмъ ссылки на человѣколюбіе или призваніе врача. Онъ подумалъ и сказалъ со вздохомъ:

— Хорошо, ѣдемте!

Онъ быстро, уже вѣрною походкой пошелъ къ своему кабинету и, немного погодя, вернулся въ длинномъ сюртукѣ. Мелко сѣменя возлѣ него и шаркая ногами, обрадованный Абогинъ помогъ надѣть ему пальто и вмѣстѣ съ нимъ вышелъ изъ дома.

На дворѣ было темно, но свѣтлѣе, чѣмъ въ передней. Въ темнотѣ уже ясно вырисовывалась высокая, сутуловатая фигура доктора съ длинной, узкой бородой и съ орлинымъ носомъ. У Абогина, кромѣ блѣднаго лица, теперь видна была его большая голова и маленькая, студенческая шапочка, едва прикрывавшая темя. Кашня облѣгло только спереди, позади же оно пряталось за длинными волосами.

— Вѣрьте, я сумѣю оцѣнить ваше великодушіе, — бормоталъ Абогинъ, подсаживая доктора въ коляску. — Мы живо домчимся. Ты же, Лука, голубчикъ, поѣзжъ ѿ какъ можно скорѣе! Пожалуйста!

Кучеръ ѣхалъ быстро. Сначала тянулся рядъ невзрачныхъ построекъ, стоявшихъ вдоль больничнаго двора; всюду было темно, только въ глубинѣ двора, изъ чьего-то окна, сквозь насадинки, пробивался яркій свѣтъ, да три окна верхняго этажа больничнаго корпуса казались блѣднѣе воздуха. Затѣмъ коляска въѣхала въ густыя потемки; тутъ пахло грибной сыростью и слышался шопотъ деревьевъ; вордны, возбуженныя шумомъ колесъ, закопошились въ шествіи и подняли тревожный жалобный крикъ, какъ будто

знали, что у доктора умеръ сынъ, а у Абогина больна жена. Но вотъ замелькали отдѣльныя деревья, кустарникъ; сверкнулъ угрюмо прудъ, на которомъ снали большія черныя тѣни—и коляска покатила по гладкой равнинѣ. Крикъ воронъ слышался уже глухо, далеко сзади и скоро совсѣмъ умолкъ.

Почти всю дорогу Кириловъ и Абогинъ молчали. Только разъ Абогинъ глубоко вздохнулъ и пробормоталъ:

— Мучительное состояніе! Никогда такъ не любишь близкихъ, какъ въ то время, когда рискуешь потерять ихъ.

И когда коляска тихо переѣзжала рѣку, Кириловъ вдругъ встрепенулся, точно его испугалъ плескъ воды, и задвигался.

— Послушайте, отпустите меня,—сказалъ онъ тоскливо.— Я къ вамъ потомъ приѣду. Миѣ бы только фельдшера къ женѣ послать. Вѣдь она одна!

Абогинъ молчалъ. Коляска, покачиваясь и стуча о камни, проѣхала песочный берегъ и покатила далѣе. Кириловъ заметался въ тоскѣ и поглядѣлъ вокругъ себя. Позади, сквозь скудный свѣтъ звѣздъ, видна была дорога и исчезавшія въ потемкахъ прибрежныя ивы. Направо лежала равнина, такая же ровная и безграничная, какъ небо; далеко на ней тамъ и сямъ, вѣроятно на торфяныхъ болотахъ, горѣли тусклые огоньки. Налѣво, параллельно дорогѣ, тянулся холмъ, кудрявый отъ мелкаго кустарника, а надъ холмомъ неподвижно стоялъ большой полумѣсяцъ, красный, слегка подернутый туманомъ и окруженный мелкими облачками, которыя, казалось, оглядывали его со всѣхъ сторонъ и стерегли, чтобы онъ не ушелъ.

Во всей природѣ чувствовалось что-то безнадежное, больное; земля, какъ падшая женщина, которая одна сидитъ въ темной комнатѣ и старается не думать о прошломъ, томилась воспоминаніями о веснѣ и лѣтѣ и апатично ожидала неизбѣжной зимы. Куда ни взглянешь, всюду природа представлялась темной, безгранично-глубокой и холодной ямой, откуда не вырваться ни Кирилову, ни Абогину, ни красному полумѣсяцу...

Чѣмъ ближе къ цѣли была коляска, тѣмъ нетерпѣливѣе становился Абогинъ. Онъ двигался, вскакивалъ, вглядывался черезъ плечо кучера впередъ. А когда, наконецъ,

голяска остановилась у крыльца, красиво задрапированнаго полосатой холстиной, и когда онъ поглядѣлъ на освѣщенные окна второго этажа, слышно было, какъ дрожало его дыханіе.

— Если что случится, то... я не переживу, — сказалъ онъ, входя съ докторомъ въ переднюю и въ волненіи потирая руки. — Но не слышно суматохи, значитъ, пока еще благополучно, — прибавилъ онъ, вслушиваясь въ тишину.

Въ передней не слышно было ни голосовъ, ни шаговъ, и весь домъ казался спавшимъ, несмотря на яркое освѣщеніе. Теперь ужъ докторъ и Абогинъ, бывшіе до сего времени въ потемкахъ, могли разглядѣть другъ друга. Докторъ былъ высокъ, сутуловатъ, одѣтъ неряшливо и лицо имѣлъ некрасивое. Что-то непріятно рѣзкое, неласковое и суровое выражали его толстыя, какъ у негра, губы, орлиный носъ и вялый, равнодушный взглядъ. Его нечесаная голова, висячіе виски, преждевременныя сѣдины на длинной, узкой бородѣ, сквозь которую просвѣчивалъ подбородокъ, блѣдно-сѣрый цвѣтъ кожи и небрежныя, угловатыя манеры — все это своею черствостью наводило на мысль о пережитой нуждѣ, бездольѣ, объ утомленіи жизнью и людьми. Глядя на всю его сухую фигуру, не вѣрилось, чтобы у этого человѣка была жена, чтобы онъ могъ плакать о ребенкѣ. Абогинъ же изображалъ изъ себя нѣчто другое. Это былъ плотный, солидный блондинъ съ большой головой и крупными, но мягкими чертами лица, одѣтый изящно, по самой послѣдней модѣ. Въ его осанкѣ, въ плотно застегнутомъ сюртукѣ, въ гривѣ и въ лицѣ чувствовалось что-то благородное, львиное; ходилъ онъ держа прямо голову и выпятивъ впередъ грудь, говорилъ пріятнымъ баритономъ, и въ манерахъ, съ какими онъ снималъ сапожъ или поправлялъ волосы на головѣ, сквозило тонкое, почти женское изящество. Даже блѣдность и дѣтскій страхъ, съ какими онъ, раздвѣаясь, поглядывалъ вверхъ на лѣстницу, не портили его осанки и не умаляли сытости, здоровья и апломба, какими дышала вся его фигура.

— Никого нѣтъ и ничего не слышно, — сказалъ онъ, идя по лѣстницѣ. — Суматохи нѣтъ. Дай-то Богъ!

Онъ провелъ доктора черезъ переднюю въ большую залу, гдѣ темнѣлъ черный рояль и висѣла люстра въ бѣломъ чехлѣ; отсюда оба они прошли въ маленькую, очень уют-

ную и красивую гостиную, полную пріятнаго розоваго полумрака.

— Ну, посидите тутъ, докторъ,—сказаль Абогинъ:—а я... сейчасъ. Я пойду погляжу и предупрежу.

Кириловъ остался одинъ. Роскошь гостиной, пріятный полумракъ и само его присутствіе въ чужомъ, незнакомомъ домѣ, имѣвшее характеръ приключенія, повидимому, не трогали его. Онъ сидѣлъ въ креслѣ и разглядываль свои обожженные карболкой руки. Только мелькомъ увидѣлъ онъ ярко-красный абажуръ, футляръ отъ віолончели, да, покосившись въ ту сторону, гдѣ тикали часы, онъ замѣтилъ чучело волка, такого же солиднаго и сытаго, какъ самъ Абогинъ.

Было тихо... Гдѣ-то далеко въ сосѣднихъ комнатахъ кто-то громко произнесъ звукъ «а!», прозвенѣла стеклянная дверь, вѣроятно шкапа, и опять все стихло. Подождавъ минутъ пять, Кириловъ пересталь оглядывать свои руки и поднялъ глаза на ту дверь, за которой скрылся Абогинъ.

У порога этой двери стоялъ Абогинъ, но не тотъ, который вышелъ. Выраженіе сытости и тонкаго изящества исчезло на немъ, лицо его, и руки, и поза были исковерканы отвратительнымъ выраженіемъ не то ужаса, не то мучительной физической боли. Его носъ, губы, усы, всѣ черты двигались и, казалось, старались оторваться отъ лица, глаза же какъ будто смѣялись отъ боли...

Абогинъ тяжело и широко шагнулъ на середину гостиной, согнулся, простоналъ и потрясъ кулаками.

— Обманула!—крикнулъ онъ, сильно напирая на слогъ *ну*.—Обманула! Ушла! Заболѣла и услала меня за докторомъ для того только, чтобы бѣжать съ этимъ шуткомъ Палчинскимъ! Боже мой!

Абогинъ тяжело шагнулъ къ доктору, протянулъ къ его лицу свои бѣлые мягкіе кулаки и, потрясая ими, продолжалъ вопить:

— Ушла!! Обманула! Ну, къ чему же эта ложь?! Боже мой! Боже мой! Къ чему этотъ грязный, шулерскій фокусъ, эта дьявольская, змѣиная игра? Что я ей сдѣлалъ? Ушла!

Слезы брызнули у него изъ глазъ. Онъ перевернулся на одной ногѣ и зашагалъ по гостиной. Теперь въ своемъ короткомъ сюртукѣ, въ модныхъ, узкихъ брюкахъ, въ кото-

рыхъ ноги казались не по корпусу тонкими, со своей большой головой и гривой онъ чрезвычайно походилъ на льва. На равнодушномъ лицѣ доктора засвѣтилось любопытство. Онъ поднялся и оглядѣлъ Абогина.

— Позвольте, гдѣ же больная?—спросилъ онъ.

— Больная! Больная!—крикнулъ Абогинъ, смѣясь, плача и все еще потрясая кулаками.—Это не больная, а проклятая! Низость! Подлость, гаже чего не придумалъ бы, кажется, самъ сатана! Услала затѣмъ, чтобы бѣжать, бѣжать съ шутомъ, тупымъ клоуномъ, альфонсомъ! О, Боже, лучше бы она умерла! Я не вынесу! Не вынесу я!

Докторъ выпрямился. Его глаза замигали, налились слезами, узкая борода задвигалась направо и налево вмѣстѣ съ челюстью.

— Позвольте, какъ же это?—спросилъ онъ, съ любопытствомъ оглядываясь.—У меня умеръ ребенокъ, жена въ тоскѣ, одна на весь домъ... самъ я едва стою на ногахъ, три ночи не спалъ... и что же? Меня заставляютъ играть въ какой-то пошлой комедіи, играть роль бутафорской вещи! Не... не понимаю!

Абогинъ разжалъ одинъ кулакъ, швырнулъ на полъ скомканную записку и наступилъ на нее, какъ на наѣвкомое, которое хочется раздавить.

— И я не видѣлъ... не понималъ!—говорилъ онъ сквозь сжатые зубы, потрясая около своего лица однимъ кулакомъ и съ такимъ выраженіемъ, какъ будто ему наступили на мозоль.—Я не замѣчалъ, что онъ ѣздитъ каждый день, не замѣтилъ, что онъ сегодня пріѣхалъ въ каретѣ! Зачѣмъ въ каретѣ? И я не видѣлъ! Колшакъ!

— Не... не понимаю!—бормоталъ докторъ.—Вѣдь это что же такое! Вѣдь это глумленіе надъ личностью, издѣвательство надъ человѣческими страданіями! Это что-то невозможное... первый разъ въ жизни вижу!

Съ тупымъ удивленіемъ человѣка, который только-что сталъ понимать, что его тяжело оскорбили, докторъ пожалъ плечами, развелъ руками и, не зная, что говорить, что дѣлать, въ изнеможеніи опустился въ кресло.

— Ну, разлюбила, полюбила другого—Богъ съ тобой, но къ чему же обманъ, къ чему этотъ подлый, измѣнническій фортель?—говорилъ плачущимъ голосомъ Абогинъ.—Къ чему? И за что? Что я тебѣ сдѣлалъ? Послушайте,

докторъ,—горячо сказала онъ, подходя къ Кирилову.— Вы были невольнымъ свидѣтелемъ моего несчастья, и я не стану скрывать отъ васъ правду. Клянусь вамъ, что я любилъ эту женщину, любилъ набожно, какъ раба! Для нея я пожертвовалъ всѣмъ: поссорился съ родней, бросилъ службу и музыку, прощалъ ей то, чего не сумѣлъ бы простить матери, или сестрѣ... Ни разу я не поглядѣлъ на нее косо... не подавалъ никакого повода! За что же эта ложь? Я не требую любви, но зачѣмъ этотъ гнусный обманъ? Не любилъ, такъ скажи прямо, честно, тѣмъ болѣе, что знаешь мои взгляды на этотъ счетъ...

Со слезами на глазахъ, дрожа всѣмъ тѣломъ, Абогинъ искренно изливалъ передъ докторомъ свою душу. Онъ говорилъ горячо, прижимая обѣ руки къ сердцу, разоблачалъ свои семейныя тайны безъ малѣйшаго колебанія и какъ будто даже радъ былъ, что, наконецъ, эти тайны вырвались наружу изъ его груди. Поговори онъ такимъ образомъ часть, другой, вылей свою душу, и несомнѣнно ему стало бы легче. Кто знаетъ, выслушай его докторъ, почувствуй ему дружески, быть-можетъ, онъ, какъ это часто случается, примирился бы со своимъ горемъ безъ протеста, не дѣлая ненужныхъ глупостей... Но случилось иначе. Пока Абогинъ говорилъ, оскорбленный докторъ замѣтно мѣнялся. Равнодушіе и удивленіе на его лицѣ мало-по-малу уступили мѣсто выраженію горькой обиды, негодованія и гнѣва. Черты лица его стали еще рѣзче, черствѣе и непріятнѣе. Когда Абогинъ поднесъ къ его глазамъ карточку молодой женщины съ красивымъ, но сухимъ и невыразительнымъ, какъ у монашенки, лицомъ, и спросилъ, можно ли, глядя на это лицо, допустить, что оно способно выражать ложь, докторъ вдругъ вскочилъ, сверкнулъ глазами и сказалъ, грубо отчеканивая каждое слово:

— Зачѣмъ вы все это говорите мнѣ? Не желаю я слушать! Не желаю!—крикнулъ онъ и стукнулъ кулакомъ по столу.— Не нужны мнѣ ваши пошлыя тайны, чертъ бы ихъ взялъ! Не смѣете вы говорить мнѣ эти пошлости! Или вы думаете, что я еще недостаточно оскорбленъ? Что я лакей, котораго до конца можно оскорблять? Да?

Абогинъ попятился отъ Кирилова и изумленно уставился на него.

— Зачѣмъ вы меня сюда привезли?—продолжалъ док-

торъ, тряся бородой.—Если вы съ жиру женитесь, съ жиру обьситесь и разыгрываете мелодрамы, то при чемъ тутъ я? Что у меня общаго съ вашими романами? Оставьте меня въ покоѣ! Упражняйтесь въ благородномъ кулачествѣ, рисуйте гуманными идеями, играйте (докторъ покосился на футляръ съ виолончелью)—играйте на контрабасахъ и тромбонахъ, жирѣйте, какъ каплуны, но не смѣйте глумиться надъ личностью! Не умѣете уважать ее, такъ хоть избавьте ее отъ вашего вниманія!

— Позвольте, что это все значить?—спросилъ Абогинъ, краснѣя.

— А то значить, что низко и подло играть такъ людьми! Я врачъ, вы считаете врачей и вообще рабочихъ, отъ которыхъ не пахнетъ духами и проституціей, своими лакеями и моветонами, ну, и считайте, но никто не далъ вамъ права дѣлать изъ человѣка, который страдаетъ, бутафорскую вещь!

— Какъ вы смѣете говорить мнѣ это?—спросилъ тихо Абогинъ, и его лицо опять запрыгало и на этотъ разъ уже ясно отъ гнѣва.

— Нѣтъ, какъ вы, зная, что у меня горе, смѣли привезти меня сюда выслушивать пошлости?—крикнулъ докторъ и опять стукнулъ кулакомъ по столу.—Кто вамъ далъ право такъ издѣваться надъ чужимъ горемъ?

— Вы съ ума сошли!—крикнулъ Абогинъ.—Не великодушно! Я самъ глубоко несчастливъ и... и...

— Несчастливъ,—презрительно ухмыльнулся докторъ.— Не трогайте этого слова, оно васъ не касается. Шалонаи, которые не находятъ денегъ подъ вексель, тоже называютъ себя несчастными. Каплуны, котораго давить лишній жиръ, тоже несчастливъ. Ничтожные люди!

— Милостивый государь, вы забываетесь!—взвизгнулъ Абогинъ.—За такія слова... бьютъ! Понимаете?

Абогинъ торопливо полѣзъ въ боковой карманъ, вытащилъ оттуда бумажникъ и, доставъ двѣ бумажки, швырнулъ ихъ на столъ.

— Вотъ вамъ за вангъ визиты!—сказалъ онъ, шевеля ноздрями.—Вамъ заплачено!

— Не смѣете вы предлагать мнѣ деньги!—крикнулъ докторъ и смахнулъ со стола на полъ бумажки.—За оскорбленіе деньгами не платять!

Абогинъ и докторъ стояли лицомъ къ лицу и въ гнѣвѣ

продолжали наносить другъ другу незаслуженныя оскорбленія. Кажется, никогда въ жизни, даже въ бреду они не сказали столько несправедливаго, жестокаго и нелѣпаго. Въ обоихъ сильно сказался эгоизмъ несчастныхъ. Несчастныя эгоистичны, злы, несправедливы, жестоки и менѣе, чѣмъ глупцы, способны понимать другъ друга. Не соединяетъ, а разъединяетъ людей несчастье, и даже тамъ, гдѣ, казалось бы, люди должны быть связаны однородностью горя, продѣлывается гораздо больше несправедливостей и жестокостей, чѣмъ въ средѣ сравнительно довольной.

— Извольте отпустить меня домой!—крикнулъ докторъ, задыхаясь.

Абогинъ рѣзко позвонилъ. Когда на его зовъ никто не явился, онъ еще разъ позвонилъ и сердито швырнулъ колокольчикъ на полъ; тотъ глухо ударился о коверъ и издалъ жалобный, точно предсмертный стонъ. Явился лакей.

— Гдѣ вы попрятались, чортъ бы васъ взялъ?!—набросился на него хозяинъ, сжимая кулаки.—Гдѣ ты былъ сейчасъ? Пошелъ, скажи, чтобы этому господину подали коляску, а для меня вели заложить карету! Постой!—крикнулъ онъ, когда лакей повернулся уходить.—Завтра чтобы ни одного предателя не оставалось въ домѣ! Всѣ вонъ! Нанимаю новыхъ! Гадины!

Въ ожиданіи экипажей Абогинъ и докторъ молчали. Къ первому уже вернулись и выраженіе сытости, и тонкое изящество. Онъ шагаль по гостиной, изящно встряхиваль головой и, очевидно, что-то замышляль. Гнѣвъ его еще не остылъ, но онъ старался показывать видъ, что не замѣчаетъ своего врага... Докторъ же стояль, держался одной рукой о край стола и глядѣль на Абогина съ тѣмъ глубокимъ, нѣсколько циничнымъ и некрасивымъ презрѣніемъ, съ какимъ умѣютъ глядѣть только горе и бездолье, когда видать передъ собой сытость и изящество.

Когда, немного погодя, докторъ сѣлъ въ коляску и поѣхаль, глаза его все еще продолжали глядѣть презрительно. Было темно, гораздо темнѣе, чѣмъ часъ тому назадъ. Красный полумѣсяцъ уже ушелъ за холмъ, и сторожившія его тучи темными пятнами лежали около звѣздъ. Карета съ красными огнями застучала по дорогѣ и перегнала доктора. Это ѣхаль Абогинъ протестовать, дѣлать глупости...

Всю дорогу докторъ думаль не о женѣ, не объ Андреѣ,

а объ Абогинѣ и людяхъ, жившихъ въ домѣ, которыя онъ только-что оставилъ. Мысли его были несправедливы и нечеловѣчно жестоки. Осудилъ онъ и Абогина, и его жену, и Папчинскаго, и всѣхъ, живущихъ въ розовомъ полумракѣ и пахнущихъ духами, и всю дорогу ненавидѣлъ ихъ и презиралъ до боли въ сердцѣ. И въ умѣ его сложилось крѣпкое убѣжденіе объ этихъ людяхъ.

Пройдетъ время, пройдетъ и горе Кирилова, но это убѣжденіе, несправедливое, недостойное человѣческаго сердца, не пройдетъ и останется въ умѣ доктора до самой могилы.

КОШМАРЪ.

Непремѣнный членъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствія Кунинъ, молодой человекъ, лѣтъ тридцати, вернувшись изъ Петербурга въ свое Борисово, послалъ первымъ дѣломъ верхового въ Синьково за тамошнимъ священникомъ, отцомъ Яковомъ Смирновымъ.

Часовъ черезъ пять отецъ Яковъ явился.

— Очень радъ познакомиться! — встрѣтилъ его въ передней Кунинъ. — Ужъ годъ, какъ живу и служу здѣсь, пора бы, кажется, быть знакомыми. Милости просимъ! Но, однако... какой вы молодой! — удивился Кунинъ. — Сколько вамъ лѣтъ?

— Двадцать восемь-съ... — проговорилъ отецъ Яковъ, слабо пожимая протянутую руку и, неизвѣстно отчего, краснѣя.

Кунинъ ввелъ гостя къ себѣ въ кабинетъ и принялся его разсматривать.

«Какое аляповатое, бабье лицо!» — подумалъ онъ.

Дѣйствительно, въ лицѣ отца Якова было очень много «бабьяго»: вздернутый носъ, ярко-красныя щеки и большіе, сѣро-голубые глаза съ жидкими, едва замѣтными бровями. Длинные, рыжіе волосы, сухіе и гладкіе, спускались на плечи прямыми палками. Усы еще только начинали формироваться въ настоящіе, мужскіе усы, а бородка принадлежала къ тому сорту никуда негодныхъ бородъ, который у семинаристовъ почему-то называется «скоктаніемъ»: рѣденькая, сильно просвѣчивающая; погладить и почесать ее гребнемъ нельзя, можно развѣ только пощипать... Вся

эта скудная растительность сидѣла неравномѣрно, кустиками, словно отецъ Яковъ, вздумавъ загримироваться священникомъ и начавъ приклеивать бороду, былъ прерванъ на половинѣ дѣла. На немъ была ряска, цвѣта жидкаго цикорнаго кофе, съ большими латками на обоихъ локтяхъ.

«Странный субъектъ...—подумалъ Куининъ, глядя на его полы, обрызганныя грязью.—Приходить въ домъ первый разъ и не можетъ поприличіи одѣться».

— Садитесь, батюшка, — началъ онъ болѣе развязно, чѣмъ привѣтливо, придвигая къ столу кресло.—Садитесь же, прошу васъ!

Отецъ Яковъ кашлянулъ въ кулакъ, неловко опустилсѣя на край кресла и положилъ ладони на колѣни. Мало-рослый, узкогрудый, съ потомъ и краской на лицѣ, онъ на первыхъ же порахъ произвелъ на Куинина самое непріятное впечатлѣніе. Ранѣе Куининъ никакъ не могъ думать, что на Руси есть такіе несолидные и жалкіе на видъ священники, а въ позѣ отца Якова, въ этомъ держаніи ладоней на колѣняхъ и въ сидѣніи на краешкѣ, ему видѣлось отсутствіе достоинства и даже подхалимство.

— Я, батюшка, пригласилъ васъ по дѣлу... — началъ Куининъ, откидываясь на спинку кресла. — На мою долю выпала пріятная обязанность помочь вамъ въ одномъ вашемъ полезномъ предпріятіи... Дѣло въ томъ, что, вернувшись изъ Петербурга, я нашелъ у себя на столѣ письмо отъ предводителя. Егоръ Дмитріевичъ предлагаетъ мнѣ взять подъ свое попечительство церковно-приходскую школу, которая открывается у васъ въ Спнсковѣ. Я, батюшка, очень радъ, всей душой... Даже больше: я съ восторгомъ принимаю это предложеніе!

Куининъ поднялся и заходилъ по кабинету.

— Конечно, и Егору Дмитріевичу и, вѣроятно, вамъ извѣстно, что большими средствами я не располагаю. Имѣніе мое заложено, и живу я исключительно только на жалованье непремѣннаго члена. Стало-быть, на большую помощь вы рассчитывать не можете, но что въ моихъ силахъ, то я все сдѣлаю... А когда, батюшка, думаете открыть школу?

— Когда будутъ деньги...—отвѣтилъ отецъ Яковъ.

— Теперь же вы располагаете какими-нибудь средствами?

— Почти никакими-съ... Мужики постановили на сходѣ платить ежегодно по тридцати копеекъ съ каждой мужской души, но вѣдь это только общаніе! А на первое обзаведеніе нужно, по крайней мѣрѣ, рублей двѣсти...

— М-да... Къ сожалѣнію, у меня тецерь нѣтъ этой суммы... — вздохнулъ Кунинъ.—Въ поѣздкѣ я весь истратился и... задолжалъ даже. Давайте общими силами придумаемъ что-нибудь.

Кунинъ сталъ вслухъ придумывать. Онъ высказывалъ свои соображенія и слѣдилъ за лицомъ отца Якова, ища на немъ одобренія или согласія. Но лицо это было безстрастно, неподвижно и ничего не выражало, кромѣ застѣнчивой робости и безлокойства. Глядя на него, можно было подумать, что Кунинъ говорилъ о такихъ мудреныхъ вещахъ, которыхъ отецъ Яковъ не понималъ, слушалъ только изъ деликатности и притомъ боялся, чтобы его не уличили въ непониманіи.

«Малый, какъ видно, не изъ очень умныхъ...—думалъ Кунинъ.—Не въ мѣру робокъ и глуповать».

Нѣсколько оживился и даже улыбнулся отецъ Яковъ только тогда, когда въ кабинетъ вошелъ лакей и внесъ на подносѣ два стакана чаю и сухарницу съ крендельками. Онъ взялъ свой стаканъ и тотчасъ же принялся пить.

— Не написать ли намъ преосвященному?—продолжалъ соображать вслухъ Кунинъ.—Вѣдь, собственно говоря, не земство, не мы, а высшія духовныя власти подняли вопросъ о церковно-приходскихъ школахъ. Онѣ должны, по-настоящему, и средства указать. Мнѣ помнится, я читалъ, что на этотъ счетъ даже была ассигнована сумма какая-то. Вамъ ничего неизвѣстно?

Отецъ Яковъ такъ погрузился въ чаепитіе, что не сразу отвѣтилъ на этотъ вопросъ. Онъ поднялъ на Кунина свои сѣро-голубые глаза, подумалъ и, точно вспомнивъ его вопросъ, отрицательно мотнулъ головой. По некрасивому лицу его отъ уха до уха разливалось выраженіе удовольствія и самаго обыденнаго, прозаическаго аппетита. Онъ пилъ и смаковалъ каждый глотокъ. Выпивъ все до послѣдней капли, онъ поставилъ свой стаканъ на столъ, потомъ взялъ назадъ этотъ стаканъ, оглядѣлъ его дно и опять поставилъ. Выраженіе удовольствія сползло съ лица... Далѣе Кунинъ видѣлъ, какъ его гость взялъ изъ сухарницы одинъ кренде-

лекъ, откусилъ отъ него кусочекъ, потомъ повертѣлъ въ рукахъ и быстро сунулъ его себѣ въ карманъ.

«Ну, ужъ это совсѣмъ не по-іерейски!—подумалъ Кунинъ, брезгливо пожимая плечами.—Что это, поповская жадность, или ребячество?»

Давъ гостю выпить еще одинъ стаканъ чаю и проводивъ его до передней, Кунинъ легъ на софу и весь отдался непріятному чувству, навѣянному на него посѣщеніемъ отца Якова.

«Какой странный, дикій человекъ!—думалъ онъ.—Грязень, неряха, грубъ, глушь и, навѣрное, пьяница... Боже мой, и это священникъ, духовный отецъ! Это учитель народа! Воображаю, сколько прони должно быть въ голосѣ дьякона, возглашающаго ему передъ каждой обѣдней: «Благослови, владыко!» Хорошъ владыко! Владыко, не имѣющій ни капли достоинства, невоспитанный, прячущій сухари въ карманы, какъ школьникъ... Фиг! Господи, въ какомъ мѣстѣ были глаза у архіерея, когда онъ посвящалъ этого человекъ? За кого они народъ считаютъ, если даютъ ему такихъ учителей? Тутъ нужны люди, которые...»

И Кунинъ задумался о томъ, кого должны изображать изъ себя русскіе священники...

«Будь, напримѣръ, я попомъ... Образованный и любящій свое дѣло пошъ много можетъ сдѣлать... У меня давно бы уже была открыта школа. А проповѣдь? Если пошъ искрененъ и вдохновленъ любовью къ своему дѣлу, то какія чудныя, зажигательныя проповѣди онъ можетъ говорить!»

Кунинъ закрылъ глаза и сталъ мысленно слагать проповѣдь. Немного погодя, онъ сидѣлъ за столомъ и быстро записывалъ.

«Дамъ тому рыжему, пусть прочтетъ въ церкви...»—думалъ онъ.

Въ ближайшее воскресенье, утромъ, Кунинъ ѣхалъ въ Синьково покончить съ вопросомъ о школѣ и кстати познакомиться съ церковью, прихожаниномъ которой онъ считался. Несмотря на распутицу, утро было великолѣпное. Солнце ярко свѣтило и рѣзало своими лучами кое-гдѣ бѣлѣвшіе пласты залежавшагося снѣга. Снѣгъ на прощаньи съ землей переливалъ такими алмазами, что больно было глядѣть, а около него спѣшила зеленѣть молодая озимь. Грачи солидно носились надъ землей. Детить грачъ, опу-

стится къ землѣ и, прежде чѣмъ стать прочно на ноги, нѣсколько разъ подпрыгнетъ...

Деревянная церковь, къ которой подвѣхалъ Куининъ, была ветха и сѣра; колонки у паперти, когда-то выкрашенные въ бѣлую краску, теперь совершенно облупились и походили на двѣ некрасивыя оглобли. Образъ надъ дверью глядѣлъ сплошнымъ, темнымъ пятномъ. Но эта бѣдность тронула и умилила Кунина. Скромно опустивъ глаза, онъ вошелъ въ церковь и остановился у двери. Служба еще только началась. Старый, въ дугу согнувшійся дьячокъ глухимъ, неразборчивымъ теноромъ читалъ часы. Отецъ Яковъ, служившій безъ дьякона, ходилъ по церкви и кадилъ. Если бъ не смиреніе, какимъ проникся Куининъ, входя въ нищую церковь, то при видѣ отца Якова онъ непременно бы улыбнулся. На малоросломъ іереѣ была помятая и длинная-предлинная риза изъ какой-то потертой желтой матеріи. Нижній край ризы волочился по землѣ.

Церковь была не полна. Кунина, при взглядѣ на прихожанъ, поразило на первыхъ порахъ одно странное обстоятельство: онъ увидѣлъ только стариковъ и дѣтей.. Гдѣ же рабочій возрастъ? Гдѣ юность и мужество? Но, постоявъ немного и взглянувъши попристальнѣй въ старческія лица, Куининъ увидѣлъ, что молодыхъ онъ принялъ за старыхъ. Впрочемъ, этому маленькому оптическому обману онъ не придалъ особаго значенія.

Внутри церковь была такъ же ветха и сѣра, какъ и снаружи. На иконостасѣ и на бурыхъ стѣнахъ не было ни одного мѣстечка, котораго бы не закоптило и не испачкало время. Оконъ было много, но общій колоритъ казался сѣрымъ, и поэтому въ церкви стояли сумерки.

«Кто чистъ душою, тому хорошо здѣсь молиться...—думалъ Куининъ.—Какъ въ Римѣ у св. Петра поражаетъ величіе, такъ здѣсь трогаютъ эти смиреніе и простота».

Но молитвенное настроеніе его разсѣялось въ дымъ, когда отецъ Яковъ вошелъ въ алтарь и началъ обѣдню. По молодости лѣтъ, попавъ въ священники прямо съ семинарской скамьи, отецъ Яковъ не успѣлъ еще усвоить себѣ опредѣленную манеру служить. Читая, онъ какъ будто выбиралъ, на какомъ голосѣ ему остановиться, на высокомъ тенорѣ, или жидкомъ баскѣ; кланялся онъ неумѣло, ходилъ быстро, царскія врата открывалъ и закрывалъ по-

рывисто... Старый дьячокъ, очевидно больной и глухой, плохо слышалъ его возгласы, отчего не обходилось безъ маленькихъ недоразумѣній. Не успѣлъ отецъ Яковъ прочесть, что нужно, а ужъ дьячокъ поетъ свое, или же отецъ Яковъ давно уже кончилъ, а старикъ тинется ухомъ въ сторону алтаря, прислушивается и молчитъ, пока его не дернутъ за полу. У старика былъ глухой, болѣзненный голосъ, съ одышкой, дрожащій и шепелявый... Въ довершеніе неблаголѣнія, дьячку подтягивалъ очень маленькій мальчикъ, голова котораго едва видѣлась изъ-за перилы клироса. Мальчикъ пѣлъ высокимъ визгливымъ дискантомъ и словно старался не попадать въ тонъ. Кунинъ постоялъ немного, послушалъ и вышелъ покурить. Онъ былъ уже разочарованъ и почти съ неприязнью глядѣлъ на сѣрую церковь.

— Жалуются на паденіе въ народѣ религіознаго чувства... — вздохнулъ онъ. — Еще бы! Они бы еще больше понасажали сюда такихъ поповъ!

Раза три потомъ входилъ Кунинъ въ церковь, и всякій разъ его сильно мотывило вонъ на свѣжій воздухъ. Дождавшись конца обѣдни, онъ отправился къ отцу Якову. Домъ священника снаружи ничѣмъ не отличался отъ крестьянскихъ избъ, только солома на крышѣ лежала ровнѣе, да на окнахъ бѣлѣли занавѣсочки. Отецъ Яковъ ввелъ Кунина въ маленькую, свѣтлую комнату съ глинянымъ поломъ и со стѣнами, оклеенными дешевыми обоями; несмотря на кое-какія потуги къ роскоши, въ родѣ фотографій въ рамочкахъ да часовъ съ прицѣпленными къ гирѣ ножницами, обстановка поражала своею скудостью. Глядя на мебель, можно было подумать, что отецъ Яковъ ходилъ по дворамъ и собиралъ ее по частямъ: въ одномъ мѣстѣ дали ему круглый столъ на трехъ ногахъ, въ другомъ — табуретъ, въ третьемъ — стулъ съ сильно загнутой назадъ спинкой, въ четвертомъ — стулъ съ прямой спинкой, но съ вдавленнымъ сидѣньемъ, а въ пятомъ — расшедрились и дали какое-то подобіе дивана съ плоской спинкой и съ рѣшетчатымъ сидѣньемъ. Это подобіе было выкрашено въ темно-красный цвѣтъ и сильно пахло краской. Кунинъ сначала хотѣлъ сѣсть на одинъ изъ стульевъ, но подумалъ и сѣлъ на табуретъ.

— Вы это первый разъ въ нашемъ храмѣ? — спросилъ

отецъ Яковъ, вѣшая свою шляпу на большой уродливый гвоздикъ.

— Да, въ первый. Вотъ что, батюшка... Прежде чѣмъ мы приступимъ къ дѣлу, угостите меня чаемъ, а то у меня вся душа высохла.

Отецъ Яковъ заморгаль глазами, крикнулъ и пошелъ за перегородку. Послышалось шушуканье...

«Должно-быть, съ понадей...—подумаль Кунинь.— Интересно бы поглядѣть, какая у этого рыжаго понадея...»

Немного погодя, отецъ Яковъ вышелъ изъ-за перегородки красный, потный и, силясь улыбнуться, сѣлъ противъ Кунина на край дивана.

— Сейчас поставятъ самоваръ,—сказаль онъ, не глядя на своего гостя.

«Боже мой, они еще самовара не ставили! — ужаснулся про себя Кунинь.—Изволь теперь ждать!»

— Я вамъ привезъ,—сказаль онъ:—черновое письмо, которое я написалъ архіерею. Прочту послѣ чая... Можетъ-быть, вы найдете что-нибудь добавить...

— Хорошо-сь.

Наступило молчаніе. Отецъ Яковъ лугливо покосился на перегородку, поправиль волосы и высморкался.

— Погода чудесная-сь...—сказаль онъ.

— Да. Между прочимъ, интересную я вещь прочель вчера... Вольское земство постановило передать все свои школы духовенству. Это характерно.

Кунинь поднялся, зашагалъ по глиняному полу и началъ высказывать свои соображенія.

— Это ничего,—говориль онъ:—лишь бы только духовенство стояло на высотѣ своего призванія и ясно сознавало свои задачи. Къ моему несчастью, я знаю священниковъ, которые, по своему развитію и нравственнымъ качествамъ, не годятся въ военные писаря, а не то что въ священники. А вы согласитесь, плохой учитель принесеть школь гораздо меньше вреда, чѣмъ плохой священникъ.

Кунинь взглянулъ на отца Якова. Тотъ сидѣлъ согнувшись, о чемъ-то усердно думаль и, повидимому, не слушаль гостя.

— Яша, поди-ка сюда! — слышался женскій голосъ изъ-за перегородки.

Отецъ Яковъ встрепенулся и пошелъ за перегородку. Опять началось шушуканье.

Кунина защемила тоска по чаю.

«Нѣтъ, не дождусь я тутъ чаю! — подумаль онъ, глядя на часы. — Да кажется, тутъ я не совсѣмъ желанный гость. Хозяинъ не соблаговолилъ со мной и одного слова сказать, а только сидитъ да глазами хлопаетъ.»

Кунинъ взялся за шляпу, дождался отца Якова и простился съ нимъ.

— Даромъ только утро пропало! — злился онъ дорогой. — Бревно! Пень! Школой онъ такъ же интересуется, какъ я прошлогоднимъ сѣзгомъ. Нѣтъ, не сварю я съ нимъ каши! Ничего у насъ съ нимъ не выйдетъ! Если бы предводитель зналъ, какой здѣсь пошъ, то не сѣшилъ бы хлопотать о школѣ. Надо сперва о хорошемъ пошѣ позаботиться, а потомъ ужъ о школѣ!

Кунинъ теперь почти ненавидѣлъ отца Якова. Этотъ человекъ, его жалкая, карикатурная фигура, въ длинной, помятой ризѣ, его бабье лицо, манера служить, образъ жизни и канцелярская, застѣнчивая почтительность оскорбляли тотъ небольшой кусочекъ религіознаго чувства, который оставался еще въ груди Кунина и тихо теплился на ряду съ другими нянужкиными сказками. А холодность и невниманіе, съ которыми онъ встрѣтилъ искреннее, горячее участіе Кунина въ его же собственномъ дѣлѣ, было трудно вынести самолюбію...

Вечеромъ того же дня Кунинъ долго ходилъ по комнатамъ и думаль, потомъ рѣшительно сѣлъ за столъ и написалъ архіерею письмо. Попросивъ денегъ для школы и благословенія, онъ, между прочимъ, искренно, по-сыновьи, изложилъ свое мнѣніе о синьковскомъ священникѣ. «Онъ молодъ, — написалъ онъ: — недостаточно развитъ, кажется, ведетъ петрезвую жизнь и вообще не удовлетворяетъ тѣмъ требованіямъ, которыя вѣками сложились у русскаго народа по отношенію къ его пастырямъ». Написавъ это письмо, Кунинъ легко вздохнулъ и легъ спать съ сознаніемъ, что онъ сдѣлалъ доброе дѣло.

Въ понедѣльникъ утромъ, когда онъ еще лежалъ въ постели, ему доложили о приходѣ отца Якова. Вставать ему не хотѣлось, и онъ велѣлъ сказать, что его нѣтъ дома. Во вторникъ уѣхалъ онъ на сѣздъ и, вернувшись въ субботу,

узналъ отъ прислуги, что безъ него ежедневно приходилъ отецъ Яковъ.

«Какъ, однако, ему мои крендельки понравились!» — подумалъ Кунинъ.

Въ воскресенье, передъ вечеромъ, пришелъ отецъ Яковъ. На этотъ разъ не только полы, но даже и шляпа его была обрызгана грязью. Какъ и въ первое свое посѣщеніе, онъ былъ красенъ и потентъ, сѣлъ, какъ и тогда, на краснекъ кресла. Кунинъ порѣшилъ не начинать разговора о школѣ, не метать бисера.

— Я вамъ, Павелъ Михайловичъ, списочекъ учебныхъ пособій принесъ... — началъ отецъ Яковъ.

— Благодарю.

Но по всему видно было, что отецъ Яковъ не изъ-за списочка пришелъ. Вся его фигура выражала сильное смущеніе, но въ то же время на лицѣ была написана рѣшимость, какъ у человѣка, внезапно озареннаго идеей. Онъ порывался сказать что-то важное, крайне нужное и сѣлся теперь побороть свою робость.

«Что же онъ молчитъ? — злился Кунинъ. — Разсѣлся тутъ! Миѣ вѣдь некогда возиться съ нимъ!»

Чтобы хоть чѣмъ-нибудь сгладить неловкость своего молчанія и скрыть борьбу, происходившую въ немъ, священникъ началъ принужденно улыбаться, и эта улыбка, долгая, вымученная сквозь потъ и краску лица, не вязавшаяся съ неподвижнымъ взглядомъ сѣро-голубыхъ глазъ, заставила Кунина отвернуться. Ему стало противно.

— Извините, батюшка, миѣ нужно ѣхать... — сказалъ онъ.

Отецъ Яковъ встрепенулся, какъ сонный человѣкъ, котораго ударили, и, не переставая улыбаться, началъ въ смущеніи запахивать полы своей рясы. При всемъ отвращеніи къ этому человѣку, Кунину вдругъ стало жаль его, и онъ захотѣлъ смягчить свою жестокость.

— Прошу, батюшка, въ другой разъ... — сказалъ онъ: — а на прощаньи у меня къ вамъ будетъ просьба... Тутъ какъ-то я вдохновился, знаете, и написалъ двѣ проповѣди... Отдаю на ваше разсмотрѣніе... Коли сгодятся, прочтите.

— Хорошо-съ... — сказалъ отецъ Яковъ, покрывая ладонью лежавшія на столѣ проповѣди Кунина. — Я возьму-съ...

Постоявъ немного, помявшись и все еще запахивая рясу,

онъ вдругъ пересталъ принужденно улыбаться и рѣшительно поднялъ голову.

— Павелъ Михайловичъ, — сказала онъ, видимо стараясь говорить громко и явственно.

— Что прикажете?

— Я слышалъ, что вы изволили тово... разсчитать своего писаря и... и ищете теперь новаго...

— Да... А вы имѣете порекомендовать кого-нибудь?

— Я, видите ли... я... Не можете ли вы отдать эту должность... мнѣ?

— Да развѣ вы бросаете священство? — изумился Кунинъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, — быстро проговорилъ отецъ Яковъ, почему-то блѣднѣя и дрожа всѣмъ тѣломъ. — Боже меня сохрани! Если сомнѣваетесь, то не нужно, не нужно. Я вѣдь это какъ бы между дѣломъ... чтобъ дивиденды свои увеличить... Не нужно, не безпокойтесь!

— Гм... дивиденды... Но вѣдь я плачу писарю только двадцать рублей въ мѣсяцъ!

— Господи, да я и десять взялъ бы! — прошепталъ отецъ Яковъ, оглядываясь. — И десяти довольно! Вы... вы изумляетесь, и всѣ изумляются. Жадный пошъ, алчный, куда онъ деньги дѣваетъ? Я и самъ это чувствую, что жадный... и казнию себя, осуждаю... людямъ въ глаза глядѣть совѣстно... Вамъ, Павелъ Михайловичъ, я по совѣсти... привожу истиннаго Бога въ свидѣтели...

Отецъ Яковъ перевелъ духъ и продолжалъ.

— Приготовилъ я вамъ дорогой цѣлую исповѣдь, но... все забылъ, не подберу теперь словъ. Я получаю въ годъ съ прихода сто пятьдесятъ рублей, и всѣ... удивляются, куда я эти деньги дѣваю... Но я вамъ все по совѣсти объясню... Сорокъ рублей въ годъ я за брата Петра въ духовное училище взношу. Онъ тамъ на всемъ готовомъ, но бумага и перья мои...

— Ахъ, вѣрю, вѣрю! Ну, къ чему все это? — замахалъ рукой Кунинъ, чувствуя страшную тяжесть отъ этой откровенности гостя и не зная, куда дѣваться отъ слезливаго блеска его глазъ.

— Потомъ-съ, я еще въ консисторію за мѣсто свое не все еще выплатилъ. За мѣсто съ меня двѣсти рублей положили, чтобъ я по десяти въ мѣсяцъ выплачивалъ... Судите

же теперь, что останется? А вѣдь, кромѣ того, я долженъ выдавать отцу Авраамію, по крайней мѣрѣ, хоть по три рубля въ мѣсяцъ!

— Какому отцу Авраамію?

— Отцу Авраамію, что до меня въ Синьковѣ священникомъ былъ. Его лишили мѣста за... слабость, а вѣдь онъ въ Синьковѣ и теперь живетъ! Куда ему дѣваться? Кто его кормить станетъ? Хоть онъ и старъ, но вѣдь ему и уголь, и хлѣба, и одежду надо! Не могу я допустить, чтобъ онъ, при своемъ санѣ, пошелъ милостыню просить! Мнѣ вѣдь грѣхъ будетъ, ежели что! Мнѣ грѣхъ! Онъ... всѣмъ задолжалъ, а вѣдь мнѣ грѣхъ, что я за него не плачу.

Отецъ Яковъ рванулся съ мѣста и, безумно глядя на полъ, зашагалъ изъ угла въ уголь.

— Боже мой! Боже мой! — забормоталъ онъ, то поднимая руки, то опуская. — Спаси насъ, Господи, и помилуй! И зачѣмъ было такой санъ на себя принимать, ежели ты маловѣрнъ и силъ у тебя нѣтъ? Нѣтъ конца моему отчаянію! Спаси, Царица Небесная.

— Успокойтесь, батюшка! — сказалъ Кунинъ.

— Замучилъ голодъ, Павелъ Михайловичъ! — продолжалъ отецъ Яковъ. — Извините великодушно, но нѣтъ уже силъ монахъ... Я знаю, попроси я, поклонись, и всякій поможетъ, но... не могу! Совѣстно мнѣ! Какъ я стану у мужиковъ просить? Вы служите тутъ и сами видите... Какая рука подыметься просить у нищаго? А просить у кого побогаче, у помѣщиковъ, не могу! Гордости! Совѣстно!

Отецъ Яковъ махнулъ рукой и нервно зачесалъ обѣими руками голову.

— Совѣстно! Боже, какъ совѣстно! Не могу, гордецъ, чтобъ люди мою бѣдность видѣли! Когда вы меня посѣтили, то вѣдь чаю вовсе не было, Павелъ Михайловичъ! Ни соринки его не было, а вѣдь открыться передъ вами гордость помѣшала! Стыжусь своей одежды, вотъ этихъ латокъ... ризъ своихъ стыжусь, голода... А прилична ли гордость священнику?

Отецъ Яковъ остановился посреди кабинета и, словно не замѣчая присутствія Кунина, сталъ разсуждать съ самимъ собой.

— Ну, положимъ, я снесу и голодъ, и срамъ, но вѣдь у меня, Господи, еще попадаья есть! Вѣдь я ее изъ хоро-

шаго дома взялъ! Она бѣлоручка и ибжная, привыкла и къ чаю, и къ бѣлой булкѣ, и къ простынямъ... Она у родителей на фортепянахъ играла... Молодая, еще и двадцати лѣтъ ибтъ... Хочется, небось, и нарядиться, и пошлать, и въ гости съѣздить... А она у меня... хуже кухарки всякой, стыдно на улицу показывать. Боже мой, Боже мой! Только и утѣхи у нея, что принесу изъ гостей яблочекъ, или какой кренделечекъ...

Отецъ Яковъ опять обѣими руками зачесалъ голову.

— И выходитъ у насъ не любовь, а жалость... Не могу видѣть ее безъ состраданія! И что оно такое, Господи, дѣлается на свѣтѣ. Такое дѣлается, что если въ газеты написать, то не повѣрятъ люди... И когда всему этому конецъ будетъ!

— Полноте, батюшка! — почти крикнулъ Куининъ, пугаясь его тона. — Зачѣмъ такъ мрачно смотрѣть на жизнь?

— Извините, великодушно, Павелъ Михайловичъ... — забормоталъ отецъ Яковъ, какъ пьяный. — Извините, все это... пустое, и вы не обращайтесь вниманія... А только я себя виню и буду винить... Буду!

Отецъ Яковъ оглянулся и зашенталъ:

— Какъ-то рано утромъ иду я изъ Синькова въ Лучково; гляжу, а на берегу стоитъ какаы-то женщина и что-то дѣлаетъ... Подхожу ближе и глазамъ своимъ не вѣрю... Ужасъ! Сидитъ жена доктора, Ивана Сергѣича, и бѣлье полощетъ... Докторша, въ институтѣ кончила! Значитъ, чтобъ люди не видѣли, поровила пораньше встать и за версту отъ деревни уйти... Неодолимая гордость! Какъ увидала, что я около нея и бѣдность ея замѣтилъ, покраснѣла вся... Я оторопѣлъ, испугался, подбѣжалъ къ ней, хочу помочь ей, а она бѣлье отъ меня причесть, боится, чтобъ и ея рваныхъ сорочекъ не увидѣлъ...

— Все это какъ-то даже невѣроятно... — сказалъ Куининъ, садясь и почти съ ужасомъ глядя на блѣдное лицо отца Якова.

— Именно, невѣроятно! Никогда, Павелъ Михайловичъ, этого не было, чтобъ докторши на рѣкѣ бѣлье полоскали! Ни въ какихъ странахъ этого нѣтъ! Мнѣ бы, какъ пастьрю и отцу духовному, не допускать бы ее до этого, но что я могу сдѣлать? Что? Самъ же еще поровлю у ея мужа даромъ лѣчиться! Вѣрно вы изволили опредѣлить, что

все это невѣроятно! Глазамъ не вѣрится! Во время обѣдни, знаете, выглянешь изъ алтаря, да какъ увидишь свою публику, голоднаго Авраамія и попадью, да какъ вспомнишь про докторшу, какъ у нея отъ холодной воды руки посинѣли, то, вѣрите ли, забудешься и стоишь, какъ дуракъ, въ безчувствіи, пока пономарь не окликнетъ... Ужась!

Отецъ Яковъ опять заходилъ.

— Господи Исусе! — замахалъ онъ руками. — Святые угодники! И служить даже не могу... Вы вотъ про школу миѣ говорите, а я, какъ истуканъ, ничего не понимаю и только объ ѣдѣ думаю... Даже передъ престоломъ... Впрочемъ... что же это я? — спохватился отецъ Яковъ. — Вамъ уѣзжать нужно. Простите-сь, я вѣдь это такъ... извините...

Куининъ, молча, пожалъ руку отца Якова, проводилъ его до передней и, вернувшись въ свой кабинетъ, остановился передъ окномъ. Онъ видѣлъ, какъ отецъ Яковъ вышелъ изъ дому, нахлобучилъ на голову свою широкополую, ржавую шляпу и тихо, понуривъ голову, точно стыдясь своей откровенности, пошелъ по дорогѣ.

«А его лошади не видно», — подумалъ Куининъ.

Помыслить, что священникъ всѣ эти дни ходилъ къ нему пѣшкомъ, — Куининъ боялся: до Синькова было семь-восемь верстъ, а грязь на дорогѣ стояла невылазная. Далѣе Куининъ видѣлъ, какъ кучеръ Андрей и мальчикъ Парамонъ, прыгая черезъ лужи и обрызгивая отца Якова грязью, подбѣжали къ нему подъ благословеніе. Отецъ Яковъ снялъ шляпу и медленно благословилъ Андрея, потомъ благословилъ и погладилъ по головѣ мальчика.

Куининъ провелъ рукой по глазамъ, и ему показалось, что рука его отъ этого стала мокрой. Онъ отошелъ отъ окна и мутными глазами обвелъ комнату, въ которой ему еще слышался робкій, придушенный голосъ... Онъ взглянулъ на столъ... Къ счастью, отецъ Яковъ забылъ второпяхъ взять съ собой его проповѣди... Куининъ подскочилъ къ нимъ, изорвалъ ихъ въ клочки и съ отвращеніемъ швырнулъ подъ столъ.

— И я не жалъ! — простоналъ онъ, падая на софу. — Я, который уже болѣе года служу здѣсь непремѣннымъ членомъ, почетнымъ мировымъ судьей, членомъ училищнаго совѣта! Слѣпая кукла, фать! Скорѣй къ нимъ на помощь! Скорѣй!

Онъ мучительно ворочался, стискивалъ виски и напрягалъ свой умъ.

— Получу 20-го числа жалованья 200 рублей... Подъ благовиднымъ предлогомъ суну и ему, и докторшѣ... Его позову молебень служить, а для доктора фиктивно заболѣю... Такимъ образомъ, не оскорблю ихъ гордости. И Авраамію помогу...

Онъ разсчитывалъ по пальцамъ свои деньги и боялся себѣ сознаться, что этихъ двухсотъ рублей едва хватитъ ему, чтобы заплатить управляющему, прислугѣ, тому мужику, который привозитъ мясо... Шоневолѣ пришлось вспомнить то недалекое прошлое, когда неразумно проживалось отцовское добро, когда, будучи еще двадцатилѣтнимъ молодкосомъ, онъ дарилъ проституткамъ дорогіе вѣера, платилъ извозчику Кузьмѣ по десяти рублей въ день, подносилъ изъ тшеславія актрисамъ подарки. Ахъ, какъ бы пригодились теперь всѣ эти разбросанные рубли, трехрублевки, десятки!

«Отецъ Авраамій проѣдаетъ въ мѣсяць только три рубля, думалъ Куиниъ. За рубль понады можетъ себѣ сорочку сшить, а докторина прачку нанять. Но я все-таки помогу! Обязательно помогу!»

Тутъ вдругъ Куиниъ вспомнилъ доносъ, который написалъ онъ архіерею, и его всего скорчило, какъ отъ незначай налетѣвшаго холода. Это воспоминаніе наполнило всю его душу чувствомъ гнетущаго стыда передъ самимъ собой и передъ невидимой правдой...

Такъ началась и завершилась искренняя потуга къ полезной дѣятельности одного изъ благонамѣренныхъ, но черезчуръ сытыхъ и не разсуждающихъ людей.

СВЯТОЮ НОЧЬЮ.

Я стоялъ на берегу Голтвы и ждалъ съ того берега парома. Въ обыкновенное время Голтва представляетъ изъ себя рѣчонку средней руки, молчаливую и задумчивую, кротко блистающую изъ-за густыхъ камышей, теперь же предо мной разстилалось цѣлое озеро. Разгулявшаяся вешняя вода перешагнула оба берега и далеко затопила оба побережья, захвативъ огороды, сѣнокосы и болота, такъ что на водной поверхности не рѣдкость было встрѣтить одиноко торчащія тополи и кусты, похожіе въ потемкахъ на суровые утесы.

Погода казалась мнѣ великолѣпной. Было темно, но я все-таки видѣлъ и деревья, и воду, и людей... Міръ освѣщался звѣздами, которыя всплошную усыпали все небо. Не помню, когда въ другое время я видѣлъ столько звѣздъ. Буквально некуда было пальцемъ ткнуть. Тутъ были крупныя, какъ гусиное яйцо, и мелкія, съ конопляное зерно... Ради праздничнаго парада вышли онѣ на небо всѣ до одной, отъ мала до велика, умытыя, обновленныя, радостныя, и всѣ до одной тихо шевелили своими лучами. Небо отражалось въ водѣ; звѣзды купались въ темной глубинѣ и дрожали вмѣстѣ съ легкой зыбью. Въ воздухѣ было тепло и тихо... Далеко, на томъ берегу, въ непроглядной тьмѣ, горѣло въ разсыпную нѣсколько ярко-красныхъ огней...

Въ двухъ шагахъ отъ меня темнѣлъ силуэтъ мужика въ высокой шляпѣ и съ толстой, суковатой палкой.

— Какъ, однако, долго нѣтъ парома!—сказалъ я.

— А пора ему быть,—отвѣтилъ мнѣ силуэтъ.

— Ты тоже дожидаясь паромъ?

— Иѣтъ, я такъ... — зѣвнулъ мужикъ: — люминации дождаюсь. Поѣхалъ бы, да, признаться, пятачка на паромъ иѣтъ.

— Я тебѣ дамъ пятачокъ.

— Иѣтъ, благодаримъ покорно... Уже на этотъ пятачокъ ты за меня тамъ въ монастырѣ свѣчку поставь... Этакъ любопытнѣй будетъ, а я и тутъ постою. Скажи на милость, иѣтъ паромъ! Словно въ воду канулъ!

Мужикъ подошелъ къ самой водѣ, взялся рукой за канатъ и закричалъ:

— Иеронимъ! Иерон-и-имъ!

Точно въ отвѣтъ на его крикъ, съ того берега донесся протяжный звонъ большого колокола. Звонъ былъ густой, низкій, какъ отъ самой толстой струны контрабаса: казалось, прохрипѣли сами потемки. Тотчасъ же послышался выстрѣлъ изъ пушки. Онъ прокатился въ темнотѣ и кончился гдѣ-то далеко за моей спиной. Мужикъ снялъ шляпу и перекрестился.

— Христось воскресъ! — сказалъ онъ.

Не успѣли застыть въ воздухѣ волны отъ перваго удара колокола, какъ послышался другой, за нимъ тотчасъ же третій, и потемки наполнились непрерывнымъ, дрожащимъ гуломъ. Около красныхъ огней загорѣлись новые огни и всѣ вмѣстѣ задвигались, безпокойно замелькали.

— Иерон-и-имъ! — послышался глухой, протяжный крикъ.

— Съ того берега кричать, — сказалъ мужикъ. — Значить, и тамъ иѣтъ паромъ. Заснулъ нашъ Иеронимъ.

Огни и бархатный звонъ колокола манили къ себѣ... Я ужъ началъ терять терпѣніе и волноваться, но вотъ, наконецъ, вглядываясь въ темную даль, я увидѣлъ силуэтъ чего-то, очень похожаго на висѣлицу. Это былъ давно жданный паромъ. Онъ подвигался съ такою медленностью, что если бъ не постепенная обрисовка его контуровъ, то можно было бы подумать, что онъ стоитъ на одномъ мѣстѣ, или же идетъ къ тому берегу.

— Скорѣй! Иеронимъ! — крикнулъ мой мужикъ. — Баринъ дожидается!

Паромъ подползъ къ берегу, покачнулся и со скрипомъ остановился. На немъ, держась за канатъ, стоялъ высокій человекъ въ монашеской рясѣ и въ конической шапочкѣ.

— Отчего так долго? — спросилъ я, вскакивая на паромъ.

— Простите Христа ради, — отвѣтилъ тихо Иеронимъ. — Больше никого нѣтъ?

— Никого...

Иеронимъ взялся обѣими руками за канатъ, изогнулся въ вопросительный знакъ и крикнулъ. Паромъ скриннулъ и покачнулся. Силуэтъ мужика въ высокой шляпѣ сталъ медленно удаляться отъ меня, — значить, паромъ поплылъ. Иеронимъ скоро выпрямился и сталъ работать одной рукой. Мы молчали и глядѣли на берегъ, къ которому плыли. Тамъ уже началась «люминація», которой дожидался мужикъ. У самой воды, громадными кострами пылали смоляныя бочки. Отраженія ихъ, багровыя, какъ восходящая луна, длинными, широкими полосами ползли къ намъ навстрѣчу. Горящія бочки освѣщали свой собственный дымъ и длинныя человѣческія тѣни, мелькавшія около огня; но далѣе въ стороны и позади нихъ, откуда несея бархатный звонъ, была все та же безпросвѣтная, черная мгла. Вдругъ, разсѣкая потемки, золотой лентой взвилась къ небу ракета: она описала дугу и, точно разбившись о небо, съ трескомъ разсыпалась въ искры. Съ берега послышался гулъ, похожій на отдаленное ура.

— Какъ красиво! — сказалъ я.

— И сказать нельзя, какъ красиво! — вздохнулъ Иеронимъ. — Ночь такая, господинь! Въ другое время и вниманія не обратишь на ракеты, а пынче всякой суетѣ радуешься. Вы сами откуда будете?

Я сказалъ, откуда я.

— Такъ-съ... радостный день нынче... — продолжалъ Иеронимъ слабымъ, вздыхающимъ теноркомъ, какимъ говорить выздоравливающіе больные. — Радуетя и небо, и земля, и преисподняя. Празднуеть вся тварь. Только скажите миѣ, господинь хорошій, отчего это даже и при великой радости человѣкъ не можегъ скорбей своихъ забыть?

Миѣ показалось, что этотъ неожиданный вопросъ вызвалъ меня на одинъ изъ тѣхъ «продлинновенныхъ», душе-спасительныхъ разговоровъ, которые такъ любятъ праздные и скучающіе монахи. Я не былъ расположенъ много говорить, а потому только спросилъ:

— А какія, батюшка, у васъ скорби?

— Обыкновенно, какъ и у всѣхъ людей, ваше благородіе, господинъ хороший, но въ нынѣшній день случилась въ монастырѣ особая скорбь: въ самую обѣдню, во время паремій, умеръ іеродьяконъ Николай...

— Что жъ, это Божья воля!—сказалъ я, поддѣлываясь подъ монашескій тонъ.—Всѣмъ умирать нужно. По-моему, вы должны еще радоваться... Говорять, что кто умретъ подъ Пасху, или на Пасху, тотъ непременно попадетъ въ царство небесное.

— Это вѣрно.

Мы замолчали. Силуэтъ мужика въ высокой шляпѣ слился съ очертаніями берега. Смоляныя бочки разгорались все болѣе и болѣе.

— И писаніе ясно указываетъ на суету скорби, и размышленіе, — прервалъ молчаніе Іеронимъ: — но отчего же душа скорбитъ и не хочетъ слушать разума? Отчего горько плакать хочется?

Іеронимъ пожалъ плечами, повернулся ко мнѣ и заговорилъ быстро:

— Умри я, или кто другой, оно бы, можетъ, и не замѣтно было, но вѣдь Николай умеръ! Никто другой, а Николай! Даже повѣрить трудно, что его ужъ нѣтъ на свѣтѣ! Стою я тутъ на паромѣ и все мнѣ кажется, что сейчасъ онъ съ берега голосъ свой подастъ. Чтобы мнѣ на паромѣ страшно не казалось, онъ всегда приходилъ на берегъ и окликалъ меня. Нарочито для этого ночью съ постели вставалъ. Добрая душа! Боже, какая добрая и милостивая! У много человѣка и матери такой нѣтъ, какимъ у меня былъ этотъ Николай! Спаси, Господи, его душу!

Іеронимъ взялся за канатъ, но тотчасъ же опять повернулся ко мнѣ.

— Ваше благородіе, а умъ какой свѣтлый!—сказалъ онъ иѣвучимъ голосомъ.—Какой языкъ благозвучный и сладкій! Именно, какъ вотъ сейчасъ будутъ нѣтъ въ заутрени: «О, любезнаго! о, сладчайшаго твоего гласа!» Кромѣ всѣхъ прочихъ человѣческихъ качествъ, въ немъ былъ еще и даръ необычайный!

— Какой даръ?—спросилъ я.

Монахъ оглядѣлъ меня и, точно убѣдившись, что мнѣ можно вѣрять тайны, весело засмѣялся.

— У него былъ даръ акаѳисты писать...—сказалъ онъ.—

Чудо, господишь, да и только! Вы изумитесь, ежели я вамъ объясню! Отець архимандрить у насъ изъ московскихъ, отецъ намѣстникъ въ казанской академіи кончилъ, есть у насъ и іеромонахи разумные, и старцы, но вѣдь, скажи пожалуйста, ни одного такого нѣтъ, чтобы писать умѣлъ, а Николай, простой монахъ, іеродьяконъ, нигдѣ не обучался и даже видимости наружной не имѣлъ, а писалъ! Чудо! Истинно чудо!

Іеронимъ всплеснулъ руками и, совсѣмъ забывъ про канать, продолжалъ съ увлеченіемъ:

— Отець намѣстникъ затрудняется проповѣди составлять: когда исторію монастыря писалъ, то всю братію загонялъ и разъ десять въ городъ ѣздилъ, а Николай акаѳисты писалъ! Акаѳисты! Это не то что проповѣдь, или исторія!

— А развѣ акаѳисты трудно писать?—спросилъ я.

— Большая трудность...—покрутилъ головой Іеронимъ. — Тутъ и мудростью, и святостью ничего не подѣлаешь, ежели Богъ дара не далъ. Монахи, которые не понимающіе, рассуждаютъ, что для этого нужно только знать житіе святого, которому пишешь, да съ прочими акаѳистами соображаться. Но это, господишь, неправильно. Оно, конечно, кто пишетъ акаѳистъ, тотъ долженъ знать житіе до чрезвычайности, до послѣдней самодѣйшей точки. Ну, и соображаться съ прочими акаѳистами нужно, какъ гдѣ начать и о чемъ писать. Къ примѣру сказать вамъ, первый кондакъ вездѣ начинается съ «возбранный» или «избранный»... Первый икосъ всегда надо начинать съ ангела. Въ акаѳистѣ къ Іисусу Сладчайшему, ежели интересуетесь, онъ начинается такъ: «Ангеловъ творче и Господи силъ», въ акаѳистѣ къ Пресвятой Богородицѣ: «Ангель предстатель съ небесе посланъ бысть», къ Николаю Чудотворцу: «Ангела образомъ, земнаго суща естествомъ» и прочее. Вездѣ съ ангела начинается. Конечно, безъ того нельзя, чтобы не соображаться, но главное вѣдь не въ житіи, не въ соответствіи съ прочимъ, а въ красотѣ и сладости. Нужно, чтобы все было стройно, кратко и обстоятельно. Надо, чтобы въ каждой строчечкѣ была мягкость, ласковость и нѣжность, чтобы ни одного слова не было грубаго, жесткаго, или несоответствующаго. Такъ надо писать, чтобы молящійся сердцемъ радовался и плакалъ, а умомъ содрогался и въ трепеть приходилъ. Въ Богородичномъ акаѳистѣ есть слова: «Радуйся,

высоко неудобовосходимая человѣческими помысли; радуйся, глубоко неудобозримая и ангельскими очима!» Въ другомъ мѣстѣ того же акаонста сказано: «Радуйся, древо свѣтлоплодовитое, отъ него же питаются вѣрніи, радуйся, древо благосѣннолиственное, имъ же покрываются мнози!»

Иеронимъ, словно испугавшись чего-то или застыдившись, закрылъ ладонями лицо и покачалъ головой.

— Древо свѣтлоплодовитое... древо благосѣннолиственное...—пробормоталъ онъ.—Найдесть же такія слова! Дастъ же Господь такую способности! Для краткости много словъ и мыслей пригонить въ одно слово и какъ это у него все выходитъ плавно и обстоятельно! «Свѣтоподательна свѣтильника сущимъ»...—сказано въ акаонствѣ къ Іисусу Сладчайшему. Свѣтоподательна! Слова такого нѣтъ ни въ разговорѣ, ни въ книгахъ, а вѣдь придумалъ же его, нашель въ умѣ своемъ! Кромѣ плавности и велерѣчія, сударь, нужно еще, чтобъ каждая строчечка изукрашена была всячески, чтобъ тутъ и цвѣты были, и молнія, и вѣтеръ, и солнце, и всѣ предметы міра видимаго. И всякое восклицаніе нужно такъ составить, чтобъ оно было гладенько и для уха вольготнѣй. «Радуйся, крине райскаго прозябенія!»—сказано въ акаонствѣ Николаю Чудотворцу. Не сказано просто: «крине райскій», а «крине райскаго прозябенія!» Такъ глаже и для уха сладко. Такъ именно и Николай писалъ! Точь-въ-точь такъ! И выразить вамъ не могу, какъ онъ писалъ!

— Да, въ такомъ случаѣ жаль, что онъ умеръ,—сказалъ я.—Однако, батюшка, давайте плыть, а то опоздаемъ...

Иеронимъ спохватился и побѣжалъ къ канату. На берегу начали перезванивать во всѣ колокола. Вѣроятно, около монастыря происходилъ уже крестный ходъ, потому что все темное пространство за смоляными бочками было теперь усыпано двигающимися огнями.

— Николай печаталъ свои акаонсты? — спросилъ я Иеронима.

— Гдѣ жъ печатать?—вдохнулъ онъ. — Да и странно было бы печатать. Къ чему? Въ монастырѣ у насъ этимъ никто не интересуется. Не любятъ. Знали, что Николай пишетъ, но оставляли безъ вниманія. Нынче, сударь, новья писанія никто не уважаетъ!

— Съ предубѣжденіемъ къ нимъ относятся?

— Точно такъ. Будь Николай старцемъ, то, пожалуй,

можетъ, братія и полюбобытствовала бы, а то вѣдь ему еще и сорока лѣтъ не было. Были, которые смѣялись и даже за грѣхъ почитали его писаніе.

— Для чего же онъ писалъ?

— Такъ, больше для своего утѣшенія. Изъ всей братіи только я одинъ и читалъ его акаѳисты. Приду къ нему потихоньку, чтобъ прочіе не видѣли, а онъ и радъ, что я интересуюсь. Обнимаетъ меня, по головѣ гладитъ, ласковыми словами обзываетъ, какъ дитя мальничкаго. Затворитъ келью, посадитъ меня рядомъ съ собой и давай читать...

Иеронимъ оставилъ канатъ и подошелъ ко мнѣ.

— Мы въ родѣ какъ бы друзья съ нимъ были.—запечаталъ онъ, глядя на меня блестящими глазами.—Куда онъ, туда и я. Меня иѣтъ, онъ тоскуетъ. И любилъ онъ меня больше всѣхъ, а все за то, что я отъ его акаѳистовъ плакалъ. Вспоминаетъ трогательно! Теперь я все равно какъ сирота, или вдовица. Знаете, у насъ въ монастырѣ народъ все хорошій, добрый, благочестивый, но... ни въ комъ нѣтъ мягкости и деликатности, все равно какъ люди простого званія. Говорятъ всѣ громко, когда ходятъ, ногами стучать, шумятъ, капляють, а Николаѣ говорилъ завсегда тихо, ласково, а ежели замѣтитъ, что кто спитъ, или молится, то пройдетъ мимо, какъ мушка, или комарикъ. Лицо у него было нѣжное, жалостное...

Иеронимъ глубоко вздохнулъ и взялся за канатъ. Мы уже приближались къ берегу. Прямо изъ потемокъ и рѣчной тишины мы постепенно выливали въ заколдованное царство, полное удушливаго дыма, трепачаго свѣта и гама. Около смоляныхъ бочекъ, ужъ ясно было видно, двигались люди. Мельканье огня придавало ихъ краснымъ лицамъ и фигурамъ странное, почти фантастическое выраженіе. Изрѣдка среди головъ и лицъ мелькали лошадиныя морды, неподвижныя, точно вылитыя изъ красной мѣди.

— Сейчасъ запоютъ пасхальный канонъ...—сказалъ Иеронимъ, а Николая иѣтъ, некому вникать... Для него слаже и писанія не было, какъ этотъ канонъ. Въ каждое слово, бывало, вникалъ! Вы вотъ будете тамъ, господинъ, и вникните, что поется: духъ захватываетъ!

— А вы развѣ не будете въ церквѣ?

— Мнѣ нельзя-съ... Перевозить нужно...

— Но развѣ васъ не смѣнять?

— Не знаю... Меня еще въ девятомъ часу нужно было смѣнить, да вотъ, видите, не смѣняютъ! А, признаться, хотѣлось бы въ церковь...

— Вы монахъ?

— Да-съ... то-есть я послушникъ.

Паромъ вѣзлся въ берегъ и остановился. Я сунуль Герониму пятачокъ за провозъ и прыгнуль на сушу. Тотчасъ же телѣга съ мальчикомъ и со спящей бабой со скрипомъ въѣхала на паромъ. Геронимъ, слабо окрашиваемый огнями, налегъ на канатъ, изогнулся и сдвинуль съ мѣста паромъ...

Нѣсколько шаговъ я сдѣлалъ по грязи, но далѣе пришлось идти по мягкой, свѣже-протоптанной тропинкѣ. Эта тропинка вела къ темнымъ, похожимъ на впадину, монастырскимъ воротамъ сквозь облака дыма, сквозь безпорядочную толпу людей, распряженныхъ лошадей, телѣгъ, бричекъ. Все это скрипѣло, фыркало, смѣялось, и по всему мелькали багровый свѣтъ и волнистыя тѣни отъ дыма... Сунцій хаосъ! И въ этой толкотнѣ находили еще мѣсто заряжать маленькую пушку и продавать пряники!

По ту сторону стѣны, въ оградѣ, происходила не меньшая суетня, но благочинія и порядка наблюдалось больше. Тутъ нахло можжевеловикомъ и роснымъ ладаномъ. Говорили громко, но смѣха и фырканья не слышалось. Около могильныхъ памятниковъ и крестовъ жались другъ къ другу люди съ куличами и узлами. Повидимому, многіе изъ нихъ пріѣхали святить куличи издалека и были теперь утомлены. По чугуннымъ плитамъ, которыя лежали полосой отъ воротъ до церковной двери, суетливо, звонко стуча сапогами, бѣгали молодые послушники. На колокольнѣ тоже возились и кричали.

«Какая безпокойная ночь! — думалъ я. — Какъ хорошо!»

Безпокойство и бессонницу хотѣлось видѣть во всей природѣ, начиная съ ночной тьмы и кончая плитами, могильными крестами и деревьями, подъ которыми суетились люди. Но нигдѣ возбужденіе и безпокойство не сказывались такъ сильно, какъ въ церкви. У входа происходила неутомимая борьба прилива съ отливомъ. Одни входили, другіе выходили и скоро опять возвращались, чтобы постоять немного и вновь задвигаться. Люди спуютъ съ мѣста на мѣсто, слоняются и какъ будто чего-то ищутъ. Волна идетъ отъ

входа и обѣжить по всей церкви, тревожа даже передніе ряды, гдѣ стоятъ люди солидные и тяжелые. О сосредоточенной молитвѣ не можетъ быть и рѣчи. Молитвѣ вовсе нѣтъ, а есть какая-то сплошная, дѣтски-безотчетная радость, ищущая предлога, чтобы только вырваться наружу и излиться въ какомъ-нибудь движеніи, хотя бы въ безшардонномъ шатаніи и толкотнѣ.

Та же необычайная подвижность бросается въ глаза и въ самомъ пасхальномъ служеніи. Царскія врата во всѣхъ придѣлахъ открыты настежь, въ воздухѣ около паникадила плаваютъ густыя облака ладаннаго дыма; куда ни взглянешь, всюду огни, блескъ, трескъ свѣчей... Чтеній не полагается никакихъ; пѣніе суетливое и веселое не прерывается до самаго конца; послѣ каждой пѣсни въ канонѣ духовенство мѣняетъ ризы и выходитъ кадить, что повторяется почти каждая десять минутъ.

Не успѣлъ я занять мѣсто, какъ спереди хлынула волна и отбросила меня назадъ. Передо мной прошелъ высокій, плотный дьяконъ съ длинной, красной свѣчей; за нимъ сѣвшилъ съ кадиломъ сѣдой архимандритъ въ золотой митрѣ. Когда они скрылись изъ виду, толпа оттиснула меня опять на прежнее мѣсто. Но не прошло и десяти минутъ, какъ хлынула новая волна, и опять показался дьяконъ. На этотъ разъ за нимъ шелъ отецъ-намѣстникъ, тотъ самый, который, по словамъ Іеронима, писалъ исторію монастыря.

Мнѣ, слившемуся съ толпой и заразившемуся всеобщимъ радостнымъ возбужденіемъ, было невыносимо больно за Іеронима. Отчего его не смѣнять? Почему бы не пойти на паромъ кому-нибудь менѣе чувствующему и менѣе впечатлительному?

«Возведи окрестъ очи твои, Сіоне, и виждь...—пѣли на клиросѣ: — се бо приидоша къ тебѣ, яко богосвѣтлая свѣтила, отъ запада и сѣвера, и моря, и востока чада твоя»...

Я поглядѣлъ на лица. На всѣхъ было живое выраженіе торжества; но ни одинъ человѣкъ не вдумывался и не вникалъ въ то, что пѣлось, и ни у кого не «захватывало духа». Отчего не смѣнять Іеронима? Я могъ себѣ представить этого Іеронима, смиренно стоящаго гдѣ-нибудь у стѣны, согнувшись и жадно ловящаго красоту святой фразы. Все, что теперь проскальзывало мимо слуха стоящихъ около меня людей, онъ жадно пилъ бы своей чуткой душой, унылся бы до восторговъ, до захватыванія духа,

и не было бы во всемъ храмъ челоѣка счастливѣ его. Теперь же онъ плавалъ взадъ и впередъ по темной рѣкѣ и тосковалъ по своему умершему братѣ и другѣ.

Сзади хлынула волна. Полный, улыбающійся монахъ, играя четками и оглядываясь назадъ, бокомъ протиснулся около меня, пролагая путь какой-то дамѣ въ шляпкѣ и бархатной шубкѣ. Велѣдъ за дамой, неся надъ нашими головами стулъ, торопился монастырскій служка.

Я вышелъ изъ церкви. Миѣ хотѣлось посмотрѣть мертваго Николая, безвѣстнаго сочинителя акаѣстовъ. Я прошелся около ограды, гдѣ вдоль стѣны тянулся рядъ монашескихъ келій, заглянулъ въ нѣсколько оконъ и, ничего не увидѣвъ, вернулся назадъ. Теперь я не сожалѣю, что не видѣлъ Николая; Богъ знаетъ, быть-можетъ, увидѣвъ его, я утратилъ бы образъ, который рисуетъ теперь миѣ мое воображеніе. Этого симпатичнаго поэтическаго челоѣка, выходявнаго по ночамъ перекликаться съ Иеронимомъ и пересыпавшаго свои акаѣсты цвѣтами, звѣздами и лучами солнца, не понятаго и одинокаго, я представляю себѣ робкимъ, блѣднымъ, съ мягкими, кроткими и грустными чертами лица. Въ его глазахъ, рядомъ съ умомъ, должна свѣтиться ласка и та едва сдерживаемая, дѣтская восторженность, какая слышалась миѣ въ голосѣ Иеронима, когда тотъ приводилъ миѣ цитаты изъ акаѣстовъ.

Когда послѣ обѣдни мы вышли изъ церкви, то ночи уже не было. Начиналось утро. Звѣзды погасли, и небо представлялось сѣро-голубымъ, хмурымъ. Чугунныя плиты, намятники и почки на деревьяхъ были подернуты росой. Въ воздухѣ рѣзко чувствовалась свѣжесть. За оградой уже не было того оживленія, какое я видѣлъ ночью. Лошади и люди казались утомленными, сонными, едва двигались, а отъ смоляныхъ бочекъ оставались однѣ только кучки чернаго пелла. Когда челоѣкъ утомленъ и хочетъ спать, то ему кажется, что то же самое состояніе переживаетъ и природа. Миѣ казалось, что деревья и молодая трава спали. Казалось, что даже колокола звонили не такъ громко и весело, какъ ночью. Безпокойство кончилось, и отъ возбужденія осталась одна только пріятная истома, жажда сна и тепла.

Теперь я могъ видѣть рѣку съ обоими берегами. Надъ ней холмами то тамъ, то сямъ носился легкій туманъ. Отъ

воды вѣяло холодомъ и сурбовостью. Когда я прыгнулъ на паромъ, на немъ уже стояла чья-то бричка и десятка два мужчинъ и женщинъ. Канатъ, влажный и, какъ казалось мнѣ, сонный, далеко тянулся черезъ широкую рѣку и мѣстами исчезалъ въ бѣломъ туманѣ.

— Христось воскресъ! Больше никого нѣтъ?—спросилъ тихій голосъ.

Я узналъ голосъ Иеронима. Теперь ночныя потемки ужъ не мѣшали мнѣ разглядѣть монаха. Это былъ высокій, узкоплечій человекъ, лѣтъ 35, съ крупными округлыми чертами лица, съ полузакрытыми, лѣниво глядящими глазами и съ нечесаной клнновидной бородкой. Видъ у него былъ необыкновенно грустный и утомленный.

— Васъ еще не смѣнили?—удивился я.

— Меня-съ? — переспросилъ онъ, поворачивая ко мнѣ свое озябшее, покрытое росой лицо и улыбаясь. — Теперь ужъ некому смѣнить до самаго утра. Всѣ къ отцу архимандриту сейчасъ разговляться пойдутъ-съ.

Онъ да еще какой-то мужичокъ въ шапкѣ изъ рыжаго мѣха, похожей на липовки, въ которыхъ продаютъ медъ, напалегли на канатъ, дружно крикнули, и паромъ тронулся съ мѣста.

Мы поплыли, безпокая на пути лѣниво подымавшійся туманъ. Всѣ молчали. Иеронимъ машинально работалъ одной рукой. Онъ долго водилъ по насъ своими кроткими, тусклыми глазами, потомъ остановилъ свой взглядъ на розовомъ, чернобровомъ лицѣ молоденькой кучихи, которая стояла на паромѣ рядомъ со мной и молча пожималась отъ обнимающаго ее тумана. Отъ ея лица не отрывалъ онъ глазъ въ продолженіе всего пути.

Въ этомъ продолжительномъ взглядѣ было мало мужского. Мнѣ кажется, что на лицѣ женщины Иеронимъ искалъ мягкихъ и нѣжныхъ черты своего усоншаго друга.

СЧАСТЬЕ.

Посвящается Я. П. Полонскому.

У широкой степной дороги, называемой большим шляхомъ, ночевала отара овецъ. Стерегли ее два пастуха. Одинъ, старикъ лѣтъ восьмидесяти, беззубый, съ дрожащимъ лицомъ, лежалъ на животѣ у самой дороги, положивъ локти на пыльные листья подорожника; другой — молодой паренъ, съ густыми черными бровями и безусый, одѣтый въ рядно, изъ котораго шьютъ дешевые мѣшки, лежалъ на спинѣ, положивъ руки подъ голову, и глядѣлъ вверхъ на небо, гдѣ надъ самымъ его лицомъ тянулся млечный путь и дремали звѣзды.

Пастухи были не одни. На сажень отъ нихъ въ сумракѣ, застилавшемъ дорогу, темнѣла осѣдланная лошадь, а возлѣ нея, опираясь на сѣдло, стоялъ мужчина въ большихъ сапогахъ и короткой чумаркѣ, по вѣтмъ видимостямъ, господскій объѣздчикъ. Судя по его фигурѣ, прямой и неподвижной, по манерамъ, по обращенію съ пастухами, лошадью, это былъ человекъ серьезный, разсудительный и знающій себѣ цѣну; даже въ потемкахъ были замѣтны въ немъ слѣды военной выправки и то величаво-нисходительное выраженіе, какое пріобрѣтается отъ частаго обращенія съ господами и управляющими.

Овцы спали. На сѣромъ фонѣ зари, начинавшей уже покрывать восточную часть неба, тамъ и сямъ видны были силуэты не спавшихъ овецъ; онѣ стояли и, опустивъ головы, о чемъ-то думали. Ихъ мысли, длительныя, тягучія, вызываемыя представленіями только о широкой степи и небѣ, о дняхъ и ночахъ, вѣроятно, поражали и угнетали

нихъ самихъ до безчувствія, и онѣ, стоя теперь, какъ вкопанныя, не замѣчали ни присутствія чужого человѣка, ни безпокойства собакъ.

Въ сонномъ, застывшемъ воздухѣ стоялъ монотонный шумъ, безъ котораго не обходится степная лѣтняя ночь; непрерывно трещали кузнечики, пѣли перепела, да на версту отъ отары, въ балкѣ, въ которой текъ ручей и росли вербы, лѣниво посвистывали молодые соловьи.

Обѣздчикъ остановился, чтобы попросить у пастуховъ огня для трубки. Онъ молча закурилъ и выкурилъ всю трубку, потомъ, ни слова не сказавъ, облокотился о сѣдло и задумался. Молодой пастухъ не обратилъ на него никакого вниманія; онъ продолжалъ лежать и глядѣть на небо, старикъ же долго оглядывалъ обѣздчика и спросилъ:

— Никакъ Пантелей изъ Макаровской экономіи?

— Я самый,— отвѣтилъ обѣздчикъ.

— То-то я вижу. Не узналъ — богатымъ быть. Откуда Богъ несетъ?

— Изъ Ковылевскаго участка.

— Далече. Подъ скопчину отдаете участокъ?

— Разное. И подъ скопчину, и въ аренду, и подъ бакчи. Я собственно на мельницу ѣздилъ.

Большая старая овчарка грязно-бѣлаго цвѣта, лохматая, съ ключьями шерсти у глазъ и носа, стараясь казаться равнодушной къ присутствію чужихъ, раза три покойно обошла вокругъ лошади и вдругъ неожиданно съ злобымъ, старческимъ хрипѣньемъ бросилась сзади на обѣздчика, остальные собаки не выдержали и повскакали со своихъ мѣстъ.

— Цыцъ, проклятая! — крикнулъ старикъ, поднимаясь на локтѣ.— А, чтобъ ты лопнула, бѣсова тварь!

Когда собаки успокоились, старикъ принялъ прежнюю позу и сказалъ покойнымъ голосомъ:

— А въ Ковыляхъ, на самый Вознесеневъ день, Ефимъ Жменя померъ. Не къ ночи будь сказано, грѣхъ такихъ людей стадывать, поганый старикъ былъ. Небось, слыхаль.

— Нѣтъ, не слыхаль.

— Ефимъ Жменя, кузнеца Стенки дядя. Вся округа его знаетъ. У, да и проклятый же старикъ! Я его годовъ шестьдесятъ знаю, съ той поры, какъ царя Александра,

что француза гналъ, изъ Таганрога на подводахъ въ Москву везли. Мы вмѣстѣ ходили покойника царя встрѣчать, а тогда большой шляхъ не на Бахмутъ шель, а съ Есауловки на Городище, и тамъ, гдѣ теперь Ковыли, дудачья гнѣзды были—что ни шагъ, то гнѣздо дудачье. Тогда еще я примѣтилъ, что Жменя душу свою сгубилъ и нечистая сила въ немъ. Я такъ замѣчаю: ежели который человекъ мужицкаго званія все больше молчить, старушечьими дѣлами занимается, да норовить въ одиночку жить, то тутъ хорошаго мало, а Ефимка, бывало, смолоду все молчить и молчить, да на тебя косо глядитъ, все онъ словно дуется и пыжится, какъ шивень передъ куркою. Чтобъ онъ въ церковь пошелъ, или на улицу съ ребятами гулять, или въ кабакъ—не было у него такой моды, а все больше одинъ сидитъ, или со старухами шепчется. Молодымъ былъ, а ужъ въ пасѣчники да въ бакчевники занимался. Бывало, придуть къ нему добрые люди на бакчи, а у него арбузы и дыни свистятъ. Разъ тоже поймалъ при людяхъ щуку, а она—го-го-го-го! захохотала...

— Это бываетъ,—сказалъ Пантелей.

Молодой пастухъ повернулся на бокъ и пристально, поднявъ свои черныя брови, поглядѣлъ на старика.

— А ты слыхалъ, какъ арбузы свистятъ? — спросилъ онъ.

— Слышать не слыхалъ, Богъ миловалъ,—вздыхнулъ старикъ:—а люди сказывали. Мудренаго мало... Захочетъ нечистая сила, такъ и въ камнѣ свистѣтъ начнетъ. Передъ волей у насъ три дня и три ночи скеля *) гудѣла. Самъ слыхалъ. А щука хохотала, потому Жменя замѣсто щуки бѣса поймалъ.

Старикъ что-то вспомнилъ. Онъ быстро поднялся на колѣни и, пожимаясь, какъ отъ холода, нервно засовывая руки въ рукава, зашепталъ въ носъ, бабьей скороговоркой:

— Спаси насъ, Господи, и помилуй! Шель я разъ бережкомъ въ Новопавловку. Гроза собиралась, и такая была буря, что сохрани Царица Небесная, Матушка... Поспѣшаю я, что есть мочи, гляжу, а по дорожкѣ, промежъ терновыхъ кустовъ—терень тогда въ цвѣту былъ—бѣлый вошь

*) Стага.

идеть. Я и думаю: чей это воль? Зачѣмъ его сюда занесла нелегкая? Идетъ онъ, хвостомъ машеть и му-у-у! Только, это самое, братцы, догоняю его, подхожу близко, глядь!—а ужъ это не воль, а Жменя. Святъ, святъ, святъ! Сотворилъ я крестное знаменіе, а онъ глядитъ на меня и бормочетъ, бѣльмы выпучивши. Испужался я, страсть! Пошли рядомъ, боюсь я ему слово сказать, — громъ гремитъ, молонья небо полосуетъ, вербы къ самой водѣ гнутся, — вдругъ, братцы, накажи меня Богъ, чтобъ мнѣ безъ покаянія помереть, бѣжить поперекъ дорожки заяцъ... Бѣжить, остановился и говоритъ по-человѣчьи: «Здорово, мужики!». Пошла, проклятая!—крикнулъ старикъ на лохматого пса, который опять пошелъ обходомъ вокругъ лошади.—А, чтобъ ты издохла!

— Это бываетъ,—сказалъ объѣздчикъ, все еще опираясь на сѣдло и не шевелясь; сказалъ онъ это беззвучнымъ, глухимъ голосомъ, какимъ говорятъ люди, погруженные въ думу.

— Это бываетъ, — повторилъ онъ глубокомысленно и убѣжденно.

— У, стервачій былъ старикъ! — продолжалъ старикъ уже не такъ горячо. — Лѣтъ черезъ пять послѣ воли его міромъ въ конторѣ посѣкли, такъ онъ, чтобы значить злобу свою доказать, взялъ да и напустилъ на всѣ Ковыли горловую болѣзнь. Повымерло тогда народу безъ счету, видимо-невидимо, словно въ холеру...

— А какъ онъ болѣзнь напустилъ? — спросилъ молодой настухъ послѣ нѣкотораго молчанія.

— Извѣстно, какъ. Тутъ ума большого не надо, была бы охота. Жменя людей гадючьимъ жиромъ морить. А это такое средство, что не то что отъ жиру, даже отъ духу народъ мретъ.

— Это вѣрно,—согласился Паптелей.

— Хотѣли его тогда ребята убить, да старики не дали. Нельзя его было убивать; онъ зналъ мѣсто, гдѣ клады есть. А кромѣ него ни одна душа не знала. Клады тутъ заговоренныя, такъ что найдешь и не увидишь, а онъ видѣлъ. Бывало, идетъ бережкомъ, или лѣсомъ, а подъ кустами и скелями огоньки, огоньки, огоньки... Огоньки такіе, какъ будто словно отъ сѣры. Я самъ видѣлъ. Всѣ такъ ждали, что Жменя людямъ мѣста укажетъ, или самъ вы-

ростъ, а онъ — сказано, сама собака не ѣсть и другимъ не даетъ — такъ и померъ: ни самъ не вырылъ, ни людямъ не показалъ.

Объѣзчикъ закурилъ трубку и на мгновеніе освѣтилъ свои большіе усы и острый, строгаго, солиднаго вида носъ. Мелкіе круги свѣта прыгнули отъ его рукъ къ картузу, побѣжали черезъ сѣдло по лошадиной спинѣ и исчезли въ гривѣ около ушей.

— Въ этихъ мѣстахъ много кладовъ, — сказалъ онъ.

И, медленно затянувшись, онъ поглядѣлъ вокругъ себя, остановилъ свой взглядъ на бѣлѣющемъ востокѣ и добавилъ:

— Должны быть клады.

— Что и говорить, — вздохнулъ старикъ. — По всему видать, что есть, только, братъ, копать ихъ некому. Никто настоящихъ мѣстовъ не знаетъ, да по нынѣшнему время, почитай, все клады заговоренные. Чтобъ его найти и увидать, талисманъ надо такой имѣть, а безъ талисмана ничего, паря, не подѣлаешь. У Жмени были талисманы, да нешто у него, у чорта лысаго, выпросишь? Онъ и держалъ-то ихъ, чтобъ никому не досталось.

Молодой пастухъ подползъ шага на два къ старику и, подперевъ голову кулаками, устремилъ на него неподвижный взглядъ. Младенческое выраженіе страха и любопытства засвѣтилось въ его темныхъ глазахъ и, какъ казалось въ сумеркахъ, растянуло и сплющило крупныя черты его молодого, грубаго лица. Онъ напряженно слушалъ.

— И въ писаніяхъ писано, что кладовъ тутъ много, — продолжалъ старикъ. — Это что и говорить... и говорить нечего. Одному новопавловскому старику-солдату въ Ивановкѣ ярлыкъ показывали, такъ въ томъ ярлыкѣ напечатано и про мѣсто, и даже сколько пудовъ золота, и въ какой посудѣ; давно бъ по этому ярлыку кладъ достали, да только кладъ заговоренный, не подступишься.

— Отчего же, дѣдъ, не подступишься? — спросилъ молодой.

— Должно, причина какая есть, не сказывалъ солдатъ. Заговоренный... Талисманъ надо.

Старикъ говорилъ съ увлеченіемъ, какъ будто изливалъ передъ проѣзжимъ свою душу. Онъ гнусавилъ отъ непривычки говорить много и быстро, заикался и, чувствуя та-

кой недостатокъ своей рѣчи, старался скрасить его жестикуляціей головы, рукъ и тощихъ плечъ; при каждомъ движеніи его холщевая рубаха мялась въ складки, ползла къ плечамъ и обнажала черную отъ загара и старости спину. Онъ обдергивалъ ее, а она тотчасъ же опять лѣзла. Наколецъ, старикъ, точно выведенный изъ терѣвнїи непослушной рубахой, вскочилъ и заговорилъ съ горечью:

— Есть счастье, а что съ него толку, если оно въ землѣ зарыто? Такъ и пропадаетъ добро задаромъ, безъ всякой пользы, какъ полова или овечій пометъ! А вѣдь счастья много, такъ много, парень, что его на всю бы округу хватило, да не видитъ его ни одна душа! Дождутся люди, что его паны выколютъ, или казна отберетъ. Паны ужъ начали курганы копать... Почуяли! Берутъ ихъ завидки на мужицкое счастье! Казна тоже себѣ на умѣ. Въ законѣ такъ писано, что ежели который мужикъ найдетъ кладъ, то чтобы къ начальству его представить. Ну, это погоди — не дождешься! Есть квась, да не про васъ!

Старикъ презрительно засмѣялся и сѣлъ на землю. Облѣзчикъ слушалъ со вниманіемъ и соглашался, но по выраженію его фигуры и по молчанію видно было, что все, что рассказывалъ ему старикъ, было не ново для него, что это онъ давно уже передумалъ и зналъ гораздо больше того, что было извѣстно старику.

— На своемъ вѣку я, признаться, разъ десять искалъ счастья,—сказалъ старикъ, конфузливо почесываясь.—На настоящихъ мѣстахъ искалъ, да, зная, попадалъ все на заговоренные клады. И отецъ мой искалъ, и братъ искалъ—ни шута не находили, такъ и умерли безъ счастья. Брату моему Ильѣ, царство ему небесное, одинъ монахъ открылъ, что въ Таганрогѣ, въ крѣпости, въ одномъ мѣстѣ подъ тремя камнями кладъ есть, и что кладъ этотъ заговоренный, а въ тѣ поры — было это, помню, въ тридцать восьмомъ году — въ Матвѣевомъ Курганѣ армяшка жилъ, талисманы продавалъ. Купилъ Илья талисманъ, взялъ двухъ ребятъ съ собой и пошелъ въ Таганрогъ. Только, братъ, подходит онъ къ мѣсту въ крѣпости, а у самаго мѣста солдатъ съ ружьемъ стоитъ.

Въ тихомъ воздухѣ, разсынаясь по стени, пронесся звукъ. Что-то вдали грозно ахнуло, ударилось о камень и побѣжало по стени, издавая: «тахъ! тахъ! тахъ! тахъ!» Когда

звукъ замеръ, старикъ вопросительно поглядѣлъ на равнодушнаго, неподвижно стоявшаго Пантелея.

— Это въ шахтахъ бадья сорвалась,—сказалъ молодой, подумавъ.

Уже свѣтало. Млечный путь блѣднѣлъ и мало-по-малу таялъ, какъ снѣгъ, теряя свои очертанія. Небо становилось хмурымъ и мутнымъ, когда не разберешь, чисто оно, или покрыто сплошь облаками, и только по ясной, глициновой полосѣ на востокъ и по кое-гдѣ уцѣлѣвшимъ звѣздамъ поймешь, въ чемъ дѣло.

Первый утренній вѣтерокъ безъ шороха, осторожно шевеля молочаемъ и бурными стеблями прошлогодняго бурьяна, пробѣжалъ вдоль дороги.

Обѣздчикъ очнулся отъ мыслей и встряхнулъ головой. Обѣими руками онъ потрясъ сѣдло, потрогалъ подпругу и, какъ бы не рѣшаясь сѣсть на лошадь, опять остановился въ раздумьѣ.

— Да,—сказалъ онъ:---близокъ локоть да не укусишь... Есть счастье, да нѣтъ ума искать его.

И онъ повернулся лицомъ къ пастухамъ. Строгое лицо его было грустно и насмѣшливо, какъ у разочарованнаго.

— Да, такъ и умрешь, не повидавши счастья, какое оно такое есть...—сказалъ онъ съ разстановкой, поднимая лѣвую ногу къ стремяни.—Кто помоложе, можетъ, и дождется, а намъ ужъ и думать пора бросить.

Поглаживая свои длинные, покрытые росой усы, онъ грузно усѣлся на лошади и съ такимъ видомъ, какъ будто забылъ что-то или не досказалъ, прищурилъ глаза на даль. Въ синеватой дали, гдѣ послѣдній видимый холмъ сливался съ туманомъ, ничто не шевелилось; сторожевые и могильные курганы, которые тамъ и сямъ высились надъ горизонтомъ и безграничною степью, глядѣли сурово и мертво; въ ихъ неподвижности и беззвучіи чувствовались вѣка и полное равнодушіе къ человѣку; пройдетъ еще тысяча лѣтъ, умрутъ миллиарды людей, а они все еще будутъ стоять, какъ стояли, нимало не сожалея объ умершихъ, не интересуясь живыми, и ни одна душа не будетъ знать, зачѣмъ они стоятъ и какую степную тайну прячутъ подъ собой.

Проснувшіеся грачи, молча и въ одиночку, летали надъ землей. Ни въ лѣнивомъ полетѣ этихъ долговѣчныхъ птицъ,

ни въ утрѣ, которое повторяется аккуратно каждая сутки, ни въ безграничности степи — ни въ чемъ не видно было смысла. Обѣздчикъ усмѣхнулся и сказалъ:

— Экая ширь, Господи помилуй! Пойди-ка, найди счастье! Тутъ,—продолжалъ онъ, понизивъ голосъ и дѣлая лицо серьезнымъ:—тутъ навѣрняка зарыты два клада. Господа про нихъ не знаютъ, а старымъ мужикамъ, особливо солдатамъ, до точности про нихъ извѣстно. Тутъ, гдѣ-то на этомъ краѣ (обѣздчикъ указалъ въ сторону нагайкой), когда-то во время оно разбойники напали на караванъ съ золотомъ; золото это везли изъ Петербурга Петру императору, который тогда въ Воронежѣ флотъ строилъ. Разбойники побили возчиковъ, а золото закопали, да потомъ и не нашли. Другой же кладъ наши донскіе казаки зарыли. Въ двѣнадцатомъ году они у француза всякаго добра, серебра и золота награбили видимо-невидимо. Когда воровались къ себѣ домой, то прослышали дорогой, что начальство хочетъ у нихъ отобрать все золото и серебро. Чѣмъ начальству такъ зря отдавать добро, они, молодцы, взяли и зарыли его, чтобъ хоть дѣтямъ досталось, а гдѣ зарыли — неизвѣстно.

— Я слышалъ про эти клады, — угрюмо пробормоталъ старикъ.

— Да,—задумался опять Пантелей.—Такъ...

Наступило молчаніе. Обѣздчикъ задумчиво поглядѣлъ на даль, усмѣхнулся и тронулъ повода все съ тѣмъ же выраженіемъ, какъ будто забылъ что-то или не досказалъ. Лошадь неохотно пошла шагомъ. Проѣхавъ шаговъ сто, Пантелей рѣшительно встряхнулъ головой, очнулся отъ мыслей и, стегнувъ по лошади, поскакалъ рысью.

Пастухи остались одни.

— Это Пантелей изъ Макаровской экономіи, — сказалъ старикъ.—Полтора ста въ годъ получаетъ, на хозяйскихъ харчахъ. Образованный человекъ...

Проснувшіяся овцы — ихъ было около трехъ тысячъ — неохотно, отъ нечего дѣлать принялись за невысокую, на половину утопанную траву. Солнце еще не взошло, но уже были видны всѣ курганы и далекая, похожая на облако, Саурь-Могила съ остроконечной верхушкой. Если взобраться на эту могилу, то съ нея видна равнина, такая же ровная и безграничная, какъ небо, видны барскія

усадыбы, хутора иѣмцевъ и молоканъ, деревни, а дальнорзкой калмыкъ увидить даже городъ и поѣзда желѣзныхъ дорогъ. Только отсюда и видно, что на этомъ свѣтѣ, кромѣ молчаливой стени и вѣковыхъ кургановъ, есть другая жизнь, которой нѣтъ дѣла до закрытаго счастья и овечьихъ мыслей.

Старикъ нащупалъ возлѣ себя свою «герлыгу», длинную палку съ крючкомъ на верхнемъ концѣ, и поднялся. Онъ молчалъ и думалъ. Съ лица молодого еще не сошло младенческое выраженіе страха и любопытства. Онъ находился подъ впечатлѣніемъ слышаннаго и съ нетерпѣніемъ ждалъ новыхъ разсказовъ.

— Дѣдъ,—спросилъ онъ, поднимаясь и беря свою герлыгу:—что же твой братъ Илья съ солдатомъ сдѣлалъ?

Старикъ не разслышалъ вопроса. Онъ разсѣянно поглядѣлъ на молодого и отвѣтилъ, пошамкавъ губами:

— А я, Санька, все думаю про тотъ ярлыкъ, что въ Ивановкѣ солдату показывали. Я Пантелею не сказалъ, Богъ съ нимъ, а вѣдь въ ярлыкѣ обозначено такое мѣсто, что даже баба найдетъ. Знаешь, какое мѣсто? Въ Богатой Балочкѣ, въ томъ, знаешь, мѣстѣ, гдѣ балка, какъ гусиная ланка, расходится на три балочки; такъ въ средней.

— Что жъ, будешь рыть?

— Попытаю счастья...

— Дѣдъ, а что ты станешь дѣлать съ кладомъ, когда найдешь его?

— Я-то?—усмѣхнулся старикъ.—Гм!.. Только бы найти, а то... показалъ бы я всеѣмъ Кузькину мать... Гм!.. Знаю, что дѣлать...

И старикъ не сумѣлъ отвѣтить, что онъ будетъ дѣлать съ кладомъ, если найдетъ его. За всю жизнь этотъ вопросъ представился ему въ это утро, вѣроятно, впервые, а судя по выраженію лица, легкомысленному и безразличному, не казался ему важнымъ и достойнымъ размышленія. Въ головѣ Саньки копошилось еще одно недоумѣніе: почему клады ищутъ только старики и къ чему сдалось земное счастье людямъ, которые каждый день могутъ умереть отъ старости? Но недоумѣніе это Санька не умѣлъ вылить въ вопросъ, да едва ли бы старикъ нашель, что отвѣтить ему.

Окруженное легкою мутью, показалось громадное багро-

вое солнце. Широкія полосы свѣта, еще холодныя, купались въ росистой травѣ, потягиваясь и съ веселымъ видомъ, какъ-будто стараясь показать, что это не надоѣло имъ, стали ложиться по землѣ. Серебристая полынь, голубые цвѣты свинячей цыбульки, желтая сурѣна, васильки—все это радостно зашепело, принимая свѣтъ солнца за свою собственную улыбку.

Старикъ и Санька разошлись и стали по краямъ отары. Оба стояли, какъ столбы, не шевелясь, глядя въ землю и думая. Перваго не отнускали мысли о счастьѣ, второй же думалъ о томъ, что говорилось ночью; интересовало его не самое счастье, которое было ему не нужно и непонятно, а фантастичность и сказочность человѣческаго счастья.

Сотня овецъ вдрогнула и въ какомъ-то непонятномъ ужасѣ, какъ по сигналу, бросилась въ сторону отъ отары. И Санька, какъ будто бы мысли овецъ, длительныя и тягучія, на мгновение сообщились и ему, въ такомъ же непонятномъ, животномъ ужасѣ бросился въ сторону, но тотчасъ же пришелъ въ себя и крикнулъ:

— Ты, скажешь! Перебѣсились, иѣтъ на васъ погибели!

А когда солнце, обѣщая долгій, непобѣдимый зной, стало припекать землю, все живое, что ночью двигалось и издавало звуки, погрузилось въ полусонъ. Старикъ и Санька со своими гердыгами стояли у противоположныхъ краевъ отары, стояли не шевелясь, какъ факиры на молитвѣ, и сосредоточенно думали. Они уже не замѣчали другъ друга, и каждый изъ нихъ жилъ своей собственной жизнью. Овцы тоже думали...

ТИФЪ.

Въ почтовомъ поѣздѣ, шедшемъ изъ Петербурга въ Москву, въ отдѣленіи для куращихъ ѣхалъ молодой поручикъ Климовъ. Противъ него сидѣлъ пожилой человекъ съ бритой шкиперской фізіономіей, по всѣмъ видимостямъ, зажиточный чухонецъ или шведъ, всю дорогу сосавшій трубку и говорившій на одну и ту же тему:

— Га, вы офицеръ! У меня тоже братъ офицеръ, но только онъ морякъ... Онъ морякъ и служитъ въ Кронштадтѣ. Вы зачѣмъ ѣдете въ Москву?

— Я тамъ служу.

— Га! А вы семейный?

— Нѣтъ, я живу съ теткой и сестрой.

— Мой братъ тоже офицеръ, морякъ, но онъ семейный, имѣетъ жена и три ребенка. Га!

Чухонецъ чему-то удивлялся, идіотски-широко улыбался, когда восклицалъ «га!», и то и дѣло продувалъ свою вонючую трубку. Климовъ, которому нездоровилось и тяжело было отвѣчать на вопросы, ненавидѣлъ его всей душой. Онъ мечталъ о томъ, что хорошо бы вырвать изъ его рукъ сипѣвщую трубку и швырнуть ее подъ диванъ, а самого чухонца прогнать куда-нибудь въ другой вагонъ.

«Противный народъ эти чухонцы и... греки,—думалъ онъ.—Совсѣмъ лишній, ни къ чему не нужный, противный народъ. Занимаютъ только на земномъ шарѣ мѣсто. Къ чему они?»

И мысль о чухонцахъ и грекахъ производила во всемъ его тѣлѣ что-то въ родѣ тошноты. Для сравненія хотѣлъ

онъ думать о французахъ и итальянцахъ, но воспоминаніе объ этихъ народахъ вызывало въ немъ представленіе почему-то только о шарманщикахъ, голыхъ женщинахъ и заграничныхъ олеографіяхъ, которыя висятъ дома у тетки надъ комодомъ.

Вообще офицеръ чувствовалъ себя ненормальнымъ. Руки и ноги его какъ-то не укладывались на диванъ, хотя весь диванъ былъ къ его услугамъ, во рту было сухо и липко, въ головѣ стоялъ тяжелый туманъ; мысли его, казалось, бродили не только въ головѣ, но и внѣ черепа, межъ дивановъ и людей, окутанныхъ въ ночную мглу. Сквозь головную муть, какъ сквозь сонъ, слышалъ онъ бормотанье голосовъ, стукъ колесъ, хлопанье дверей. Звонки, свистки, кондуктора, бѣготня публики по платформѣ слышались чаще, чѣмъ обыкновенно. Время легло быстро, незамѣтно, и потому казалось, что поѣздъ останавливался около станцій каждую минуту, и то и дѣло извнѣ доносились металлическіе голоса:

— Готова почта?

— Готова!

Казалось, что слишкомъ часто истопникъ входилъ и поглядывалъ на термометръ, что шумъ встрѣчнаго поѣзда и грохотъ колесъ по мосту слышались безъ перерыва. Шумъ, свистки, чухонецъ, табачный дымъ—все это, мѣшаясь съ угрозами и миганьемъ туманныхъ образовъ, форму и характеръ которыхъ не можетъ припомнить здоровый человѣкъ, давило Климова невыносимымъ копмаромъ. Въ страшной тоскѣ онъ поднималъ тяжелую голову, взглядывалъ на фонарь, въ лучахъ котораго кружились тѣни и туманные пятна, хотѣлъ просить воды, но высохшій языкъ едва шевелился, и едва хватало силы отвѣчать на вопросы чухонца. Онъ старался поудобнѣе улечься и уснуть, но это ему не удавалось; чухонецъ нѣсколько разъ засыпалъ, просыпался и закуривалъ трубку, обращался къ нему со своимъ «га!» и вновь засыпалъ, а ноги поручика все никакъ не укладывались на диванъ и грозящіе образы все стояли передъ глазами.

Въ Спировѣ онъ вышелъ на станцію, чтобы выпить воды. Онъ видѣлъ, какъ за столомъ сидѣли люди и спѣшили ѣсть.

«И какъ они могутъ ѣсть!» — думалъ онъ, стараясь не нюхать воздуха, пахнущаго жаренымъ мясомъ, и не пля-

дѣтъ на жующіе рты, — то и другое казалось ему противнымъ до тошноты.

Какая-то красивая дама громко бесѣдовала съ военнымъ въ красной фуражкѣ и, улыбаясь, показывала великолѣпные бѣлые зубы: и улыбка, и зубы, и сама дама произвели на Климова такое же отвратительное впечатлѣніе, какъ окорокъ и жаренныя котлеты. Онъ не могъ понять, какъ это военному въ красной фуражкѣ не жутко сидѣть возлѣ нея и глядѣть на ея здоровое, улыбающееся лицо.

Когда онъ, выпивъ воды, вернулся въ вагонъ, чухонецъ сидѣлъ и курилъ. Его трубка сигѣла и всхлипывала, какъ дырявая калона въ сырую погоду.

— Га!—удивился онъ.—Это какая станція?

— Не знаю,—отвѣтилъ Климовъ, ложась и закрывая ротъ, чтобы не дышать ѣдкимъ табачнымъ дымомъ.

— А въ Твери когда мы будемъ?

— Не знаю. Извините, я... я не могу отвѣчать. Я боленъ, простудился сегодня.

Чухонецъ постучалъ трубкой объ оконную раму и сталъ говорить о своемъ братѣ-морякѣ. Климовъ ужъ болѣе не слушалъ его и съ тоской вспоминалъ о своей мягкой, удобной постели, о графинѣ съ холодной водой, о сестрѣ Катѣ, которая такъ умѣетъ уложить, успокоить, подать воды. Онъ даже улыбнулся, когда въ его воображеніи мелькнулъ деньщикъ Павелъ, снимающій съ барина тяжелые, душные сапоги и ставящій на столикъ воду. Ему казалось, что стоитъ только лечь въ свою постель, выпить воды, и кошмаръ уступилъ бы свое мѣсто крѣпкому, здоровому сну.

— Почта готова?—донесся издали глухой голосъ.

— Готова!—отвѣтилъ басъ почти у самаго окна.

Это была уже вторая или третья станція отъ Спирова.

Время летѣло быстро, скачками, и казалось, что звонкамъ, свисткамъ и остановкамъ не будетъ конца. Климовъ въ отчаяніи уткнулся лицомъ въ уголъ дивана, обхватилъ руками голову и сталъ опять думать о сестрѣ Катѣ и деньщикѣ Павлѣ, но сестра и деньщикъ смѣшались съ туманными образами, завертѣлись и исчезли. Его горячее дыханіе, отражаясь отъ спинки дивана, жгло ему лицо, ноги лежали неудобно, въ спину дуло отъ окна, но, какъ ни мучительно было ему ужъ не хотѣлось перемѣнить свое

положеніе... Тяжелая, кошмарная лѣнь мало-по-малу овладѣла имъ и сковала его члены.

Когда онъ рѣшился поднять голову, въ вагонѣ было уже свѣтло. Пассажиры надѣвали шубы и двигались. Поездъ стоялъ. Артельщики въ бѣлыхъ фартукахъ и съ бляхами суетились возлѣ пассажировъ и хватали ихъ чемоданы. Климовъ надѣлъ шинель, машинально вслѣдъ за другими вышелъ изъ вагона, и ему казалось, что идетъ не онъ, а вмѣсто него кто-то другой, посторонній, и онъ чувствовалъ, что вмѣстѣ съ нимъ вышли изъ вагона его жаръ, жажда и тѣ грозящія образы, которые всю ночь не давали ему спать. Машинально онъ получилъ багажъ и нанялъ извозчика. Извозчикъ запросилъ съ него до Поварской рубль съ четвертью, но онъ не торговался, а безпрекословно, послушно сѣлъ въ сани. Разницу въ числахъ онъ еще понималъ, но деньги для него уже не имѣли никакой цѣны.

Дома Климова встрѣтили тетка и сестра Катя, восемнадцатилѣтняя дѣвушка. Въ рукахъ Кати, когда она здоровалась, были тетрадка и карандашъ, и онъ вспомнилъ, что она готовится къ учительскому экзамену. Не отвѣчая на вопросы и привѣтствія, а только отдуваясь отъ жара, онъ безъ всякой цѣли прошелся по всѣмъ комнатамъ и, дойдя до своей кровати, повалился на подушку. Чухонецъ, красная фуражка, дама съ бѣлыми зубами, запахъ жаренаго мяса, мигающія пятна заняли его сознание и уже онъ не зналъ, гдѣ онъ, и не слышалъ встревоженныхъ голосовъ.

Очнувшись, онъ увидѣлъ себя въ своей постели, раздѣтымъ, увидѣлъ графинъ съ водой и Павла, но отъ этого ему не было ни прохладнѣе, ни мягче, ни удобнѣе. Ноги и руки попрежнему не укладывались, языкъ прилипалъ къ небу и слышалось всхлипыванье чухонской трубки... Возлѣ кровати, толкая своей широкой спиной Павла, суетился плотный, чернобородый докторъ.

— Ничего, ничего, юноша!—бормоталъ онъ.—Отлично, отлично... Тэкъ, тэкъ...

Докторъ называлъ Климова юношей, вмѣсто «такъ» говорилъ «тэкъ», вмѣсто «да»—«дэ»...

— Дэ, дэ, дэ,—сыпалъ онъ.—Тэкъ, тэкъ... Отлично, юноша... Не надо унывать!

Быстрая, небрежная рѣчь доктора, его сытая фізіономія и снисходительное «юноша» раздражили Климова.

— Зачѣмъ вы зовете меня юношей?—простоналъ онъ.—
Что за фамильярность? Къ чорту!

И онъ испугался своего голоса. Этотъ голосъ былъ до
того сухъ, слабъ и пѣвучъ, что его нельзя было узнать.

— Отлично, отлично,—забормоталъ докторъ, нисколько
не обижаясь.—Не надо сердиться... Дѣ, дѣ, дѣ...

И дома время летѣло такъ же поразительно быстро, какъ
и въ вагонѣ... Дневной свѣтъ въ спальнѣ то и дѣло смѣ-
нялся ночными сумерками. Докторъ, казалось, не отходилъ
отъ кровати и каждую минуту слышалось его «дѣ, дѣ, дѣ».
Черезъ спальную непрерывно тянулся рядъ лицъ. Тутъ
были: Павелъ, чухонецъ, штабсъ-капитанъ Ярошевичъ,
фельдфебель Максименко, красная фуражка, дама съ бѣ-
лыми зубами, докторъ. Всѣ они говорили, махали руками,
курили, ѣли. Разъ даже при дневномъ свѣтѣ Климовъ ви-
дѣлъ своего полкового священника о. Александра, который
въ эпитрахили и съ требникомъ въ рукахъ стоялъ передъ
кроватью и бормоталъ что-то съ такимъ серьезнымъ ли-
цомъ, какого раньше Климовъ не наблюдалъ у него. Поручикъ
вспомнилъ, что о. Александръ всѣхъ офицеровъ-като-
ликовъ пріятельски обзывалъ «ляхами», и, желая посмѣ-
шить его, крикнулъ:

— Батя, ляхъ Ярошевичъ до лясу бѣжалъ!

Но о. Александръ, человѣкъ смѣшливый и веселый, не за-
смѣялся, а сталъ еще серьезнѣе и перекрестилъ Климова.
Ночью разъ за разомъ безшумно входили и выходили двѣ
тѣни. То были тетка и сестра. Тѣнь сестры становилась
на колѣни и молилась: она кланялась образу, кланялась на
стѣнѣ и ея сѣрая тѣнь, такъ что Богу молились двѣ тѣни.
Все время пахло жаренымъ мясомъ и трубкой чухонца, но
разъ Климовъ почувствовалъ рѣзкій запахъ ладана. Онъ
задвигался отъ тошноты и сталъ кричать:

— Ладанъ! Унесите ладанъ!

Отвѣта не было. Слышно было только, какъ гдѣ-то не
громко пѣли священники и какъ кто-то бѣгалъ по лѣст-
ницѣ.

Когда Климовъ очнулся отъ забытья, въ спальнѣ не
было ни души. Утреннее солнце било въ окно сквозь спу-
щенную занавѣску, и дрожащій лучъ, тонкій и граціозный,
какъ лезвіе, игралъ на графинѣ. Слышался стукъ колесъ—
значить, снѣга уже не было на улицѣ. Поручикъ поглядѣлъ

на лучъ, на знакомую мебель, на дверь и первымъ дѣломъ засмѣялся. Грудь и животъ задрожали отъ сладкаго, счастливаго и щекочущаго смѣха. Всѣмъ его существомъ, отъ головы до ногъ, овладѣло ощущеніе безконечнаго счастья и жизненной радости, какую, вѣроятно, чувствовалъ первый человѣкъ, когда былъ созданъ и впервые увидѣлъ міръ. Климовъ страстно захотѣлъ движенія, людей, рѣчей. Тѣло его лежало неподвижнымъ пластомъ, шевелились однѣ только руки, но онъ это едва замѣтилъ и все вниманіе свое устремилъ на мелочи. Онъ радовался своему дыханію, своему смѣху, радовался, что существуетъ графинь, потолокъ, лучъ, тесемка на занавѣскѣ. Міръ Божій даже въ такомъ тѣсномъ угольѣ, какъ спальня, казался ему прекраснымъ, разнообразнымъ, великимъ. Когда явился докторъ, поручикъ думалъ о томъ, какая славная штука медицина, какъ миль и симпатиченъ докторъ, какъ вообще хороши и интересны люди.

— Дѣ, дѣ, дѣ... — сыпалъ докторъ. — Отлично, отлично... Теперь ужъ мы здоровы... Тѣкъ, тѣкъ.

Поручикъ слушалъ и радостно смѣялся. Вспомнилъ онъ чухонца, даму съ бѣлыми зубами, окорокъ, и ему захотѣлось курить, ѣсть.

— Докторъ,—сказалъ онъ:—прикажете дать мнѣ корочку, ржаного хлѣба съ солью и... и сардинь.

Докторъ отказалъ, Павелъ не послушался приказанія и не пошелъ за хлѣбомъ. Поручикъ не вынесъ этого и заплакалъ, какъ капризный ребенокъ.

— Малюточка!—засмѣялся докторъ.—Мама, бай, а-а!

Климовъ тоже засмѣялся и, по уходѣ доктора, крѣпко уснулъ. Проснулся онъ съ тою же радостью и съ ощущеніемъ счастья. Возлѣ постели сидѣла тетка.

— А, тетя!—обрадовался онъ.—Что у меня было?

— Сыпной тифъ.

— Вотъ что. А теперь мнѣ хорошо, очень хорошо! Гдѣ Катя?

— Дома нѣтъ. Вѣроятно, зашла куда-нибудь съ экзамена.

Старуха сказала это и нагнулась къ чулку; губы ея задрожали, она отвернулась и вдругъ зарыдала. Въ отчаяніи, забывъ запрещеніе доктора, она проговорила:

— Ахъ, Катя, Катя! Нѣтъ нашего ангела! Нѣтъ!

Она уронила чулокъ и нагнулась за нимъ, и въ это время съ головы ея свалился чепецъ. Взглянувъ на ея сѣдую голову и ничего не понимая, Климовъ испугался за Катю и спросилъ:

— Гдѣ же она? Тетя!

Старуха, которая уже забыла про Климова и помнила только свое горе, сказала:

— Заразилась отъ тебя тифомъ и... и умерла. Третьяго дня похоронили.

Эта страшная, неожиданная новость цѣликомъ вошла въ сознание Климова, но какъ ни была она страшна и сильна, она не могла побороть животной радости, наполнявшей выздоравливающаго поручика. Онъ плакалъ, смѣялся и скоро сталъ браниться за то, что ему не даютъ ѣсть.

Только спустя недѣлю, когда онъ въ халатишкѣ, поддерживаемый Павломъ, подошелъ къ окну, поглядѣлъ на пасмурное весеннее небо и прислушался къ неприятному стуку старыхъ рельсовъ, которые провозили мимо, сердце его сжалось отъ боли, онъ заплакалъ и припалъ лбомъ къ оконной рамѣ.

— Какой я несчастный!—забормоталъ онъ.—Боже, какой я несчастный!

И радость уступила свое мѣсто обыденной скукѣ и чувству невозвратимой потери.

ВАНЬКА.

Ванька Жуковъ, девятилѣтній мальчикъ, отданный три мѣсяца тому назадъ въ ученье къ сапожнику Аляхину, въ ночь подъ Рождество не ложился спать. Дождавшись, когда хозяева и подмастерья ушли къ заутренѣ, онъ досталъ изъ хозяйскаго шкапа пузырекъ съ чернилами, ручку съ заржавленнымъ перомъ и, разложивъ передъ собой измятый листъ бумаги, сталъ писать. Прежде чѣмъ вывести первую букву, онъ нѣсколько разъ пугливо оглянулся на двери и окна, покосился на темный образъ, по обѣ стороны котораго тянулись полки съ колодками, и прерывисто вздохнулъ. Бумага лежала на скамьѣ, а самъ онъ стоялъ передъ скамьей на колѣняхъ.

«Милый дѣдушка, Константинъ Макарычъ!—писалъ онъ.— И пишу тебѣ письмо. Поздравляю васъ съ Рождествомъ и желаю тебѣ всего отъ Господа Бога. Нѣту у меня ни отца, ни маменьки, только ты у меня одинъ остался».

Ванька перевелъ глаза на темное окно, въ которомъ мельгало отраженіе его свѣчки, и живо вообразилъ себѣ своего дѣда Константина Макарыча, служащаго ночнымъ сторожемъ у господъ Живаревыхъ. Это маленькій, тощенькій, но необыкновенно юркій и подвижной старикашка, лѣтъ 65-ти, съ вѣчно смѣющимся лицомъ и пьяными глазами. Днемъ онъ спитъ въ людской кухнѣ, или балагурить съ кухарками, ночью же, укутанный въ просторный тулупъ, ходитъ вокругъ усадьбы и стучитъ въ свою колотушку. За нимъ, опустивъ головы, шагаютъ старая Каштанка и кобелекъ Вьюнъ, прозванный такъ за свой черный цвѣтъ и тѣло длинное какъ у ласки. Этотъ Вьюнъ необыкновенно почти-

теленъ и ласковъ, одинаково умилно смотреть какъ на своихъ, такъ и на чужихъ, но кредитомъ не пользуется. Подъ его почительностью и смиреніемъ скрывается самое іезуитское ехидство. Никто лучше его не умѣетъ во-время подкрасться и цапнуть за ногу, забраться въ ледникъ, или украсть у мужика курицу. Ему ужъ не разъ отбивали заднія ноги, раза два его вѣшали, каждую недѣлю пороли до полусмерти, но онъ всегда оживаль.

Теперь, навѣрно, дѣдъ стоитъ у воротъ, щуритъ глаза на ярко-красныя окна деревенской церкви и, притопывая валенками, балагуритъ съ дворней. Колотушка его подвизана къ поясу. Онъ всплескиваетъ руками, пожимается отъ холода и, старчески хихикая, щиплетъ то горничную, то кухарку.

— Табачку нешто намъ понюхать?—говоритъ онъ, подставляя бабамъ свою табакерку.

Бабы нюхаютъ и чихаютъ. Дѣдъ приходитъ въ неопи- санный восторгъ, заливается веселымъ смѣхомъ и кричить:

— Отдирай, примерзло!

Даютъ понюхать табаку и собакамъ. Каптанка чихаетъ, крутить мордой и, обиженная, отходить въ сторону. Вьюнъ же изъ почительности не чихаетъ и вертитъ хвостомъ. А погода великолѣпная. Воздухъ тихъ, прозраченъ и свѣжъ. Ночь темна, но видно всю деревню съ ея бѣлыми крышами и струйками дыма, идущими изъ трубъ, деревья, посеребренныя инеемъ, сугробы. Все небо усыпано весело мигающими звѣздами, и млечный путь вырисовывается такъ ясно, какъ будто его передъ праздникомъ помыли и потеряли снѣгомъ...

Ванька вздохнулъ, умокнулъ перо и продолжалъ писать:

«А вчерась мнѣ была выволочка. Хозяинъ выволокъ меня за волосы на дворъ и отчесалъ шпандыремъ за то, что я качалъ ихняго ребятенка въ люлькѣ и по нечаянности заснулъ. А на недѣлѣ хозяйка велѣла мнѣ почистить селедку, а я началъ съ хвоста, а она взяла селедку и ейной мордой начала меня въ харю тыкать. Подмастерья надо мной насмѣхаются, посылаютъ въ кабакъ за водкой и велѣть красть у хозяевъ огурцы, а хозяинъ бьетъ чѣмъ попадя. А фды нѣту никакой. Утромъ даютъ хлѣба, въ обѣдъ каши и къ вечеру тоже хлѣба, а чтобъ чаю или щей, то хозяева сами трескаютъ. А спать мнѣ велѣть въ сѣняхъ, а когда ребятенокъ ихній плачетъ, я вовсе не сплю, а качаю люльку.

Милый дѣдушка, сдѣлай божецкую милость, возьми меня отсюда домой, на деревню, нѣту никакой моей возможности... Кланяюсь тебѣ въ ножки и буду вѣчно Бога молить, увези меня отсюда, а то помру»...

Ванька покривилъ ротъ, потеръ своимъ чернымъ кулакомъ глаза и всхлинулъ.

«Я буду тебѣ табакъ тереть, — продолжалъ онъ: — Богу молиться, а если что, то сѣки меня, какъ Сидорову козу. А ежели думаешь, должности мнѣ нѣту, то я Христа-ради попрошусь къ приказчику сапоги чистить, али замѣсто Оедыки въ подпаски пойду. Дѣдушка милый, нѣту никакой возможности, просто смерть одна. Хотѣлъ-было пѣшкомъ на деревню бѣжать, да сапоговъ нѣту, морозу боюсь. А когда выросту большой, то за это самое буду тебя кормить и въ обиду никому не дамъ, а помрешь, стану за упокой души молить, все равно какъ за мамку Пелагею».

«А Москва городъ большой. Дома все господскіе и лошадей много, а овецъ нѣту и собаки не злыя. Со звѣздой тутъ ребята не ходятъ и на клиросъ пѣть никого не пускають, а разъ я видалъ въ одной лавкѣ, на окнѣ, крючки продаются прямо съ леской и на всякую рыбу, очень стоящіе, даже такой есть одинъ крючокъ, что пудоваго сома удержать. И видалъ которыя лавки, гдѣ ружья всякія на манеръ бариновыхъ, такъ что, небось, рублей сто каждое... А въ мясныхъ лавкахъ и тетерева, и рябцы, и зайцы, а въ которомъ мѣстѣ ихъ стрѣляютъ, про то сидѣльцы не сказываютъ».

«Милый дѣдушка, а когда у господъ будетъ елка съ гостинцами, возьми мнѣ золоченый орѣхъ и въ зеленый сундучокъ спрячь. Попроси у барышни Ольги Игнатьевны, скажи — для Ваньки».

Ванька судорожно вздохнулъ и опять устался на окно. Онъ вспомнилъ, что за елкой для господъ всегда ходилъ въ лѣсъ дѣдъ и бралъ съ собою внука. Веселое было время! И дѣдъ крикалъ, и морозъ крикалъ, а глядя на нихъ, и Ванька крикалъ. Бывало, прежде чѣмъ вырубить елку, дѣдъ выкуриваетъ трубку, долго нюхаетъ табакъ, посмѣивается надъ озябшимъ Ванюшкой... Молодые елки, окутанныя инеемъ, стоятъ неподвижно и ждуть, которой изъ нихъ помирать? Откуда ни возмись, по сугробамъ летитъ стрѣлой заяць... Дѣдъ не можетъ, чтобъ не крикнуть:

— Держи, держи... держи! Ахъ, куцый дьяволъ!

Срубленную елку дѣдъ тащилъ въ господскій домъ, а тамъ принимались убирать ее... Больше всѣхъ хлопотала барышня Ольга Игнатьевна, любимица Ваньки. Когда еще была жива Ванькина мать Пелагея и служила у господъ въ горничныхъ, Ольга Игнатьевна кормила Ваньку леденцами и отъ нечего дѣлать выучила его читать, писать, считать до ста и даже танцевать кадрили. Когда же Пелагея умерла, сиротку Ваньку спровадили въ людскую кухню къ дѣду, а изъ кухни въ Москву къ сапожнику Аляхину...

«Пріѣзжай, милый дѣдушка,—продолжалъ Ванька:—Христомъ Богомъ тебя молю, возьми меня отседа. Пожалѣй ты меня, сироту несчастную, а то меня всѣ колотятъ и кушать страсть хочется, а скука такая, что и сказать нельзя, все плачу. А намедни хозяинъ колодкой по головѣ ударилъ, такъ что упалъ и насилу очухался. Пропашая моя жизнь, хуже собаки всякой... А еще кланяюсь Аленѣ, кривому Егоркѣ и кучеру, а гармонію мою никому не отдавай. Остаюся твой внукъ Иванъ Жуковъ, милый дѣдушка пріѣзжай».

Ванька свернулъ вчетверо списанный листъ и вложилъ его въ конвертъ, купленный наканунѣ за копейку... Подумавъ немного, онъ умокнулъ перо и написалъ адресъ:

На дерево дѣдушки.

Потомъ почесался, подумалъ и прибавилъ: «Константину Макарычу». Довольный тѣмъ, что ему не помѣшали писать, онъ надѣлъ шалку и, не набрасывая на себя шубейки, прямо въ рубахѣ выбѣжалъ на улицу...

Сидѣльцы изъ мясной лавки, которыхъ онъ разспрашивалъ наканунѣ, сказали ему, что письма опускаются въ почтовые ящики, а изъ ящиковъ развозятся по всей землѣ на почтовыхъ тройкахъ съ пьяными ямщиками и звонкими колокольцами. Ванька добѣжалъ до перваго почтоваго ящика и сунулъ драгоценное письмо въ шель...

Убаюканный сладкими надеждами, онъ, часъ спустя, крѣпко спалъ... Ему снилась печка. На печи сидитъ дѣдъ, свѣсивъ босые ноги, и читаетъ письмо кухаркамъ... Около печи ходитъ Вьюнъ и вертитъ хвостомъ...

СВИРЪЛЬ.

Разморенный духотою еловой чащи, весь въ паутинѣ и въ хвойныхъ иглахъ, пробирался съ ружьемъ къ опушкѣ приказчикъ изъ Дементьева хутора, Мелитонъ Шишкинъ. Его Дамка—помѣсь дворняги съ сетеромъ—необыкновенно худая и беременная, поджимая подъ себя мокрый хвостъ, плелась за хозяиномъ и всячески старалась не наколоть себѣ носа. Утро было нехорошее, пасмурное. Съ деревьевъ, окутанныхъ легкимъ туманомъ, и съ папоротника сыпались крупныя брызги, лѣсная сырость издавала острый запахъ гнили.

Впередѣ, гдѣ кончалась чаща, стояли березы, а сквозь ихъ стволы и вѣтви видна была туманная даль. Кто-то за березами игралъ на самодѣлковой, пастушеской свирѣли. Игрокъ бралъ не болѣе пяти-шести нотъ, лѣнливо тянулъ ихъ, не стараясь связать ихъ въ мотивъ, но тѣмъ не менѣе въ его пискѣ слышалось что-то суровое и чрезвычайно тоскливое.

Когда чаща порѣдѣла и елки уже мѣшались съ молодой березой, Мелитонъ увидѣлъ стадо. Спутанныя лошади, коровы и овцы бродили между кустовъ и, потрескивая сучьями, обнюхивали лѣсную траву. На опушкѣ, прислонившись къ мокрой березкѣ, стоялъ старикъ-пастухъ, тощій, въ рваной сермягѣ и безъ шапки. Онъ глядѣлъ въ землю, о чемъ-то думалъ и игралъ на свирѣли, повидимому, машинально.

— Здравствуй, дѣдь! Богъ на помощь!—привѣтствовалъ его Мелитонъ тонкимъ, сильнымъ голосомъ, который со-всѣмъ не шель къ его громадному росту и большому, мя-

систому лицу.—А ловко ты на дудочкѣ дудишь! Чѣе стадо пасешь?

— Артамоновское,—нехотя отвѣтилъ пастухъ и сунулъ свирѣль за пазуху.

— Стало-быть, и лѣсъ артамоновскій?—спросилъ Мелитонъ, оглядываясь.—И впрямь артамоновскій, скажи на милость... Совѣмъ-было заблудился. Всю харю себѣ въ чепыгѣ испаралъ.

Онъ сѣлъ на мокрую землю и сталъ лѣпить изъ газетной бумаги папиросу.

Подобно жиденькому голоску, все у этого человѣка было мелко и не соответствовало его росту, ширинѣ и мясистому лицу: и улыбка, и глазки, и пуговки, и картузикъ, едва державшійся на жирной, стриженной головѣ. Когда онъ говорилъ и улыбался, то въ его бритомъ, пухломъ лицѣ и во всей фигурѣ чувствовалось что-то бабье, робкое и смиренное.

— Ну, погода, не дай Богъ!—сказалъ онъ и покрутилъ головой.—Люди еще овса не убрали, а дождикъ словно нанялся, Богъ съ нимъ.

Пастухъ поглядѣлъ на небо, откуда моросилъ дождь, на лѣсъ, на мокрую одежду приказчика, подумалъ и ничего не сказалъ.

— Все лѣто такое было...—вдохнулъ Мелитонъ.—И мужикамъ плохо, и господамъ никакого удовольствія.

Пастухъ еще разъ поглядѣлъ на небо, подумалъ и сказалъ съ разстановкой, точно разжевывая каждое слово:

— Все къ одному клонится... Добра не жди.

— Какъ у васъ тутъ?—спросилъ Мелитонъ, закуривая.—Не видалъ въ артамоновской сѣчи тетеревиныхъ выводковъ?

Пастухъ отвѣтилъ не сразу. Онъ опять поглядѣлъ на небо и въ стороны, подумалъ, поморгалъ глазами... Повидимому, своимъ словамъ придавалъ онъ не малое значеніе и, чтобы усугубить имъ цѣну, старался произносить ихъ въ растяжку, съ нѣкоторою торжественностью. Выраженіе лица его было старчески острое, степенное и оттого, что носъ былъ перехваченъ поперекъ сѣдлообразной выемкой и ноздри глядѣли кверху, казалось хитрымъ и насмѣшливымъ.

— Нѣтъ, кажись, не видалъ,—отвѣтилъ онъ.—Нашъ охотникъ Еремка сказывалъ, будто на Ильинъ день со-

гналъ около Пустошья одинъ выводокъ, да должно, брешеть. Мало птицы.

— Да, братъ, мало... Вездѣ мало! Охота, ежели здраво-мысленно разсудить, ничтожная и нестоющая. Дичи совсѣмъ нѣтъ, а которая есть, такъ объ ту сейчасъ нечего и рукъ марать — не выросла еще! Такая еще мелочь, что глядѣть совѣстно.

Мелитонъ усмѣхнулся и махнулъ рукой.

— Такое дѣлается на этомъ свѣтѣ, что просто смѣхъ, да и только! Птица нынче стала несообразная, поздно на яйца садится, и есть такія, которыя еще на Петровъ день съ яицъ не вставали. Ей-Богу!

— Все къ одному клонится, — сказалъ пастухъ, поднимая вверхъ лицо. — Лѣтошній годъ мало дичи было, въ этомъ году еще меньше, а лѣтъ черезъ пять, почитай, ея вовсе не будетъ. Я такъ примѣчаю, что скоро не то что дичи, а никакой птицы не останется.

— Да, — согласился Мелитонъ, подумавъ. — Это вѣрно.

Пастухъ горько усмѣхнулся и покачалъ головой.

— Удивленіе! — сказалъ онъ. — И куда оно все дѣвалось? Лѣтъ двадцать назадъ, помню, тутъ и гуси были, и журавли, и утки, и тетерева — туча-тучей! Бывало, съѣдутся господа на охоту, такъ только и слышишь: пу-пу-пу! пу-пу-пу! Дупелямъ, бекасамъ да кроншипилямъ переводу не было, а мелкіе чирята да кушкі все равно, какъ скворцы или, скажемъ, воробцы — видимо-невидимо! И куда оно все дѣвалось! Даже злой птицы не видать. Пошли прахомъ и орлы, и соколы, и филины... Меньше стало и всякаго звѣрья. Нынче, братъ, волкъ и лисица въ диковинку, а не то, что медвѣдь или норка. А вѣдь прежде даже лоси были! лѣтъ сорокъ я примѣчаю изъ года въ годъ Божья дѣла и такъ понимаю, что все къ одному клонится.

— Къ чему?

— Къ худу, паря. Надо думать, къ гибели... Пришла пора Божьему міру погибать.

Старикъ надѣлъ картузь и сталъ глядѣть на небо.

— Жалко! — вздохнулъ онъ послѣ нѣкотораго молчанія. — И, Боже, какъ жалко! Оно, конечно, Божья воля, не нами міръ сотворенъ, а все-таки, братушка, жалко. Ежели одно дерево высохнетъ, или, скажемъ, одна корова падеть, и то жалость беретъ, а каково, добрый человѣкъ, глядѣть, коли

весь міръ идетъ прахомъ? Сколько добра, Господи Иисусе! И солнце, и небо, и лѣса, и рѣки, и твари—все вѣдь это сотворено, приспособлено, другъ къ другу прилажено. Всякое до дѣла доведено и свое мѣсто знаетъ. И всему этому пропадать надо!

На лицѣ пастуха вспыхнула грустная улыбка и вѣки его заморгали.

— Ты говоришь—міру погибель... — сказалъ Мелитонъ, думая. — Можетъ, и скоро конецъ свѣта, а только нельзя по птицѣ судя. Это наврядъ, чтобы птица могла обозначать.

— Не одни птицы,—сказалъ пастухъ. — И звѣри тоже, и скотина, и пчелы, и рыба... Мнѣ не вѣришь, спроси стариковъ; каждый тебѣ скажетъ, что рыба теперь совсѣмъ не та, что была. И въ моряхъ, и въ озерахъ, и въ рѣкахъ рыбы изъ года въ годъ все меньше и меньше. Въ нашей Песчанкѣ, помню, щука въ аршинъ ловилась, и налимы водились, и язь, и лещъ, и у каждой рыбины видимость была, а нынче ежели и поймалъ щуренка или окунька въ четверть, то благодари Бога. Даже ерша настоящего нѣтъ. Съ каждымъ годомъ все хуже и хуже, а погоди немного, такъ и совсѣмъ рыбы не будетъ. А взять таперя вѣки... Рѣки-то, небось, сохнутъ!

— Это вѣрно, что сохнутъ.

— То-то вотъ и есть. Съ каждымъ годомъ все мельче и мельче, и ужъ, братушка, нѣтъ тѣхъ омутовъ, что были. Эвона, видишь кусты? — спросилъ старикъ, указывая въ сторону. — За ними старое русло, заводной называется: при отцѣ моемъ тамъ Песчанка текла, а таперя поглядь, куда ее нечистые занесли! Мѣняетъ русло и, гляди, домѣняется до той поры, покада совсѣмъ высохнетъ. За Кургасовымъ болота и пруды были, а нынче гдѣ они? А куда ручьи дѣвались? У насъ вотъ въ этомъ самомъ лѣсу ручей текъ, и такой ручей, что мужики въ немъ верши ставили и шукъ ловили, дикая утка около него зимовала, а нынче въ немъ и въ половодье не бываетъ путевой воды. Да, братъ, куда ни взглянь, вездѣ худо. Вездѣ!

Наступило молчаніе. Мелитонъ задумался и уставилъ глаза въ одну точку. Ему хотѣлось вспомнить хоть одно мѣсто въ природѣ, котораго еще не коснулась вссохватывающая гибель. По туману и косымъ дождевымъ полосамъ, какъ по матовымъ стекламъ, заскользили свѣтлыя пятна,

но тотчас же угасли.—это восходившее солнце старалось пробиться сквозь облака и взглянуть на землю.

— Да и лѣса тоже...—пробормоталъ Мелитонъ.

— И лѣса тоже...—повторилъ пастухъ.—И рубятъ ихъ, и горять они, и сохнутъ, а новое не растетъ. Что и вырастетъ, то сейчасъ его рубятъ; сегодня взшло, а завтра, гляди, и срубили люди—такъ безъ конца краю, покуда ничего не останется. Я, добрый человекъ, съ самой воли хожу съ общественнымъ стадомъ, до воли тоже былъ у господъ въ пастухахъ, пасъ на этомъ самомъ мѣстѣ и, покуда живу, не помню того лѣтняго дня, чтобы меня тутъ не было. И все время я Божьи дѣла примѣчаю. Приглядѣлся я, братъ, за свой вѣкъ и такъ теперь понимаю, что всякая растенія на убыль пошла. Рожь ли взять, овощъ ли, цвѣтникъ ли какой, все къ одному клонится.

— Зато народъ лучше сталъ,—замѣтилъ приказчикъ.

— Чѣмъ это лучше?

— Умнѣй.

— Умнѣй-то умнѣй, это вѣрно, паря, да что съ того толку? На кой прахъ людямъ умъ передъ погибелью-то? Пропадать и безъ всякаго ума можно. Къ чему охотнику умъ, коли дичи нѣтъ? Я такъ рассуждаю, что Богъ человеку умъ далъ, а силу взялъ. Слабъ народъ сталъ, до чрезвычайности слабъ. Къ примѣру меня взять... Грошъ мнѣ цѣна, во всей деревнѣ я самый послѣдній мужикъ, а все-таки, паря, сила есть. Ты вотъ гляди, мнѣ седьмой десятокъ, а я день-денской пасу, да еще ночное сберегу за другивенный и спать не силю, и не зябну; сынъ мой умнѣй меня, а поставь его замѣсто меня, такъ онъ завтра же прибавки запроситъ, или лѣчиться пойдетъ. Такъ-тось. Я, акромѣ хлѣбушка, ничего не потребляю, потому «хлѣбъ нашъ насущный даждь намъ днесъ», и отецъ мой, акромѣ хлѣба, ничего не ѣлъ, и дѣдъ, а нынѣшнему мужику и чаю давай, и водки, и булки, и чтобы спать ему отъ зари до зари, и лѣчиться, и всякое баловство. А почему? Слабъ сталъ, силы въ немъ нѣтъ вытерѣть. Онъ и радъ бы не спать, да глаза лишнуть—ничего не подѣлаешь.

— Это вѣрно,—согласился Мелитонъ.—Постояющій нынче мужикъ.

— Нечего грѣха таить, плошаемъ пзъ года въ годъ. Ежели теверича въ разсужденіи господъ, то тѣ пуще му-

жика ослабли. Нынѣшній баринъ все превзошелъ, такое знаетъ, чего бы и знать не надо, а что толку? Поглядѣть на него, такъ жалость беретъ... Худенькій, мозглявенькій, словно венгерець какой или французъ, ни важности въ немъ, ни вида — одно только званіе, что баринъ. Нѣтъ у него сердешнаго ни мѣста, ни дѣла, и не разберешь, что ему надо. Али оно съ удочкой сидитъ и рыбку ловить, али оно лежитъ вверхъ пузомъ и книжку читаетъ, али промежъ мужиковъ топчется и разныя слова говорить, а которое голодное, то въ писаря нанимается. Такъ и живетъ пустякомъ, и нѣтъ того въ умѣ, чтобы себя къ настоящему дѣлу приспособить. Прежніе баре наполовину генералы были, а нынѣшніе — силошной мездрюшка!

— Обѣдняли сильно, — сказалъ Мелитонъ.

— Потому и обѣдняли, что Богъ силу отнялъ. Супротивъ Бога-то не пойдешь.

Мелитонъ опять уставился въ одну точку. Подумавъ немного, онъ вздохнулъ, какъ вздыхаютъ степенные, разсудительные люди, покачалъ головой и сказалъ:

— А все отчего? Грѣшимъ много, Бога забыли... и такое, значить, время подошло, чтобы всему конецъ. И то сказать, не вѣкъ же міру вѣковать — пора и честь знать.

Пастухъ вздохнулъ и, какъ бы желая прекратить неприятный разговоръ, отошелъ отъ березы и сталъ считать глазами коровъ.

— Ге-ге-гей! — крикнулъ онъ. — Ге-ге-гей! А чтобы васъ, нѣтъ на васъ переводу! Занесла въ чепыгу нечистая сила! Тю-лю-лю!

Онъ сдѣлалъ сердитое лицо и пошелъ къ кустамъ собирать стадо. Мелитонъ поднялся и тихо побрелъ по опушкѣ. Онъ глядѣлъ себѣ подъ ноги и думалъ; ему все еще хотѣлось вспомнить хоть что-нибудь, чего еще не коснулась бы смерть. По косымъ дождевымъ полосамъ опять поползли свѣтлыя пятна; они прыгнули на верхушки лѣса и угасли въ мокрой листвѣ. Дамка нашла подъ кустомъ ежа и, желая обратить на него вниманіе хозяина, подняла воющій лай.

— Было у васъ затменіе, аль нѣтъ? — крикнулъ изъ-за кустовъ пастухъ.

— Было! — отвѣтилъ Мелитонъ.

— Такъ. Вездѣ народъ жалуется, что было. Значить,

братушка, и въ небѣ непорядокъ-то! Недаромъ оно... Ге-ге-гей! гей!

Согнавъ стадо на опушку, пастухъ прислонился къ березѣ, поглядѣлъ на небо, не слѣша вытасилъ изъ-за пазухи свирѣль и заигралъ. Попржежнему игралъ онъ мапгинально и бралъ не больше пяти-шести нотъ; какъ будто свирѣль попала ему въ руки только первый разъ, звуки вылетали изъ нея нерѣшительно, въ безпорядкѣ, не сливаясь въ мотивъ, но Мелитону, думавшему о погибели міра, слышалось въ игрѣ что-то очень тоскливое и противное, чего бы онъ охотно не слушалъ. Самыя высокія пискливыя ноты, которыя дрожали и обрывались, казалось, неутѣшно плакали, точно свирѣль была больна и испугана, а самыя нижнія ноты почему-то напоминали туманъ, унылыя деревья, сѣрое небо. Такая музыка казалась къ лицу и погодѣ, и старику, и его рѣчамъ.

Мелитону захотѣлось жаловаться. Онъ подошелъ къ старику и, глядя на его грустное, насмѣшливое лицо и на свирѣль, забормоталъ:

— И жить хуже стало, дѣдъ. Совсѣмъ не въ моготу жить. Неурожай, бѣдность... падежи то и дѣло, болѣзни... Одолѣла нужда.

Пухлое лицо приказчика побагровѣло и приняло тоскующее, бабье выраженіе. Онъ пошевелилъ пальцами, какъ бы ища словъ, чтобы передать свое неопредѣленное чувство, и продолжалъ:

— Восемь человѣкъ дѣтей, жена... и мать еще живая, а жалованья всего-на-всего десять рублей въ мѣсяцъ на своихъ харчахъ. Отъ бѣдности жена осатаѣла... самъ я запоемъ. Человѣкъ я разсудительный, степенный, образованіе имѣю. Мнѣ бы дома сидѣть, въ спокойствіи, а я цѣлый день, какъ собака, съ ружьемъ, потому нѣтъ никакой моей возможности: опротивѣлъ домъ!

Чувствуя, что языкъ бормочетъ вовсе не то, что хотѣлось бы высказать, приказчикъ махнулъ рукой и сказалъ съ горечью:

— Коли погибать міру, такъ ужъ скорѣй бы! Нечего канителить и людей попусту мучить...

Старикъ отнялъ отъ губъ свирѣль и, прищуривъ одинъ глазъ, поглядѣлъ въ ея малое отверстіе. Лицо его было

грустное и, какъ слезами, покрыто крупными брызгами. Онъ улыбнулся и сказалъ:

— Жалко, братушка! И, Боже, какъ жалко! Земля, лѣсъ, небо... тварь всякая — все вѣдь это сотворено, приспособлено, во всемъ умственность есть. Пропадаетъ все ни за грошь. А пуще всего людей жалко.

Въ лѣсу, приближаясь къ опушкѣ, зашумѣлъ крупный дождь. Мелитонъ поглядѣлъ въ сторону шума, застегнулся на всѣ пуговицы и сказалъ:

— Пойду на деревню. Прощай, дѣдъ. Тебя какъ звать?

— Лука Бѣдный!

— Ну, прощай, Лука! Спасибо на добромъ словѣ. Дамка, иси!

Простившись съ настухомъ, Мелитонъ пошелъ по опушкѣ, а потомъ внизъ по лугу, который постепенно переходилъ въ болото. Подъ ногами вехлипывала вода, и ржавая осока, все еще зеленая и сочная, склонялась къ землѣ, какъ бы боясь, что ее затопчутъ ногами. За болотомъ на берегу Песчанки, о которой говорилъ дѣдъ, стояли ивы, а за ивами въ туманѣ синѣла господская рига. Чувствовалась близость того несчастнаго, ничѣмъ не предотвратимаго времени, когда поля становятся темны, земля грязна и холодна, когда плакучая ива кажется еще печальнѣе, и по стволу ея ползутъ слезы, и лишь одни журавли уходятъ отъ общей бѣды, да и тѣ, точно боясь оскорбить унылую природу выраженіемъ своего счастья, оглашаютъ поднебесье грустной, тоскливой пѣсней.

Мелитонъ плелся къ рѣкѣ и слушалъ, какъ позади него мало-по-малу замирали звуки свирѣли. Ему все еще хотѣлось жаловаться. Печально поглядывалъ онъ по сторонамъ, и ему становилось невыносимо жаль и небо, и землю, и солнце, и лѣсъ, и свою Дамку, а когда самая высокая нотка свирѣли пронеслась протяжно въ воздухъ и задрожала, какъ голосъ плачущаго человѣка, ему стало чрезвычайно горько и обидно на непорядокъ, который замѣчался въ природѣ.

Высокая нотка задрожала, оборвалась, и свирѣль смолкла.

ПЕРЕКАТИ-ПОЛЕ.

(Путевой набросокъ.)

Я возвращался со всею ночью. Часы на святогорской колокольнѣ, въ видѣ предисловія, проиграли свою тихую, мелодичную музыку и вслѣдъ за этимъ пробили двѣнадцать. Большой монастырскій дворъ, расположенный на берегу Донца, у подножія Святой Горы, и огороженный, какъ стѣною, высокими гостинными корпусами, теперь въ ночное время, когда его освѣщали только тусклые фонари, огоньки въ окнахъ да звѣзды, представлялъ изъ себя живую кашу, полную движенія, звуковъ и оригинальнѣйшаго безпорядка. Весь онъ, отъ края до края, куда только хватало зрѣніе, былъ густо запруженъ всякаго рода телѣгами, кибитками, фургонами, арбами, колымагами. около которыхъ толпились темныя и бѣлыя лошади, рогатыя вола, суетились люди, сновали во всѣ стороны черныя, длиннополые послушники; по возамъ, по головамъ людей и лошадей двигались тѣни и полосы свѣта, бросаемаго изъ оконъ— и все это въ густыхъ сумеркахъ принимало самыя причудливыя, капризные формы: то поднятыя оглобли вытягивались до неба, то на мордѣ лошади показывались огненные глаза, то у послушника вырастали черныя крылья... Слышались говоръ, фырканье и жеванье лошадей, дѣтскій шелькъ, скрипъ. Въ ворота входили новыя толпы и въѣзжали запоздавшія телѣги.

Сосны, которыя громоздились на отвѣсной горѣ одна надъ другой и склонялись къ крышѣ гостинаго корпуса, глядѣли во дворъ, какъ въ глубокую яму, и удивленно прислушивались; въ ихъ темной чашѣ, не умолкая, кричали ку-

кушки и соловьи... Глядя на сумятицу, прислушиваясь къ шуму, казалось, что въ этой живой кашѣ никто никого не понимаетъ, всѣ чего-то ищутъ и не находятъ, и что этой массѣ телѣгъ, кибитокъ и людей едва ли удастся когда-нибудь развѣхаться.

Къ днямъ Іоанна Богослова и Николая Чудотворца въ Святыя Горы стеклоь болѣе десяти тысячъ. Были биткомъ набиты не только гостинные корпуса, но даже пекарня, пивальня, столярная, каретная... Тѣ, которые явились къ ночи, въ ожиданіи, пока имъ укажутъ мѣсто для ночлега, какъ осеннія мухи, жались у стѣвъ, у колодцевъ, или же въ узкихъ коридорчикахъ гостиницы. Послушники, молодые и старые, находились въ непрерывномъ движеніи безъ отдыха и безъ надежды на смѣну. Днемъ и позднюю ночью они одинаково производили впечатлѣніе людей, куда-то спѣшавшихъ и чѣмъ-то встревоженныхъ, лица ихъ, несмотря на крайнее изнеможеніе, одинаково были бодры и привѣтливы, голосъ ласковъ, движенія быстры... Каждому прѣѣхавшему и пришедшему они должны были найти и указать мѣсто для ночлега, дать ему поѣсть и напитокъ; кто былъ глухъ, безтолковъ, или щедръ на вопросы, тому нужно было долго и мучительно объяснять, почему нѣтъ пустыхъ номеровъ, въ какіе часы бываетъ служба, гдѣ продаются просфоры и т. д. Нужно было бѣгать, носить, неумолкаемо говорить, но мало того, нужно еще быть любезнымъ, тактичнымъ, стараться, чтобы маріупольскіе греки, живущіе комфортабельнѣе, чѣмъ хохлы, помѣщались не иначе, какъ съ греками, чтобы какая-нибудь бахмутская или лисичанская мѣщанка, одѣтая «благородно», не попала въ одно помѣщеніе съ мужиками и не обидѣлась. То и дѣло слышались возгласы: — «Батюшка, благословите кваску! Благословите сѣнца!» Или же: — «Батюшка, можно мнѣ послѣ исповѣди воды напитокъ?» И послушникъ долженъ былъ выдавать квасъ, сѣна, или же отвѣчать: — «Обратитесь, матушка, къ духовнику. Мы не имѣемъ власти разрѣшать». Слѣдовалъ новый вопросъ: — «А гдѣ духовникъ?» И нужно было объяснять, гдѣ келія духовника... При такой хлопотливой дѣятельности хватало еще времени ходить въ церковь на службу, служить на дворянской половинѣ и пространно отвѣчать на массу праздныхъ и непраздныхъ вопросовъ, какими любятъ сыпать интеллигентные бого-

мольцы. Приглядываясь къ нимъ въ теченіе сутокъ, трудно было понять, когда сидятъ и когда спятъ эти черныя, движущіяся фигуры.

Когда я, возвращаясь со всеошной, подошелъ къ корпусу, въ которомъ мнѣ было отведено помѣщеніе, на порогѣ стоялъ монахъ-гостиникъ, а возлѣ него толпились на ступеняхъ нѣсколько мужчинъ и женщинъ въ городскомъ платьѣ.

— Господинъ, — остановилъ меня гостиникъ: — будьте добры, позвольте вотъ этому молодому человѣку переночевать въ вашемъ номерѣ! Сдѣлайте милость! Народу много, а мѣстъ нѣтъ — просто бѣда!

И онъ указалъ на невысокую фигуру въ легкомъ пальто и въ соломенной шляпѣ. Я согласился, и мой случайный сожитель отправился за мной. Отпирая у своей двери висячій замочекъ, я всякій разъ, хочешь не хочешь, долженъ былъ смотрѣть на картину, висѣвшую у самаго косяка на уровнѣ моего лица. Эта картина, съ заглавіемъ «Размысленіе о смерти», изображала колѣнопреклоненнаго монаха, который глядѣлъ въ гробъ и на лежащій въ немъ скелетъ, за спиной монаха стоялъ другой скелетъ покрупнѣе и съ косою.

— Кости такія не бываютъ, — сказалъ мой сожитель, указывая на то мѣсто скелета, гдѣ долженъ быть тазъ. — Вообще, знаете ли, духовная нища, которую подаютъ народу, не перваго сорта, — добавилъ онъ и испустилъ носомъ протяжный, очень печальный вздохъ, который долженъ былъ показать мнѣ, что я имѣю дѣло съ человѣкомъ, знающимъ толкъ въ духовной нищѣ.

Пока я искалъ спички и зажигалъ свѣчу, онъ еще разъ вздохнулъ и сказалъ:

— Въ Харьковѣ я нѣсколько разъ бывалъ въ анатомическомъ театрѣ и видѣлъ кости. Былъ даже въ мертвецкой. Я не стѣсняю васъ?

Мой номеръ былъ малъ и тѣснъ, безъ стола и стульевъ, весь занятый комодомъ у окна, печью и двумя деревянными диванчиками, стоявшими у стѣнъ другъ противъ друга и отдѣленными узкимъ проходомъ. На диванчикахъ лежали тощіе, порыжѣвшіе матрасики и мои вещи. Дивановъ было два, — значитъ, номеръ предназначался для двоихъ, на что я и указалъ сожителю.

— Впрочемъ, скоро зазвонятъ къ обѣднѣ, — сказалъ онъ:— и мнѣ недолго придется стѣснять васъ.

Все еще думая, что онъ меня стѣсняетъ, и чувствуя неловкость, онъ виноватою походкою пробрался къ своему диванчику, виновато вздохнулъ и сѣлъ. Когда сальная свѣчка, кивая своимъ лѣнивымъ и тусклымъ огнемъ, достаточно разгорѣлась и освѣтила насъ обоихъ, я могъ уже разглядѣть его. Это былъ молодой человѣкъ лѣтъ двадцатидвухъ, круглолицый, миловидный, съ темными дѣтскими глазами, одѣтый по-городски во все сѣренькое и дешевое и, какъ можно было судить по цвѣту лица и по узкимъ плечамъ, не знавшій физическаго труда. Типа онъ казался самаго неопредѣленнаго. Его нельзя было принять ни за студента, ни за торговаго человѣка, ни тѣмъ паче за рабочаго, а глядя на миловидное лицо и дѣтскіе, ласковые глаза, не хотѣлось думать, что это одинъ изъ тѣхъ праздношатаевъ-пройдохъ, которыми во всѣхъ общежительныхъ пустыняхъ, гдѣ кормятъ и даютъ ночлегъ, хоть прудъ пруди, и которые выдаютъ себя за семинаристовъ, исключенныхъ за правду, или за бывшихъ пѣвчихъ, потерявшихъ голосъ... Было въ его лицѣ что-то характерное, типичное, очень знакомое, но что именно, — я никакъ не могъ понять, ни вспомнить.

Онъ долго молчалъ и о чемъ-то думалъ. Вѣроятно, послѣ того, какъ я не оцѣнилъ его замѣчанія насчетъ костей и мертвецкой, ему казалось, что я сердитъ и не радъ его присутствію. Вытащивъ изъ кармана колбасу, онъ повертѣлъ ее передъ глазами и сказалъ нерѣшительно:

— Извините, я васъ побезпокою... У васъ нѣтъ ножика? Я далъ ему ножъ.

— Колбаса отвратительная, — поморщился онъ, отрѣзывая себѣ кусочекъ. — Въ здѣшней лавочкѣ продаютъ дрянь, но деруть ужасно... Я бы вамъ одолжилъ кусочекъ, но вы едва ли согласитесь кушать. Хотите?

Въ его «одолжилъ» и «кушать» слышалось тоже что-то типичное, имѣвшее очень много общаго съ характернымъ въ лицѣ, но что именно, я все еще не могъ никакъ понять. Чтобы внушить къ себѣ довѣріе и показать, что я вовсе не сержусь, я взялъ предложенный имъ кусочекъ. Колбаса, дѣйствительно, была ужасная; чтобы сладить съ ней, нужно было имѣть зубы хорошей цѣпной собаки. Ра-

ботая челюстями, мы разговорились. Начали съ того, что пожаловались другъ другу на продолжительность службы.

— Здѣшній уставъ приближается къ аеонскому, — сказала я: — но на Аеонѣ обыкновенная всенощная продолжается 10 часовъ, а подь большіе праздники — 14. Вотъ тамъ бы вамъ помолиться!

— Да! — сказалъ мой сожитель и покрутилъ головой. — Я здѣсь три недѣли живу. И знаете ли, каждый день служба, каждый день служба... Въ будни въ 12 часовъ звонять къ заутренѣ, въ 5 часовъ къ ранней обѣднѣ, въ 9 — къ поздней. Спать совсѣмъ невозможно. Днем же акаѣисты, правила, вечерни... А когда я говѣлъ, такъ просто падалъ отъ утомленія. — Онъ вздохнулъ и продолжалъ: — А не ходить въ церковь неловко... Даютъ монахи номеръ, кормятъ, и какъ-то, знаете ли, совѣстно не ходить. Оно ничего, день, два, пожалуй, можно постоять, но три недѣли тяжело! Очень тяжело! Вы надолго сюда?

— Завтра вечеромъ уѣзжаю.

— А я еще двѣ недѣли проживу.

— Но здѣсь, кажется, не принято такъ долго жить? — сказалъ я.

— Да, это вѣрно, кто здѣсь долго живетъ и обѣдаетъ монаховъ, того просятъ уѣхать. Судите сами, если позволить пролетаріямъ жить здѣсь сколько имъ угодно, то не останется ни одного свободнаго номера, и они весь монастырь съѣдятъ. Это вѣрно. Но для меня монахи дѣлаютъ исключеніе и, надѣюсь, еще не скоро меня отсюда прогонятъ. Я, знаете ли, новообращенный.

— То-есть?

— Я еврей, выкрестъ... Недавно принялъ православіе.

Теперь я уже понялъ то, чего раньше никакъ не могъ понять на его лицѣ: и толстыя губы, и манеру во время разговора приподнимать правый уголъ рта и правую бровь, и тотъ особенный маслянистый блескъ глазъ, который присутъ однимъ только семитамъ, понялъ я и «одолжилъ», и «кушать»... Изъ дальнѣйшаго разговора я узналъ, что его зовутъ Александромъ Ивановичемъ, а раньше звали Исаакомъ, что онъ уроженецъ Могилевской губерніи и въ Святыя Горы попалъ изъ Новочеркасска, гдѣ принималъ православіе.

Одолѣвъ колбасу, Александръ Ивановичъ всталъ и, при-

поднявъ правую бровь, помолился на образъ. Бровь такъ и осталась приподнятой, когда онъ затѣмъ опять сѣлъ на диванчикъ и сталъ рассказывать мнѣ вкратцѣ свою длинную біографію.

— Съ самаго ранняго дѣтства я питалъ любовь къ ученію,—началъ онъ такимъ тономъ, какъ будто говорилъ не о себѣ, а о какомъ-то умершемъ великомъ человѣкѣ.—Мои родители—бѣдные евреи, занимаются грошевой торговлей, живутъ, знаете ли, по-нищенски, грязно. Вообще, весь народъ тамъ бѣдный и суевѣрный, ученія не любятъ, потому что образованіе, понятно, отдаляетъ человѣка отъ религіи... Фанатики страшные... Мои родители ни за что не хотѣли учить меня, а хотѣли, чтобы я тоже занялся торговлей и не зналъ ничего, кромѣ талмуда... Но всю жизнь биться изъ-за куска хлѣба, болтаясь въ грязи, жевать этотъ талмудъ, согласитесь, не всякій можетъ. Бывало, въ корчму къ папашѣ заѣзжали офицеры и помѣшники, которые рассказывали много такого, чего я тогда и во снѣ не видалъ, ну, конечно, было соблазнительно и разбирала зависть. Я плакалъ и просилъ, чтобы меня отдали въ школу, а меня выучили читать по-еврейски и больше ничего. Разъ я нашелъ русскую газету, принесъ ее домой, чтобы изъ нея сдѣлать змѣй, такъ меня побили за это, хотя я и не умѣлъ читать по-русски. Конечно, безъ фанатизма нельзя, потому что каждый народъ инстинктивно бережетъ свою народность, но я тогда этого не зналъ и очень возмущался...

Сказавъ такую умную фразу, бывший Исаакъ отъ удовольствія поднялъ правую бровь еще выше и поглядѣлъ на меня какъ-то бокомъ, какъ иѣтухъ на зерно, и съ такимъ видомъ, точно хотѣлъ сказать: «Теперь, наконецъ, вы убѣдились, что я умный человѣкъ?» Поговоривъ еще о фанатизмѣ и о своемъ непреодолимомъ стремленіи къ просвѣщенію, онъ продолжалъ:

— Что было дѣлать! Я взялъ и бѣжалъ въ Смоленскъ. А тамъ у меня былъ двоюродный братъ, который лудилъ посуду и дѣлалъ жестянки. Понятно, я нанялся къ нему въ подмастерья, такъ какъ жить мнѣ было нечѣмъ, ходилъ я босикомъ и оборванный... Думалъ такъ, что днемъ буду работать, а ночью и по субботамъ учиться. Я такъ и дѣлалъ, но узнала полиція, что я безъ паспорта, и отправила меня по этапу назадъ къ отцу...

Александръ Иванычъ пожалъ однимъ плечомъ и вздохнулъ.

— Что будешь дѣлать! — продолжалъ онъ, и чѣмъ ярче воскресало въ немъ прошлое, тѣмъ сильнѣе чувствовался въ его рѣчи еврейскій акцентъ. — Родители наказали меня и отдали дѣдушкѣ, старому еврею-фанатику, на исправленіе. Но я ночью ушелъ въ Шкловъ. А когда въ Шкловѣ ловилъ меня мой дядя, я пошелъ въ Могилевъ; тамъ пробылъ два дня и съ товарищемъ пошелъ въ Стародубъ.

Далѣе рассказчикъ перебралъ въ своихъ воспоминаніяхъ Гомель, Кіевъ, Бѣлую Церковь, Умань, Балту, Бендеры и, наконецъ, добрался до Одессы.

— Въ Одессѣ я цѣлую недѣлю ходилъ безъ дѣла и голодный, пока меня не приняли евреи, которые ходятъ по городу и покупаютъ старое платье. Я ужъ умѣлъ тогда читать и писать, зналъ ариѣметику до дробей и хотѣлъ поступить куда-нибудь учиться, но не было средствъ. Что дѣлать! Полгода ходилъ я по Одессѣ и покупалъ старое платье, но евреи, мошенники, не дали мнѣ жалованья, я обидѣлся и ушелъ. Потомъ на пароходѣ я уѣхалъ въ Черкопъ.

— Зачѣмъ?

— Такъ. Одинъ грекъ обѣщалъ мнѣ дать тамъ мѣсто. Однимъ словомъ, до 16-ти лѣтъ ходилъ я такъ, безъ опредѣленнаго дѣла и безъ почвы, пока не попалъ въ Полтаву. Тутъ одинъ студентъ-еврей узналъ, что я желаю учиться, и далъ мнѣ письмо къ харьковскимъ студентамъ. Конечно, я пошелъ въ Харьковъ. Студенты посоветовались и начали готовить меня въ техническое училище. И знаете, я вамъ скажу, студенты мнѣ попались такіе, что я не забуду ихъ до самой смерти. Не говорю ужъ про то, что они дали мнѣ квартиру и кусокъ хлѣба, они поставили меня на настоящую дорогу, заставили меня мыслить, указали цѣль жизни. Между ними были умные, замѣчательные люди, которые ужъ и теперь извѣстны. Напримѣръ, вы слышали про Грумахера?

— Нѣтъ, не слыхаль.

— Не слыхали... Писалъ очень умныя статьи въ харьковскихъ газетахъ и готовился въ профессора. Ну, я много читалъ, участвовалъ въ студенческихъ кружкахъ, гдѣ не услышишь пошлостей. Приготовлялся я полгода, но такъ

какъ для техническаго училища нужно знать весь гимназическій курсъ математики, то Грумахеръ посоветовалъ мнѣ готовиться въ ветеринарный институтъ, куда принимаютъ изъ шестого класса гимназін. Конечно, я сталъ готовиться. Я не желалъ быть ветеринаромъ, но мнѣ говорили, что кончившихъ курсъ въ институтѣ принимаютъ безъ экзамена на третій курсъ медицинскаго факультета. Я выучилъ всего Кюнера, ужъ читалъ аливруверъ Корнелія Непота и по греческому языку прошелъ почти всего Курціуса, но, знаете ли, то да се... студенты разѣхались, неопредѣленность положенія, а тутъ еще я услышалъ, что пріѣхала моя мамаша и ищетъ меня по всему Харькову. Тогда я взялъ и уѣхалъ. Что будешь дѣлать! Но къ счастью, я узналъ, что здѣсь на донецкой дорогѣ есть горное училище. Отчего не поступить? Вѣдь вы знаете, горное училище даетъ права штегера — должность великолѣпная, а я знаю шахты, гдѣ интегера получаютъ полторы тысячи въ годъ. Отлично... Я поступилъ.

Александръ Ивановичъ съ выраженіемъ благоговѣйнаго страха на лицѣ перечислилъ дюжины двѣ замысловатыхъ наукъ, преподаваемыхъ въ горномъ училищѣ, и описалъ самое училище, устройство шахтъ, положеніе рабочихъ... Затѣмъ онъ разсказалъ странную исторію, похожую на вымыселъ, но которой я не могъ не повѣрить, потому что ужъ слишкомъ искрененъ былъ тонъ разсказчика и слишкомъ откровенно выраженіе ужаса на его семитическомъ лицѣ.

— А во время практическихъ занятій, какой однажды былъ со мной случай! — разсказывалъ онъ, поднявъ обѣ брови. — Былъ я на однѣхъ шахтахъ тутъ, въ Донецкомъ округѣ. А вы вѣдь видѣли, какъ люди спускаются въ самый рудникъ. Помните, когда гонятъ лошадь и приводятъ въ движеніе воротъ, то по блоку одна бадья спускается въ рудникъ, а другая поднимается, когда же начнутъ поднимать первую, тогда опускается вторая — все равно, какъ въ колодець съ двумя ушатами. Ну, свѣлъ я однажды въ бадью, начинаю спускаться внизъ, и можете себѣ представить, вдругъ слышу — тррр! Цѣль разорвалась и я полетѣлъ къ чорту вмѣстѣ съ бадьей и обрывкомъ цѣли... Упалъ съ трехсаженной вышины прямо грудью и животомъ, а бадья, какъ болѣе тяжелая вещь, упала раньше меня и я ударился вотъ этимъ плечомъ объ ся ребро. Лежу, знаете,

огорошенный, думаю, что убился на смерть, и вдруг вижу—новая бѣда: другая бадья, что поднималась вверх, потеряла противовѣсъ и съ грохотомъ опускается внизъ прямо на меня... Что будете дѣлать? Видя такой фактъ, я прижался къ стѣнѣ, съежился, жду что вотъ вотъ сейчасъ эта бадья со всего размаха трахнетъ меня по головѣ, вспоминаю папашу и мамашу, и Могилевъ, и Грумахера... молюсь Богу, но къ счастью... Даже вспомнить страшно.

Александръ Иванычъ насильно улыбнулся и вытеръ ладонью лобъ.

— Но къ счастью, она упала возлѣ и только слегка зацѣпила этотъ бокъ... Содрала, знаете, съ этого бока сюртукъ, сорочку и кожу... Сила страшная. Потому я былъ безъ чувствъ. Меня вытащили и отравили въ больницу. Лѣчился я четыре мѣсяца, и доктора сказали, что у меня будетъ чахотка. Я теперь всегда кашляю, грудь болитъ и страшное психологическое разстройство... Когда я остаюсь одинъ въ комнатѣ, мнѣ бываетъ очень страшно. Конечно, при такомъ здоровьѣ уже нельзя быть штегеромъ. Пришлось бросить горное училище...

— А теперь чѣмъ вы занимаетесь?—спросилъ я.

— Я держалъ экзаменъ на сельскаго учителя. Теперь вѣдь я православный и имѣю право быть учителемъ. Въ Новочеркасскѣ, гдѣ я крестился, во мнѣ приняли большое участіе и общали мѣсто въ церковно-приходской школѣ. Черезъ двѣ недѣли поѣду туда и опять буду просить.

Александръ Иванычъ снялъ пальто и остался въ одной сорочкѣ съ вышитымъ русскимъ воротомъ и съ шерстянымъ поясомъ.

— Спать пора, — сказалъ онъ, кладя въ изголовье свое пальто и зѣвая.—Я, знаете ли, до послѣдняго времени совѣтъ не зналъ Бога. Я былъ атеистъ. Когда лежалъ въ больницѣ, я вспомнилъ о религіи и началъ думать на эту тему. По моему мнѣнію, для мыслящаго человѣка возможна только одна религія, а именно христіанская. Если не вѣришь въ Христа, то ужъ больше не во что вѣрить... Не правда ли? Иуданзмъ откинулъ свой вѣкъ и держится еще только благодаря особенностямъ еврейскаго племени. Когда цивилизація коснется евреевъ, то изъ іуданзма не останется и слѣда. Вы замѣтите, все молодые евреи уже ате-

исты. Новый Заветъ есть естественное продолженіе Ветхаго. Не правда ли?

Я сталъ вывѣдывать у него причины, побудившія его на такой серьезный и смѣлый шагъ, какъ перемѣна религіи, но онъ твердилъ мнѣ только одно, что «Новый Заветъ есть естественное продолженіе Ветхаго» — фразу, очевидно, чужую и заученную, и которая совсѣмъ не разъясняла вопроса. Какъ я ни бился и ни хитрилъ, причины остались для меня темными. Если можно было вѣрить, что онъ, какъ утверждалъ, принялъ православіе по убѣжденію, то въ чемъ состояло и на чемъ зиждилось это убѣжденіе — изъ его словъ понять было невозможно; предположить же, что онъ перемѣнилъ вѣру ради выгоды, было тоже нельзя: дешевая, поношенная одежка, проживание на монастырскихъ хлѣбахъ и неопредѣленное будущее мало походили на выгоды. Оставалось только помириться на мысли, что перемѣнить религію побудилъ моего сожителя тотъ же самый безпокойный духъ, который бросалъ его, какъ щепку, изъ города въ городъ, и который онъ, по общепринятому шаблону, называлъ стремленіемъ къ просвѣщенію.

Передъ тѣмъ какъ ложиться спать, я вышелъ въ коридоръ, чтобы напиться воды. Когда я вернулся, мой сожитель стоялъ среди номера и испуганно глядѣлъ на меня. Лицо его было блѣдно-сѣро и на лбу блестѣлъ потъ.

— У меня ужасно нервы разстроены, — пробормоталъ онъ, болѣзненно улыбаясь: — ужасно! Сильное психологическое разстройство. Впрочемъ, все это пустяки.

И онъ опять сталъ толковать о томъ, что Новый Заветъ есть естественное продолженіе Ветхаго, что іудаизмъ отжилъ свой вѣкъ. Подбирая фразы, онъ какъ будто старался собрать всѣ силы своего убѣжденія и заглушить ими безпокойство души, доказать себѣ, что, перемѣнивъ религію отцовъ, онъ не сдѣлалъ ничего страшнаго и особеннаго, а поступилъ, какъ человѣкъ мыслящій и свободный отъ предрассудковъ, и что поэтому онъ смѣло можетъ оставаться въ комнатѣ одинъ-на-одинъ со своею совѣстью. Онъ убѣждалъ себя и глазами просилъ у меня помощи...

Между тѣмъ на сальной свѣчкѣ нагорѣлъ большой, неуклюжій фитиль. Уже свѣтало. Въ хмурое, посинѣвшее окошко видны были уже ясно оба берега Донца и дубовая роща за рѣкой. Нужно было спать.

— Завтра здѣсь будетъ очень интересно,—сказалъ мой сожитель, когда я потушилъ свѣчку и легъ. — Послѣ ранней обѣдни крестный ходъ поѣдетъ на лодкахъ изъ монастыря въ скитъ.

Поднявъ правую бровь и склонивъ голову на бокъ, онъ помолился образу и, не раздвываясь, легъ на свой диванчикъ.

— Да,—сказалъ онъ, повернувшись на другой бокъ.

— Что—да?—спросилъ я.

— Когда я въ Новочеркасскѣ принялъ православіе, моя мамаша искала меня въ Ростовѣ. Она чувствовала, что я хочу переменить вѣру. — Онъ вздохнулъ и продолжалъ:— Уже шесть лѣтъ какъ я не былъ тамъ, въ Могилевской губерніи. Сестра, должно-быть, уже замужъ вышла.

Помолчавъ немного и видя, что я еще не уснулъ, онъ сталъ тихо говорить о томъ, что скоро, слава Богу, ему дадутъ мѣсто, и онъ, наконецъ, будетъ имѣть свой уголь, опредѣленное положеніе, опредѣленную пищу на каждый день... Я же, засыпая, думалъ, что этотъ человѣкъ никогда не будетъ имѣть ни своего угла, ни опредѣленнаго положенія, ни опредѣленной пищи. Объ учительскомъ мѣстѣ онъ мечталъ вслухъ, какъ объ обѣтованной землѣ; подобно большинству людей, онъ питалъ предубѣжденіе къ скитальчеству и считалъ его чѣмъ-то необыкновеннымъ, чуждымъ и случайнымъ, какъ болѣзнь, и искалъ спасенія въ обыкновенной будничной жизни. Въ тонѣ его голоса слышались сознание своей ненормальности и сожалѣніе. Онъ какъ будто оправдывался и извинялся.

Не далѣе какъ на аршинъ отъ меня лежалъ скиталецъ; за стѣнами въ номерахъ и во дворѣ, около телѣтъ, среди богомольцевъ не одна сотня такихъ же скитальцевъ ожидала утра, а еще дальше, если сумѣть представить себѣ всю русскую землю, какое множество такихъ же перекачиполе, ища гдѣ лучше, шагало теперь по большимъ и проселочнымъ дорогамъ или, въ ожиданіи разсвѣта, дремало въ постоялыхъ дворахъ, корчмахъ, гостиницахъ, на травѣ подъ небомъ... Засыпая, я воображалъ себѣ, какъ бы удивились и, быть-можетъ, даже обрадовались всѣ эти люди, если бы нашлись разумъ и языкъ, которые сумѣли бы доказать имъ, что ихъ жизнь такъ же мало нуждается въ оправданіи, какъ и всякая другая.

Во снѣ я слышалъ, какъ за дверями жалобно, точно за-

ливаясь горячими слезами, прозвонилъ колокольчикъ, и послушникъ прокричалъ нѣсколько разъ:

— Господи Иисусе Христе Сыне Божій, помилуй насъ! Пожалуйте къ обѣднѣ!

Когда я проснулся, моего сожителя уже не было въ номерѣ. Было солнечно и за окномъ шумѣлъ народъ. Выйдя, я узналъ, что обѣдня уже кончилась и крестный ходъ давно уже отправился въ скитъ. Народъ толпами бродилъ по берегу и, чувствуя себя празднымъ, не зналъ, чѣмъ занять себя; ѣсть и пить было нельзя, такъ какъ въ скиту еще не кончилась поздняя обѣдня; монастырскія лавки, гдѣ богомольцы такъ любятъ толкаться и прицѣпываться, были еще заперты. Многие, несмотря на утомленіе, от скуки брели въ скитъ. Тропинка отъ монастыря до скита, куда я отправился, змѣей вилась по высокому крутому берегу то вверхъ, то внизъ, огибая дубы и сосны. Внизу блестялъ Донецъ и отражалъ въ себѣ солнце, сверху бѣлѣлъ мѣловой скалистый берегъ и ярко зеленѣла на немъ молодая зелень дубовъ и сосенъ, которые, нависая другъ надъ другомъ, какъ-то ухищряются расти почти на отвѣсной скалѣ и не падать. По тропинкѣ гуськомъ тянулись богомольцы. Всего больше было хохловъ изъ сосѣднихъ уѣздовъ, но было много и дальнихъ, пришедшихъ нѣшкомъ изъ Курской и Орловской губерній; въ пестрой вереницѣ попадались и мариупольскіе греки-хуторяне, сильные, степенные и ласковые люди, далеко непохожіе на тѣхъ своихъ хилыхъ и вырождающихся единоплеменниковъ, которые наполняютъ наши южные приморскіе города; были тутъ и донцы съ красными лампасами, и тавричане, выселенцы изъ Таврической губерніи. Было здѣсь много богомольцевъ и неопредѣленнаго типа, въ родѣ моего Александра Иваныча: что они за люди и откуда, нельзя было понять ни по лицамъ, ни по одеждѣ, ни по рѣчамъ.

Тропинка оканчивалась у маленькаго плота, отъ котораго, прорѣзывая гору, шло влѣво къ скиту неширокое шоссе. У плота стояли двѣ большія, тяжелыя лодки, угрюмаго вида, въ родѣ тѣхъ новозеландскихъ пироговъ, которыя можно видѣть въ книгахъ Жюль Верна. Одна лодка, съ коврами на скамьяхъ, предназначалась для духовенства и пѣвчихъ, другая безъ ковровъ—для публики. Когда крестный ходъ шлеть обратно въ монастырь, я находился въ

числѣ избранныхъ, сумѣвшихъ протискаться во вторую. Избранныхъ набралось такъ много, что лодка еле двигалась, и всю дорогу приходилось стоять, не шевелиться и спасать свою шляпу отъ ломки. Путь казался прекраснымъ. Оба берега — одинъ высокій, крутой, бѣлый съ нависшими соснами и дубами, съ народомъ, сгѣшившимъ обратно по тропинкѣ, и другой — отлогій, съ зелеными лугами и дубовой рощей, — залитые свѣтомъ, имѣли такой счастливый и восторженный видъ, какъ будто только имъ однимъ было обязано майское утро своею прелестью. Отраженіе солнца въ быстро текущемъ Донѣ дрожало, расплзлось во всѣ стороны, и его длинные лучи играли на ризахъ духовенства, на хоругвяхъ, въ брызгахъ, бросаемыхъ веслами. Пѣніе пасхальнаго канона, колокольный звонъ, удары весель по водѣ, крикъ птицъ — все это мѣшалось въ воздухъ въ нѣчто гармоническое и нѣжное. Лодка съ духовенствомъ и хоругвями плыла впереди. На ея кормѣ неподвижно, какъ статуя, стоялъ черный послушникъ.

Когда крестный ходъ приближался къ монастырю, я замѣтилъ среди избранныхъ Александра Иваныча. Онъ стоялъ впереди всѣхъ и, раскрывъ ротъ отъ удовольствія, поднявъ вверхъ правую бровь, глядѣлъ на процессію. Лицо его сіяло; вѣроятно, въ эти минуты, когда кругомъ было столько народу и такъ свѣтло, онъ былъ доволенъ и собою, и новой вѣрой, и своею совѣстью.

Когда, немного погодя, мы сидѣли въ номерѣ и пили чай, онъ все еще сіялъ довольствомъ; лицо его говорило, что онъ доволенъ и чаемъ, и мной, вполне цѣнить мою интеллигентность, но что и самъ не ударить лицомъ въ грязь, если рѣчь зайдетъ о чемъ-нибудь этакомъ...

— Скажите, какую бы мнѣ почитать психологію? — началъ онъ умный разговоръ, сильно морща носъ.

— А для чего вамъ?

— Безъ знанія психологін нельзя быть учителемъ. Прежде чѣмъ учить мальчика, я долженъ узнать его душу.

Я сказалъ ему, что одной психологін мало для того, чтобы узнать душу мальчика, и къ тому же психологія для такого педагога, который еще не усвоилъ себѣ техническихъ приемовъ обученія грамотѣ и ариѳметикѣ, является такою же роскошью, какъ высшая математика. Онъ охотно согласился со мной и сталъ описывать, какъ тяжела и

отвѣтственна должность учителя, какъ трудно искоренить въ мальчикѣ склонность къ злу и суевѣрію, заставить его мыслить самостоятельно и честно, внушить ему истинную религію, идею личности, свободы и проч. Въ отвѣтъ на это я сказалъ ему что-то. Онъ опять согласился. Вообще онъ очень охотно соглашался. Очевидно, все «умное» непрочно сидѣло въ его головѣ.

До самаго моего отъѣзда мы вмѣстѣ слонялись около монастыря и коротали длинный, жаркій день. Онъ не отставалъ отъ меня ни на шагъ; привязался ли онъ ко мнѣ, или же боялся одиночества, Богъ его знаетъ! Помню, мы сидѣли вмѣстѣ подъ кустами желтой акаціи въ одномъ изъ садиковъ, разбросанныхъ по горѣ.

— Черезъ двѣ недѣли я уйду отсюда,—сказалъ онъ.— Пора!

— Вы пѣшкомъ?

— Отсюда до Славянска пѣшкомъ, потомъ по желѣзной дорогѣ до Никитовки. Отъ Никитовки начинается вѣтвь донецкой дороги. По этой вѣтви я до Хацепетовки дойду пѣшкомъ, а тамъ дальше провезетъ меня знакомый кондукторъ.

Я вспомнилъ голую, пустынную степь между Никитовкой и Хацепетовкой и вообразилъ себѣ шагающаго по ней Александра Иваныча съ его сомнѣніями, тоской по родинѣ и страхомъ одиночества... Онъ прочелъ на моемъ лицѣ скуку и вздохнулъ.

«А сестра, должно-быть, уже замужъ вышла!»—подумалъ онъ вслухъ и тотчасъ же, желая отвязаться отъ грустныхъ мыслей, указалъ на верхушку скалы и сказалъ:

— Съ этой горы Изюмъ видно.

Во время прогулки по горѣ съ нимъ случилось маленькое несчастье: вѣроятно спотыкнувшись, онъ порвалъ свои сарпировыя брюки и сбилъ съ башмака подошву.

— Тс...—поморщился онъ, снимая башмакъ и показывая босую ногу безъ чулка.—Непріятно... Это, знаете ли, такое осложненіе, которое... Да!

Вертя передъ глазами башмакъ и какъ бы не вѣря, что подошва погибла навѣки, онъ долго морщился, вздыхалъ и причмокивалъ. У меня въ чемоданѣ были полуштилеты старые, но модные, съ острыми носами и тесемками; я бралъ ихъ съ собою на всякій случай и носилъ только въ сырую погоду. Вернувшись въ номеръ, я придумалъ фразу

подипломатичнѣе и предложилъ ему эти полуштитлеты. Онъ принялъ и сказалъ важно:

— Я бы поблагодарилъ васъ, но знаю, что вы благодарность считаете предразсудкомъ.

Острые носы и тесемки полуштитлетовъ растрогали его, какъ ребенка, и даже измѣнили его планы.

— Теперь я пойду въ Новочеркасскъ не черезъ двѣ недѣли, а черезъ недѣлю,—размышлялъ онъ вслухъ.—Въ такихъ банимакахъ не совѣстно будетъ явиться къ крестному папашѣ. Я собственно не уѣзжалъ отсюда потому, что у меня приличной одежды нѣтъ...

Когда ямшикъ выносилъ мой чемоданъ, вошелъ послушникъ съ хорошимъ насмѣшливымъ лицомъ, чтобы подмести въ номерѣ. Александръ Ивановичъ какъ-то заторопился, сконфузился и робко спросилъ у него:

— Мнѣ здѣсь оставаться, или въ другое мѣсто идти?

Онъ не рѣшался занять свою особую цѣлый номеръ и, повидимому, уже стыдился того, что жилъ на монастырскихъ хлѣбахъ. Ему очень не хотѣлось расставаться со мной; чтобы по возможности отдалить одиночество, онъ попросилъ позволенія проводить меня.

Дорога изъ монастыря, прорытая къ мѣловой горѣ и стоившая не малыхъ трудовъ, шла вверхъ, въ объѣздъ горы, почти спирально, по корнямъ, подъ нависшими суровыми соснами... Сначала скрылся съ глазъ Донецъ, за нимъ монастырскій дворъ съ тысячами людей, потомъ зеленая крыша... Оттого, что я поднимался, все казалось мнѣ исчезающимъ въ ямѣ. Соборный крестъ, раскаленный отъ лучей заходящаго солнца, ярко сверкнулъ въ пропасти и исчезъ. Остались одни только сосны, дубы и бѣлая дорога. Но вотъ коляска вѣхала на ровное поле, и все это осталось внизу и позади; Александръ Ивановичъ спрыгнулъ и, грустно улыбувшись, взглянулъ на меня въ послѣдній разъ своими дѣтскими глазами, сталъ спускаться внизъ и исчезъ для меня навсегда...

Святогорскія впечатлѣнiя стали уже воспоминанiями, и я видѣлъ новое: ровное поле, бѣловато-бурую даль, рощицу у дороги, а за нею вѣтряную мельницу, которая стояла не шевелясь и, казалось, скучала оттого, что по случаю праздника ей не позволяютъ махать крыльями.

ЗАДАЧА.

Чтобы фамильная тайна Усковыхъ не проскользнула какъ-нибудь изъ дома на улицу, приняты строжайшія мѣры. Одна половина прислуги отпущена въ театръ и въ циркъ, другая—безвыходно сидитъ въ кухнѣ. Отданъ приказъ никого не принимать. Жена дяди-полковника, ея сестра и гувернантка, хотя и посвящены въ тайну, но дѣлаютъ видъ, что ничего не знаютъ; онѣ сидятъ въ столовой и не показываются ни въ гостиную, ни въ залу.

Саша Усковъ, молодой человекъ, 25-ти лѣтъ, изъ-за котораго весь сыръ-боръ загорѣлся, давно уже пришелъ и, какъ совѣтовалъ ему его заступникъ, дядя по матери, добрыйшій Иванъ Марковичъ, смиренно сидитъ въ залѣ около двери, идущей въ кабинетъ, и готовитъ себя къ откровенному, искреннему объясненію.

За дверью въ кабинетъ происходитъ семейный совѣтъ. Разговоръ идетъ на очень неприятную и щекотливую тему. Дѣло въ томъ, что Саша Усковъ учелъ въ одной изъ банковскихъ конторъ фальшивый вексель, которому три дня тому назадъ минулъ срокъ, и теперь двое дядей по отцу и Иванъ Марковичъ—дядя по матери—рѣшаютъ задачу: заплатить ли имъ по векселю и спасти фамильную честь, или же умыть руки и предоставить дѣло судебной власти?

Для людей постороннихъ и не заинтересованныхъ подобные вопросы представляются легкими, для тѣхъ же, на долю которыхъ выпадаетъ несчастье рѣшать ихъ серьезно, они чрезвычайно трудны. Дяди говорятъ уже давно, но рѣшеніе задачи не подвинулось впередъ ни на шагъ.

— Господа!—говорить дядя-полковникъ, и въ голосѣ его слышатся утомленіе и горечь.—Господа, кто говоритъ, что фамиліная честь предразсудокъ? Я этого вовсе не говорю. Я только предостерегаю васъ отъ ложнаго взгляда, указываю на возможность непростительной ошибки. Какъ вы этого не поймете? Вѣдь я не по-китайски говорю, а по-русски!

— Голубчикъ, мы понимаемъ,—кратко заявляетъ Иванъ Марковичъ.

— Какъ же вы понимаете, если говорите, что я отрицаю фамиліную честь? Повторяю еще разъ: фамиліная честь, ложно по-ни-ма-е-мая, есть предразсудокъ. Ложно понимаемая! Вотъ что я говорю! Изъ какихъ бы то ни было побужденій укрывать и оставлять безнаказаннымъ мошенника, кто бы онъ ни былъ, это противозаконно и недостойно порядочнаго человѣка, это—не спасеніе фамиліной чести, а гражданская трусость! Возьмите вы въ примѣръ армію... Честь арміи для насъ дороже всякихъ другихъ честей, однако же мы не укрываемъ своихъ преступныхъ членовъ, а судимъ ихъ. И что же? Развѣ отъ этого страдаетъ честь арміи? Напротивъ!

Другой дядя по отцу, чиновникъ казенной палаты, человѣкъ молчаливый, недалекій и ревматическій, молчитъ, или же говоритъ только о томъ, что въ случаѣ возникновенія процесса фамилія Усковыхъ попадетъ въ газеты; по его мнѣнію, дѣло слѣдуетъ потушить въ самомъ началѣ и не предавать его огласкѣ, но, кромѣ ссылокъ на газеты, онъ ничѣмъ другимъ не поясняетъ этого своего мнѣнія.

Дядя по матери, добрѣйшій Иванъ Марковичъ, говоритъ плавно, мягко и съ дрожью въ голосѣ. Начинаетъ онъ съ того, что молодость имѣетъ свои права и что ей свойственны увлеченія. Кто изъ насъ не былъ молодъ и кто не увлекался? Не говоря ужъ объ обыкновенныхъ смертныхъ, даже великіе умы въ молодости не избѣгали увлеченій и ошибокъ. Возьмите, напримѣръ, біографіи великихъ писателей. Кто изъ нихъ, будучи молодымъ, не проигрывалъ, не прошивалъ, не навлекалъ на себя гнѣва людей здравомыслящихъ? Если же увлеченіе Саши граничитъ съ преступленіемъ, то нужно принять во вниманіе, что онъ, Саша, не получилъ почти никакого образованія: его исключили изъ пятаго класса гимназіи. Родителей лишился онъ въ раннемъ дѣтствѣ и такимъ образомъ въ самомъ нѣж-

номъ возрастѣ былъ лишень надзора и хорошихъ, благотворныхъ вліяній. Человѣкъ онъ нервный, легко возбуждающійся, не имѣющій подѣ собою почвы, а главное—обойденный счастьемъ. Если и виновенъ онъ, то во всякомъ случаѣ заслуживаетъ снисхожденія и участія всѣхъ сострадательныхъ душъ. Наказать его, конечно, слѣдуетъ, но онъ и такъ уже наказанъ своею совѣстью и мученіями, которыя онъ переживаетъ теперь, ожидая приговора своихъ родственниковъ. Сравненіе съ арміей, которое сдѣлалъ полковникъ, прелестно и дѣлаетъ честь его высокому уму; призывъ къ гражданскому чувству говоритъ о благородствѣ его души, но не надо забывать, что гражданинъ въ каждомъ отдѣльномъ индивидуумѣ тѣсно связанъ съ христіанствомъ...

— Нарушимъ ли мы гражданскій долгъ,—вдохновенно восклицаетъ Иванъ Марковичъ:—если вмѣсто того, чтобы казнить преступника-мальчика, мы протянемъ ему руку помощи?

Далѣе Иванъ Марковичъ говоритъ о фамильной чести. Самъ онъ не имѣетъ чести принадлежать къ роду Усковыхъ, но отлично знаетъ, что этотъ знаменитый родъ ведетъ свое начало съ XIII вѣка; онъ также ни на минуту не забываетъ, что его незабвенная, горячо любимая сестра была женою одного изъ представителей этого рода. Однимъ словомъ, этотъ родъ для него дорогъ по многимъ причинамъ, и онъ не допускаетъ мысли, чтобы изъ-за какихъ-нибудь тысячи пятисотъ рублей упала тѣнь на стоящее вѣкъ всякой цѣны геральдическое дерево. Если всѣ изложенные мотивы недостаточно убѣдительны, то въ заключеніе онъ, Иванъ Марковичъ, предлагаетъ слушателямъ уяснить себѣ: что такое собственно преступленіе? Преступленіе есть безнравственное дѣйствіе, имѣющее въ своемъ основаніи злую волю. Но свободна ли человѣческая воля? На этотъ вопросъ наука еще не дала положительнаго отвѣта. Ученые держатся различныхъ взглядовъ. Напримѣръ: новѣйшая школа Ломброзо не признаетъ свободной воли и каждое преступленіе считаетъ продуктомъ чисто анатомическихъ особенностей индивидуума.

— Иванъ Марковичъ!—говоритъ умоляюще полковникъ.— Мы говоримъ серьезно, о важномъ дѣлѣ, а вы—Ломброзо! Умный человѣкъ, подумайте: для чего вы все это говорите?

Неужели вы думаете, что всё эти погремущки и ваша риторика дадутъ намъ отвѣтъ на вопросъ?

Саша Усковъ сидитъ у двери и слушаетъ. Онъ не чувствуетъ ни страха, ни стыда, ни скуки, а одну только усталость и душевную пустоту. Ему кажется, что для него рѣшительно все равно: простятъ его, или не простятъ; пришелъ же онъ сюда ждать приговора и объясняться только потому, что его упросилъ придти добрѣйшій Иванъ Марковичъ. Будущаго онъ не боится. Для него все равно, гдѣ ни быть: здѣсь ли въ залѣ, въ тюрьмѣ ли, въ Сибири ли.

— Сибирь такъ Сибирь—чортъ съ ней!

Жизнь надоѣла и стала невыносимо тяжелой. Онъ невылазно запутался въ долгахъ, въ карманахъ у него ни гроша, родня опротивѣла, съ пріятелями и съ женщинами рано или поздно придется разстаться, такъ какъ они ужъ слишкомъ презрительно стали относиться къ его прихлебательской роли. Будущее пасмурно.

Саша равнодушенъ, и волнуетъ его только одно обстоятельство, а именно: за дверью величаютъ его негодяемъ и преступникомъ. Каждую минуту онъ готовъ вскочить, ворваться въ кабинетъ и въ отвѣтъ на противный, металлическій голосъ полковника крикнуть:

— Вы лжете!

Преступникъ—слово страшное. Такъ называются убійцы, воры, грабители, вообще люди злые и нравственно отпѣтые. А Саша слишкомъ далекъ отъ всего этого... Правда, онъ много долженъ и не платитъ долговъ. Но вѣдь долгъ—не преступленіе, и рѣдкій человѣкъ не долженъ. Полковникъ и Иванъ Марковичъ—оба въ долгахъ...

«Въ чемъ же я еще грѣшенъ?»—думаетъ Саша.

Онъ учелъ фальшивый вексель. Но вѣдь это дѣлаютъ всё знакомые ему молодые люди. Напримѣръ, Хандриковъ и фонъ-Бурстъ всякій разъ, когда у нихъ не бываетъ денегъ, учитываютъ фальшивые векселя родителей или знакомыхъ и потомъ, получивъ деньги изъ дому, выкупаютъ ихъ до срока. Саша сдѣлалъ то же самое, но не выкупилъ векселя, потому что не получилъ денегъ, которыя обѣщали дать ему займы Хандриковъ. Виновать не онъ, а обстоятельства. Правда, пользованіе чужой подписью считается предосудительнымъ; но все-таки это не преступленіе, а общепринятый маневръ, некрасивая формальность, ни для кого

не обидная и безвредная, такъ какъ Саша, поддѣлывая подпись полковника, не имѣлъ въ виду причинить кому-либо зло или убытокъ.

«Нѣтъ, это не значить, что я преступникъ... — думаетъ Саша.—И не такой у меня характеръ, чтобы рѣшиться на преступленіе. Я мягокъ, чувствителенъ... когда бываютъ деньги, помогаю бѣднымъ...»

Саша думаетъ въ этомъ родѣ, а за дверью все еще говорятъ.

— Господа, но вѣдь это безконечно!—горячится полковникъ.—Представьте, что мы простили его и улатили по векселю. Но вѣдь послѣ этого онъ не перестанетъ вести безпутную жизнь, мотать, дѣлать долги, ходить къ нашимъ портнымъ и отъ нашего имени заказывать себѣ платье! Можете ли вы поручиться, что эта продѣлка его послѣдняя? Что касается меня, то я глубоко не вѣрю въ его исправленіе!

Въ отвѣтъ ему что-то бормочетъ чиновникъ казенной палаты, послѣ него плавно и мягко начинаетъ говорить Иванъ Марковичъ. Полковникъ нетерпѣливо двигаетъ стуломъ и заглушаетъ его слова своимъ противнымъ, металлическимъ голосомъ. Наконецъ дверь отворяется, и изъ кабинета выходитъ Иванъ Марковичъ; на его тощемъ, бритомъ лицѣ выступили красныя пятна.

— Пойдемъ!—говоритъ онъ, беря Сашу за руку.—Поди и чистосердечно объяснись. Безъ гордости, голубчикъ, а покорно и отъ души.

Саша идетъ въ кабинетъ. Чиновникъ казенной палаты сидитъ; полковникъ, заложивъ руки въ карманы и держа одно колѣно на стулѣ, стоитъ передъ столомъ. Въ кабинетѣ накурено и душно. Саша не глядитъ ни на чиновника, ни на полковника; ему вдругъ становится совѣстно и жутко. Онъ безпокойно оглядываетъ Ивана Марковича и бормочетъ:

— Я заплачу... Я отдамъ...

— На что ты надѣялся, когда учитывалъ вексель?—слышитъ онъ металлическій голосъ.

— Я... мнѣ обѣщаль къ этому времени дать взаймы Хандриковъ.

Больше ничего не можетъ сказать Саша. Онъ выходитъ изъ кабинета и опять садится на стулъ у двери. Сейчасъ онъ охотно бы ушелъ совсѣмъ, но его душитъ ненависть и ему ужасно хочется остаться, чтобы оборвать полковника, сказать ему какую-нибудь дерзость. Онъ сидитъ и приду-

мываетъ, что бы такое сильное и вѣское сказать ненавистному дядѣ, а въ это время въ дверяхъ гостиной, окутанная сумерками, показывается женская фигура. Это жена полковника. Она манитъ къ себѣ Сашу и, ломая руки, плача, говоритъ:

— Alexandre, я знаю, вы меня не любите, но... выслушайте меня, выслушайте, прошу васъ... Мой другъ, какъ это могло случиться? Вѣдь это ужасно, ужасно! Ради Бога просите ихъ, оправдывайтесь, умоляйте.

Саша глядитъ на ея вздрагивающія плечи, на крупныя слезы, которыя текутъ по ея щекамъ, слышитъ сзади себя глухіе, нервныя голоса утомленныхъ, измученныхъ людей, и пожимаетъ плечами. Онъ никакъ не ожидалъ, чтобы его аристократическая родня подняла бурю изъ-за какихъ-нибудь тысячи пятисотъ рублей! Непонятны ему ни слезы, ни дрожь голосовъ.

Черезъ часъ слышитъ онъ, что полковникъ беретъ верхъ: дяди, наконецъ, склоняются къ тому, чтобы передать дѣло судебной власти.

— Рѣшено!—говоритъ полковникъ, вздыхая.—Баста!

Послѣ такого рѣшенія всѣ дяди, даже настойчивый полковникъ, замѣтно падаютъ духомъ. Наступаетъ тишина.

— Господи, Господи!—вздыхаетъ Иванъ Марковичъ.—Бѣдная моя!

И онъ начинаетъ тихо говорить о томъ, что вѣроятно теперь въ кабинетѣ невидимо присутствуетъ его сестра, Сашина мать. Онъ чувствуетъ душою, какъ эта несчастная, святая женщина плачетъ, тоскуетъ и проситъ за своего мальчика. Ради ея загробнаго покоя слѣдовало бы пощадить Сашу.

Слышатся всхлипыванья, Иванъ Марковичъ плачетъ и бормочетъ что-то, чего нельзя разобрать сквозь дверь. Полковникъ встаетъ и шагаетъ изъ угла въ уголъ. Длинный разговоръ начинается снова.

Но вотъ въ гостиной часы бьютъ два. Семейный совѣтъ конченъ. Полковникъ, чтобы не видѣть челоуѣка, испортившаго ему столько крови, идетъ изъ кабинета не въ залу, а черезъ переднюю... Иванъ Марковичъ входитъ въ залу... Онъ взволнованъ и радостно потираетъ руки. Его заплаканные глаза глядятъ весело и ротъ кривится въ улыбку.

— Отлично!—говоритъ онъ Сашѣ.—Слава Богу! Ты, мой другъ, можешь идти домой и спать покойно. Рѣшили мы

заплатить по векселю, но съ условіемъ, что ты расквдешься и завтра же поѣдешь ко мнѣ въ деревню заниматься дѣломъ.

Черезъ минуту Иванъ Марковичъ и Саша, въ пальто и въ шапкахъ, спускаются внизъ по лѣстницѣ. Дядя бормочетъ что-то назидательное. Саша не слушаетъ и чувствуетъ, какъ постепенно съ его плечъ сваливается что-то тяжелое и жуткое. Его простили, онъ свободенъ! Радость, какъ вѣтеръ, врывается въ его грудь и обдаетъ сладкимъ холодкомъ его сердце. Ему хочется дышать, быстро двигаться, жить! Взглянувъ на уличные фонари и на черное небо, онъ вспоминаетъ, что сегодня у «Медвѣдя» фонъ-Бурстъ справляетъ свои именины, и снова радость охватываетъ его душу...

«Бду!»—рѣшаетъ онъ.

Но тутъ вспоминаетъ онъ, что у него нѣтъ ни копейки, что товарищи, къ которымъ онъ поѣдетъ сейчасъ, презираютъ его за безденежье. Надо достать денегъ во что бы то ни стало!

— Дядя, дай мнѣ займы сто рублей!—говоритъ онъ Ивану Марковичу.

Дядя удивленно глядитъ ему въ лицо и пятится къ фонарному столбу.

— Дай!—говоритъ Саша, нетерпѣливо переминаясь съ ноги на ногу и начиная задыхаться.—Дядя, я прошу! Дай сто рублей!

Лицо его перекосило; онъ дрожитъ и ужъ наступаетъ на дядю...

— Не дамъ?—спрашиваетъ онъ, видя, что тотъ все еще удивленъ и не понимаетъ.—Послушай, если не дамъ, то завтра же я донесу на себя! Я не дамъ вамъ заплатить по векселю! Завтра же я учту новый фальшивый вексель!

Ошеломленный Иванъ Марковичъ въ ужасѣ, бормоча что-то несвязное, достаетъ изъ бумажника сторублевую бумажку и подаетъ ее Сашѣ. Тотъ беретъ и быстро отходитъ отъ него...

Нанявъ извозчика, Саша успокаивается и чувствуетъ, какъ въ его грудь опять врывается радость. Права молодости, о которыхъ говорилъ на семейномъ совѣтѣ добрѣйшій Иванъ Марковичъ, проснулись и заговорили. Саша рисуетъ себѣ предстоящую попойку, и въ его головѣ межъ бутылкой, женщиной и пріятелей мелькаетъ мыслишка:

«Теперь вижу, что я преступень. Да, я преступень».

СТЕПЬ.

(Исторія одной поѣздки.)

I.

Изъ N., уѣзднаго города Z—ой губерніи, раннимъ іюльскимъ утромъ выѣхала и съ громомъ покатила по почтовому тракту безрессорная ошарпанная бричка, одна изъ тѣхъ допотопныхъ бричекъ, на которыхъ ѣздятъ теперь на Руси только купеческіе приказчики, гуртовщики и небогатые священники. Она тарахтѣла и взвизгивала при малѣйшемъ движеніи; ей угрюмо вторило ведро, привязанное къ ея задку,—и по однимъ этимъ звукамъ, да по жалкимъ, кожанымъ тряпочкамъ, болтавшимся на ея облѣзломъ тѣлѣ, можно было судить о ея ветхости и готовности идти въ сломъ.

Въ бричкѣ сидѣло двое N—скихъ обывателей: N—скій купецъ Иванъ Ивановичъ Кузьмичовъ, бритый, въ очкахъ и въ соломенной шляпѣ, больше похожій на чиновника, чѣмъ на купца, и другой—отецъ Христофоръ Сирійскій, настоятель N—ской Николаевской церкви, маленькій, длинноволосый старичокъ, въ сѣромъ парусиновомъ кафтанѣ, въ широкополомъ цилиндрѣ и въ шитомъ, цвѣтномъ поясѣ. Первый о чемъ-то сосредоточенно думалъ и встряхивалъ головою, чтобы прогнать дремоту; на лицѣ его привычная дѣловая сухость боролась съ благодушіемъ челоуѣка, только что простившагося съ родней и хорошо выпившаго; второй же влажными глазками удивленно глядѣлъ на міръ Божій и улыбался такъ широко, что, казалось, улыбка захватывала даже поля цилиндра; лицо его было красно и имѣло озябшій видъ. Оба они, какъ Кузьмичовъ, такъ и о. Христо-

форъ, ѣхали теперь продавать шерсть. Прощаясь съ домо-
щадцами, они только-что сытно закусили пышками со сме-
таной и, несмотря на раннее утро, выпили... Настроение
духа у обоихъ было прекрасное.

Кромѣ только-что описанныхъ двухъ и кучера Дениски,
неутомимо стегавшаго по парѣ шустрыхъ гнѣдыхъ лоша-
докъ, въ бричкѣ находился еще одинъ пассажиръ—маль-
чикъ лѣтъ девяти, съ темнымъ отъ загара и мокрымъ отъ
слезъ лицомъ. Это былъ Егорушка, племянникъ Кузьмичова.
Съ разрѣшенія дяди и съ благословенія о. Христофора, онъ
ѣхаль куда-то поступать въ гимназію. Его мамаша, Ольга
Ивановна, вдова коллежскаго секретаря и родная сестра
Кузьмичова, любившая образованныхъ людей и благородное
общество, умолила своего брата, ѣхавшаго продавать шерсть,
взять съ собою Егорушку и отдать его въ гимназію; и те-
перь мальчикъ, не понимая, куда и зачѣмъ онъ ѣдетъ, си-
дѣлъ на облучкѣ рядомъ съ Дениской, держался за его ло-
котъ, чтобъ не свалиться, и подпрыгиваль, какъ чайникъ
на конфоркѣ. Отъ быстрой ѣзды его красная рубаха пузы-
ремъ вздувалась на спинѣ, и новая, ямщицкая шляпа съ
павлиньимъ перомъ то и дѣло сползала на затылокъ. Онъ
чувствовалъ себя въ высшей степени несчастнымъ человѣ-
комъ и хотѣлъ плакать.

Когда бричка проѣзжала мимо острога, Егорушка взгля-
нулъ на часовыхъ, тихо ходившихъ около высокой, бѣлой
стѣны, на маленькія, рѣшетчатая окна, на крестъ, блестя-
вшій на крышѣ, и вспомнилъ, какъ недѣлю тому назадъ, въ
день Казанской Божіей Матери, онъ ходилъ съ мамашей
въ острожную церковь на престольный праздникъ; а еще
ранѣе, на Пасху, онъ приходилъ въ острогъ съ кухаркой
Людмилой и съ Дениской и приносилъ сюда куличи, яйца,
пирогы и жареную говядину; арестанты благодарили и кре-
стились, а одинъ изъ нихъ подарилъ Егорушкѣ оловянные
запонки собственнаго издѣлія.

Мальчикъ всматривался въ знакомыя мѣста, а ненавист-
ная бричка бѣжала мимо и оставляла все позади. За остро-
гомъ промелькнули черныя, закопченныя кузницы, за ними
уютное, зеленое кладбище, обнесенное оградой изъ булыж-
ника; изъ-за ограды весело выглядывали бѣлые кресты и
памятники, которые прячутся въ зелени вишневыхъ де-
ревьевъ и издали кажутся бѣлыми пятнами. Егорушка вспо-

мнилъ, что когда цвѣтетъ вишня, эти бѣлыя пятна мѣшаются съ вишневыми цвѣтами въ бѣлое море; а когда она спѣетъ, бѣлые памятники и кресты бывають усыпаны багряными, какъ кровь, точками. За оградой подъ вишнями день и ночь спали Егорушкинъ отецъ и бабушка Зинаида Даниловна. Когда бабушка умерла, ее положили въ длинный, узкій гробъ и прикрыли двумя пятаками ея глаза, которые не хотѣли закрываться. До своей смерти она была жива и носила съ базара мягкіе бублики, посыпанные макомъ, теперь же она спитъ, спитъ...

А за кладбищемъ дымились кирпичные заводы. Густой, черный дымъ большими клубами шелъ изъ-подъ длинныхъ камышевыхъ крышъ, приплюснутыхъ къ землѣ, и лѣнливо поднимался вверхъ. Небо надъ заводами и кладбищемъ было смутно, и большія тѣни отъ клубовъ дыма ползли по полю и черезъ дорогу. Въ дыму около крышъ двигались люди и лошади, покрытые красной пылью...

За заводами кончался городъ и начиналось поле. Егорушка въ послѣдній разъ оглянулся на городъ, припалъ лицомъ къ локтю Дениски и горько заплакалъ...

— Ну, не отрѣвѣлся еще, рѣва!—сказалъ Кузьмичовъ.— Опять, баловникъ, слюни распустилъ! Не хочешь ѣхать, такъ оставайся. Никто силой не тянетъ!

— Ничего, ничего, братъ Егоръ, ничего...—забормоталъ скороговоркой о. Христофоръ.—Ничего, братъ... Призывай Бога... Не за худомъ ѣдешь, а за добромъ. Ученье, какъ говорится, свѣтъ, а неученье—тьма... Истинно такъ.

— Хочешь вернуться?—спросилъ Кузьмичовъ.

— Хо... хочу...—отвѣтилъ Егорушка, всхлипывая.

— И вернулся бы. Все равно попусту ѣдешь, за семь верстъ киселя хлебать.

— Ничего, ничего, братъ... — продолжалъ о. Христофоръ. — Бога призывай... Ломоносовъ такъ же вотъ съ рыбаками ѣхалъ, однако изъ него вышелъ человекъ на всю Европу. Умственность, воспринимаемая съ вѣрой, даетъ плоды, Богу угодные. Какъ сказано въ молитвѣ? Создателю во славу, родителямъ же нашимъ на утѣшеніе, церкви и отечеству на пользу... Такъ-то.

— Польза разная бываетъ...—сказалъ Кузьмичовъ, закуривая дешевую сигару.—Иной двадцать лѣтъ обучается, а никакого толку.

— Это бываетъ.

— Кому наука въ пользу, а у кого только умъ путается. Сестра—женщина не понимающая, норовить все по благородному и хочетъ, чтобъ изъ Егорки ученый вышелъ, а того не понимаетъ, что я и при своихъ занятіяхъ могъ бы Егорку на вѣкъ осчастливить. Я это къ тому вамъ объясняю, что ежели всѣ пойдутъ въ ученые да въ благородные, тогда некому будетъ торговать и хлѣбъ сѣять. Всѣ съ голоду поумираютъ.

— А ежели всѣ будутъ торговать и хлѣбъ сѣять, тогда некому будетъ ученія постигать.

И думая, что оба они сказали нѣчто убѣдительное и вѣское, Кузьмичовъ и о. Христофоръ сдѣлали серьезныя лица и одновременно кашлянули. Дениска, прислушивавшійся къ ихъ разговору и ничего не понявшій, встряхнулъ головой и, приподнявшись, стегнулъ по обѣимъ гнѣдымъ. Наступило молчаніе.

Между тѣмъ передъ глазами ѣхавшихъ разстилалась уже широкая, безконечная равнина, перехваченная цѣлью холмовъ. Тѣснясь и выглядывая другъ изъ-за друга, эти холмы сливаются въ возвышенность, которая тянется вправо отъ дороги до самаго горизонта и исчезаетъ въ лиловой дали; ѣдешь-ѣдешь и никакъ не разберешь, гдѣ она начинается и гдѣ кончается... Солнце уже выглянуло сзади изъ-за города и тихо, безъ хлопотъ принялось за свою работу. Сначала далеко впереди, гдѣ небо сходится съ землею, около курганчиковъ и вѣтряной мельницы, которая издали похожа на маленькаго человѣчка, размахивающаго руками, поползла по землѣ широкая ярко-желтая полоса; черезъ минуту такая же полоса засвѣтилась нѣсколько ближе, поползла вправо и охватила холмы; что-то теплое коснулось Егорушкиной спины, полоса свѣта, подкравшись сзади, шмыгнула черезъ бричку и лошадей, понеслась навстрѣчу другимъ полосамъ, и вдругъ вся широкая степь сбросила съ себя утреннюю полутьну, улыбнулась и засверкала росой.

Сжатая рожь, бурьянъ, молочай, дикая конопля—все, побурѣвшее отъ зноя, рыжее и полумертвое, теперь омытое росой и обласканное солнцемъ, оживало, чтобъ вновь зацвѣсти. Надъ дорогой съ веселымъ крикомъ носились старички, въ травѣ перекликались суслики, гдѣ-то далеко влѣво плакали чибисы. Стадо куропатокъ, испуганное брич-

кой, вспорхнуло и со своимъ мягкимъ «тррр» полетѣло къ холмамъ. Кузнечики, сверчки, скрипачи и медвѣдки затаили въ травѣ свою скрипучую, монотонную музыку.

Но прошло немного времени, роса испарилась, воздухъ застылъ, и обманутая степь приняла свой унылый юльскій видъ. Трава поникла, жизнь замерла. Загорѣлые холмы, бурозеленые, вдали лиловые, со своими покойными, какъ тѣнь, тонами, равнина съ туманной далью и опрокинутое надъ ними небо, которое въ степи, гдѣ нѣтъ лѣсовъ и высокихъ горъ, кажется страшно глубокимъ и прозрачнымъ, представлялись теперь безконечными, оцѣпенѣвшими отъ тоски...

Какъ душно и уныло! Бричка бѣжить, а Егорушка видитъ все одно и то же—небо, равнину, холмы... Музыка въ травѣ пріутихла. Старички улетѣли, куропатокъ не видно. Надъ поблекшей травой, отъ нечего дѣлать, носятся грачи; всѣ они похожи другъ на друга и дѣлаютъ степь еще болѣе однообразной.

Летитъ коршунъ надъ самой землей, плавно взмахивая крыльями, и вдругъ останавливается въ воздухѣ, точно задумавшись о скукѣ жизни, потомъ встряхиваетъ крыльями и стрѣлою несется надъ степью, и непонятно, зачѣмъ онъ летаетъ и что ему нужно. А вдали машетъ крыльями мельница...

Для разнообразія мелькнетъ въ бурьянѣ бѣлый черепъ или булыжникъ; вырастетъ на мгновение сѣрая каменная баба или высохшая ветла съ синей ракшей на верхней вѣткѣ, перебѣжить дорогу сусликъ — и опять бѣгутъ мимо глазъ бурьянъ, холмы, грачи...

Но вотъ, славу Богу, навстрѣчу ѣдетъ возъ со снопами. На самомъ верху лежитъ дѣвка. Сонная, изморенная зноемъ, поднимаетъ она голову и глядитъ на встрѣчныхъ. Дениска зазѣвался на нее, гнѣдые протягиваютъ морды къ снопамъ, бричка, взвизгнувъ, цѣлуется съ возомъ, и колючіе колосья, какъ вѣникомъ, проѣзжаютъ по цилиндру о. Христофора.

— На людей ѣдешь, пухлая!—кричитъ Дениска.—Ишь, рожу-то раскорячило, словно шмель укусилъ!

Дѣвка сонно улыбается и, пошевеливъ губами, опять ложится... А вотъ на холмѣ показывается одинокій тополь; кто его посадилъ и зачѣмъ онъ здѣсь — Богъ его знаетъ.

Отъ его стройной фигуры и зеленой одежды трудно оторвать глаза. Счастливъ ли этотъ красавецъ? Лѣтомъ зной, зимой стужа и метели, осенью страшныя ночи, когда видишь только тьму и не слышишь ничего, кромѣ безпутнаго, сердито воющаго вѣтра, а главное— всю жизнь одинъ, одинъ... За тополемъ ярко-желтымъ ковромъ, отъ верхушки холма до самой дороги, тянутся полосы пшеницы. На холмѣ хлѣбъ уже скошенъ и убранъ въ копны, а внизу еще только косятъ... Шестъ косарей стоятъ рядомъ и взмахиваютъ косами, а косы всеело сверкаютъ и въ тактъ, всё вмѣстѣ, издаютъ звукъ: «вжжи, вжжи!» По движеніямъ бабъ, вяжущихъ снопы, по лицамъ косарей, по блеску косъ видно, что зной жжетъ и душитъ. Черная собака съ высунутымъ языкомъ бѣжитъ отъ косарей навстрѣчу къ бричкѣ, вѣроятно съ намѣреніемъ залаять, но останавливается на полдорогѣ и равнодушно глядитъ на Дениску, грозящаго ей кнутомъ: жарко лаять! Одна баба поднимается и, взявшись обѣими руками за измученную спину, провожаетъ глазами кумачовую рубаху Егорушки. Красный ли цвѣтъ ей понравился, или вспомнила она про своихъ дѣтей, только долго стоитъ она неподвижно и смотритъ вслѣдъ...

Но вотъ промелькнула и пшеница. Опять тянется [выжженная равнина, загорѣлые холмы, знойное небо, опять носится надъ землею коршунъ. Вдали попрежнему машетъ крыльями мельница и все еще она похожа на маленькаго человѣчка, размахивающаго руками. Надоѣло глядѣть на нее, и кажется, что до нея никогда не доѣдешь, что она бѣжитъ отъ брички.

О. Христофоръ и Кузьмичовъ молчали. Дениска стегалъ по гнѣдымъ и покрикивалъ, а Егорушка ужъ не плакалъ, а равнодушно глядѣлъ по сторонамъ. Зной и степная скука утомили его. Ему казалось, что онъ давно уже ѣдетъ и подпрыгиваетъ, что солнце давно уже печетъ ему въ спину. Не проѣхали еще и десяти верстъ, а онъ уже думалъ: «Пора бы отдохнуть!» Съ лица дяди мало-по-малу сошло благодущіе и осталась одна только дѣловая сухость, а бритому, тощему лицу, въ особенности когда оно въ очкахъ, когда носъ и виски покрыты пылью, эта сухость придаетъ немолчаливое ишквизиторское выраженіе. Отецъ же Христофоръ не переставалъ удивленно глядѣть на міръ Божій и улыбаться. Молча, онъ думалъ о чемъ-то хорошемъ и веселомъ,

и добрая, благодушная улыбка застыла на его лицѣ. Кажется, что и хорошая, веселая мысль застыла въ его мозгу отъ жары...

— А что, Дениска, догонимъ нынче обозы? — спросилъ Кузьмичовъ.

Дениска поглядѣлъ на небо, приподнялся, стегнулъ по лошадямъ и потомъ уже отвѣтилъ:

— Къ ночи, Богъ дастъ, догонимъ...

Послышался собачій лай. Штукъ шесть громадныхъ степныхъ овчарокъ вдругъ, выскочивъ точно изъ засады, съ свирѣпымъ воющимъ лаемъ бросились навстрѣчу бричкѣ. Всѣ онѣ, необыкновенно злыя, съ мохнатыми паучьими мордами и съ красными отъ злости глазами, окружили бричку и, ревниво толкая другъ друга, подняли хриплый ревъ. Онѣ ненавидѣли страстно и, кажется, готовы были изорвать въ клочья и лошадей, и бричку, и людей... Дениска, любившій дразнить и стегать, обрадовался случаю и, придавъ своему лицу злорадное выраженіе, перегнулся и хлестнулъ кнутомъ по овчаркѣ. Псы пуще захрипѣли, лошади понесли; и Егорушка, еле державшійся на передкѣ, глядя на глаза и зубы собакъ, понималъ, что свались онѣ, его моментально разнесутъ въ клочья, но страха не чувствовалъ, а глядѣлъ такъ же злорадно, какъ Дениска, и жалѣлъ, что у него въ рукахъ нѣтъ кнута.

Бричка поровнялась съ отарой овецъ.

— Стой! — закричалъ Кузьмичовъ. — Держи! Тирр...

Дениска подался всѣмъ туловищемъ назадъ и осадилъ гиѣдыхъ. Бричка остановилась.

— Поди сюда! — крикнулъ Кузьмичовъ чебану. — Уйми собакъ, будь онѣ прокляты!

Старикъ-чебанъ, оборванный и босой, въ теплой шапкѣ, съ грязнымъ мѣшкомъ у бедра и съ крючкомъ на длинной палкѣ — совсѣмъ ветхозавѣтная фигура — унялъ собакъ и, снявши шапку, подошелъ къ бричкѣ. Точно такая же ветхозавѣтная фигура стояла, не шевелясь, на другомъ краю отары и равнодушно глядѣла на проѣзжихъ.

— Чья это отара? — спросилъ Кузьмичовъ.

— Варламовская! — громко отвѣтилъ старикъ.

— Варламовская! — повторилъ чебанъ, стоявшій на другомъ краю отары.

— Что, проѣзжалъ тутъ вчерась Варламовъ, или нѣтъ?

— Никакъ нѣтъ... Приказчикъ ихній проѣзжали, это точно...

— Трогай!

Бричка покатила дальше, и чебаны со своими злыми собаками остались позади. Егорушка нехотя глядѣлъ впередъ на лиловую даль, и ему уже начинало казаться, что мельница, машущая крыльями, приближается. Она становилась все больше и больше, совсѣмъ выросла, и ужъ можно было отчетливо разглядѣть ея два крыла. Одно крыло было старое, залатанное, другое только недавно сдѣлано изъ новаго дерева и лоснилось на солнцѣ.

Бричка ѣхала прямо, а мельница почему-то стала уходить влѣво. Ёхали, ёхали, а она все уходила влѣво и не исчезала изъ глазъ.

— Славный вѣтрякъ поставилъ сыну Болтва!—замѣтилъ Дениска.

— А что-то хутора его не видать.

— Онъ туда, за балочкой.

Скоро показался и хуторъ Болтвы, а вѣтрякъ все еще не уходилъ назадъ, не отставалъ, глядѣлъ на Егорушку своимъ лоснящимся крыломъ и махалъ. Какой колдунъ!

II.

Около полудня бричка свернула съ дороги вправо, проѣхала немного шагомъ и остановилась. Егорушка услышалъ тихое, очень ласковое журчанье и почувствовалъ, что къ его лицу прохладнымъ бархатомъ прикоснулся какой-то другой воздухъ. Изъ холма, склееннаго природой изъ громадныхъ, уродливыхъ камней, сквозь трубочку изъ болиголова, вставленную какимъ-то невѣдомымъ благодѣтелемъ, тонкой струйкой бѣжала вода. Она падала на землю и, прозрачная, веселая, сверкающая на солнцѣ и тихо ворча, точно воображая себя сильнымъ и бурнымъ потокомъ, быстро бѣжала куда-то влѣво. Недалеко отъ холма маленькая рѣчка расплзлась въ лужицу; горячіе лучи и раскаленная почва, жадно выливая ее, отнимали у нея силу; но немножко далѣе она, вѣроятно, сливалась съ другой такою же рѣчонкой, потому что шагахъ въ ста отъ холма по ея теченію зеленѣла густая, пышная осока, изъ которой, когда подѣзжала бричка, съ крикомъ вылетѣло три бекаса.

Путники расположились у ручья отдохнуть и кормить ло-

шадей. Кузьмичовъ. о. Христофоръ и Егорушка сѣли въ жидкой тѣни, бросаемой бричкою и распряженными лошадьми, на разостланномъ войлокѣ и стали закусывать. Хорошая, веселая мысль, застывшая отъ жары въ мозгу о. Христофора, послѣ того, какъ онъ нашелъ воды и сѣлъ одно печеное яйцо, запросилась наружу. Онъ ласково взглянулъ на Егорушку, пожевалъ и началъ:

— Я самъ, братъ, учился. Съ самаго ранняго возраста Богъ вложилъ въ меня смыслъ и понятіе, такъ что я не въ примѣръ прочимъ, будучи еще такимъ, какъ ты, утѣшалъ родителей и наставниковъ своимъ разумѣніемъ. Пятнадцати лѣтъ мнѣ еще не было, а я ужъ говорилъ и стихи сочинялъ по-латынски все равно, какъ по-русски. Помню, былъ я жезлоносцемъ у преосвященнаго Христофора. Разъ послѣ обѣдни, какъ теперь помню, въ день тезоименитства благочестивѣйшаго Государя Александра Павловича Благословеннаго онъ разоблачался въ алтарѣ, поглядѣлъ на меня ласково и спрашиваетъ: «*Puer bone, quam appellaris?*» А я отвѣчаю: «*Christophorus sum*». А онъ: «*Ergo connominatus sumus*», то-есть мы, значить, тезки... Потомъ спрашиваетъ по-латынски: «*Чей ты?*» Я и отвѣчаю тоже по-латынски, что я сынъ діакона Сирійскаго въ селѣ Лебединскомъ. Видя такую мою скороспѣшность и ясность отвѣтовъ, преосвященный благословилъ меня и сказалъ: «Наипни отцу, что я его не оставлю, а тебя буду имѣть въ виду». Протоиерей и священники, которые въ алтарѣ были, слушая латинскій диспутъ, тоже не мало удивлялись и каждый въ похвалу мнѣ изъявилъ свое удовольствіе. Еще у меня усовъ не было, а я ужъ, братъ, читалъ и по-латынски, и по-гречески, и по-французски, зналъ философію, математику, гражданскую исторію и всѣ науки. Память мнѣ Богъ далъ на удивленіе. Бывало, которое прочту раза два, наизусть помню. Наставники и благодѣтели мои удивлялись и такъ предполагали, что изъ меня выйдетъ ученѣйшій мужъ, свѣтильникъ церкви. Я и самъ думалъ въ Кіевѣ ѣхать, науки продолжать, да родители не благословили. «Ты, говорилъ отецъ, весь вѣкъ учиться будешь, когда же мы тебя дождемся?» Слыша такія слова, я бросилъ науки и поступилъ на мѣсто. Оно, конечно, ученый изъ меня не вышелъ, да зато я родителей не ослушался, старость ихъ успокоилъ, похоронилъ съ честью. Послушаніе паче поста и молитвы!

— Должно-быть, вы ужъ всё науки забыли! — замѣтилъ Кузьмичовъ.

— Какъ не забыть? Славу Богу, ужъ восьмой десятокъ пошелъ! Изъ философіи и риторики кое-что еще помню, а языки и математику совсѣмъ забыть.

О. Христофоръ зажмурилъ глаза, подумалъ и сказалъ вполголоса:

— Что такое существо? Существо есть вещь самобытна, не требуя иного ко своему исполненію.

Онъ покрутилъ головой и засмѣялся отъ умиленія.

— Духовная пища! — сказалъ онъ. — Истинно, матерія питаетъ плоть, а духовная пища душу!

— Науки науками, — вздохнулъ Кузьмичовъ: — а вотъ какъ не догонимъ Варламова, такъ и будетъ намъ наука.

— Человѣкъ—не иголка, найдемъ. Онъ теперь въ этихъ мѣстахъ кружится.

Надъ осокой пролетѣли знакомые три бекаса, и въ ихъ пискѣ слышались тревога и досада, что ихъ согнали съ ручья. Лошади степенно жевали и пофыркивали; Дениска ходилъ около нихъ и, стараясь показать, что онъ совершенно равнодушенъ къ огурцамъ, пирогамъ и яйцамъ, которые ѣли хозяева, весь погрузился въ избіеніе слѣпней и мухъ, облѣплавшихъ лошадиные животы и спины. Онъ апатично, издавая горломъ какой-то особенный, ехидно-побѣдный звукъ, хлопалъ по своимъ жертвамъ, а въ случаѣ неудачи досадливо кричалъ и провожалъ глазами всякаго счастливца, избѣжавшаго смерти.

— Дениска, гдѣ ты тамъ! Поди ѣшь!—сказалъ Кузьмичовъ, глубоко вздыхая и тѣмъ давая знать, что онъ уже наѣлся.

Дениска несмѣло подошелъ къ войлоку и выбралъ себѣ пять крупныхъ и желтыхъ огурцовъ, такъ-называемыхъ «желтяковъ» (выбрать помельче и посвѣжѣе онъ посоветился), взялъ два печеныхъ яйца, черныхъ и съ трещинами, потомъ нерѣшительно, точно боясь, чтобы его не ударили по протянутой рукѣ, коснулся пальцемъ пирожка.

— Бери, бери!—поторопилъ его Кузьмичовъ.

Дениска рѣшительно взялъ пирожекъ и, отойдя далеко въ сторону, сѣлъ на землѣ, спиной къ бривкѣ. Тотчасъ же послышалось такое громкое жеванье, что даже лошади обернулись и подозрительно поглядѣли на Дениску.

Закусивши, Кузьмичовъ досталъ изъ брички мѣшокъ съ чѣмъ-то и сказалъ Егорушкѣ:

— Я буду спать, а ты поглядывай, чтобы у меня изъ-подъ головы этого мѣшка не вытащили.

О. Христофоръ снялъ рясу, поясъ и кафтанъ, и Егорушка, взглянувъ на него, замеръ отъ удивленія. Онъ никакъ не предполагалъ, что священники носятъ брюки, а на о. Христофорѣ были настоящія, парусиновые брюки, засунутыя въ высокіе сапоги, и кургузая пестрядинная курточка. Глядя на него, Егорушка нашелъ, что въ этомъ неподобающемъ его сану костюмѣ онъ, со своими длинными волосами и бородой, очень похожъ на Робинзона Крузе. Разоблачившись, о. Христофоръ и Кузьмичовъ легли въ тѣнь подъ бричкой, лицомъ другъ къ другу, и закрыли глаза. Дениска, кончивъ жевать, растянулся на припекѣ животомъ вверхъ и тоже закрылъ глаза.

— Поглядывай, чтобъ кто коней не увелъ! — сказалъ онъ Егорушкѣ и тотчасъ же заснулъ.

Наступила тишина. Слышно было только, какъ фыркали и жевали лошади, да похрапывали спящіе; гдѣ-то не близко плакалъ одинъ чибисъ и изрѣдка раздавался пискъ трехъ бекасовъ, прилетавшихъ поглядѣть, не уѣхали ли непрошенные гости; мягко картавя, журчалъ ручеекъ, но всѣ эти звуки не нарушали тишины, не будили застывшего воздуха, а напротивъ, вгоняли природу въ дремоту.

Егорушка, задыхаясь отъ зноя, который особенно чувствовался теперь послѣ ѣды, побѣжалъ къ осокѣ и отсюда оглядѣлъ мѣстность. Увидѣлъ онъ тоже самое, что видѣлъ и до полудня: равнину, холмы, небо, лиловую даль; только холмы стояли поближе, да не было мельницы, которая осталась далеко назадъ. Изъ-за скалистого холма, гдѣ текъ ручей, возвышался другой поглаже и пошире; на немъ лѣпился небольшой поселокъ изъ пяти-шести дворовъ. Около избъ не было видно ни людей, ни деревьевъ, ни тѣней, точно поселокъ задохнулся въ горячемъ воздухѣ и высохъ. Отъ нечего дѣлать Егорушка поймалъ въ травѣ скрипача, поднесъ его въ кулакѣ къ уху и долго слушалъ, пака тотъ игралъ на своей скрипкѣ. Когда надоѣла музыка, онъ погнался за толпой желтыхъ бабочекъ, прилетавшихъ къ осокѣ на водопой, и самъ не замѣтилъ, какъ очутился опять возлѣ брички. Дядя и о. Христофоръ крѣпко спали; сонъ

ихъ долженъ былъ продолжаться часа два-три, пока не отдохнуть лошади... Какъ же убить это длинное время и куда дѣваться отъ зноя? Задача мудреная... Машинально Егорушка подставилъ ротъ подъ струйку, бѣжавшую изъ трубочки; во рту его стало холодно и запахло болиголовомъ; пилъ онъ сначала съ охотой, потомъ черезъ силу и до тѣхъ поръ, пока острый холодъ изъ рта не побѣждалъ по всему тѣлу и пока вода не полилась по сорочкѣ. Затѣмъ онъ подошелъ къ бричкѣ и сталъ глядѣть на спящихъ. Лицо дяди попрежнему выражало дѣловую сухость. Фанатикъ своего дѣла, Кузьмичовъ всегда, даже во снѣ и за молитвой въ церкви, когда пѣли «Иже херувимы», думать о своихъ дѣлахъ, ни на минуту не могъ забыть о нихъ, и теперь, вѣроятно, ему снились тюки съ шерстью, подводы, цѣны, Варламовъ... Отецъ же Христофоръ, человѣкъ мягкій, легкомысленный и смѣшливый, во всю свою жизнь не зналъ ни одного такого дѣла, которое, какъ удавъ, могло бы сковать его душу. Во всѣхъ многочисленныхъ дѣлахъ, за которыя онъ брался на своемъ вѣку, его прельщало не столько само дѣло, сколько суета и общеніе съ людьми, присущія всякому предпріятію. Такъ, въ настоящей поѣздкѣ его интересовали не столько шерсть, Варламовъ и цѣны, сколько длинный путь, дорожные разговоры, спанье подъ бричкой, ѣда не во-время... И теперь, судя по его лицу, ему снились, должно-быть, преосвященный Христофоръ, латинскій диспутъ, его попадья, пышки со сметаной и все такое, что не могло сниться Кузьмичову.

Въ то время, какъ Егорушка смотрѣлъ на сонныя лица, неожиданно послышалось тихое пѣніе. Гдѣ-то не близко пѣла женщина, а гдѣ именно и въ какой сторонѣ, трудно было понять. Пѣсня тихая, тягучая и заунывная, похожая на плачь и едва уловимая слухомъ, слышалась то справа, то слѣва, то сверху, то изъ-подъ земли, точно надъ степью носился невидимый духъ и пѣлъ. Егорушка оглядывался и не понималъ, откуда эта странная пѣсня; потомъ же, когда онъ прислушался, ему стало казаться, что это пѣла трава; въ своей пѣснѣ она, полумертвая, уже погибающая, безъ словъ, но жалобно и искренно убѣждала кого-то, что она ни въ чемъ не виновата, что солнце выжгло ее понапрасну; она увѣряла, что ей страстно хочется жить, что она еще молода и была бы красивой, если бы не зной и не засуха; вины

не было, но она все-таки просила у кого-то прощения и клялась, что ей невыносимо больно, грустно и жалко себя...

Егорушка послушалъ немного, и ему стало казаться, что отъ заунывной, тягучей пѣсни воздухъ сдѣлался душнѣе, жарче и неподвижнѣе... Чтобы заглушить пѣсню, онъ, напѣвая и стараясь стучать ногами, побѣжалъ къ осокѣ. Отсюда онъ поглядѣлъ во все стороны и нашелъ того, кто пѣлъ. Около крайней избы поселка стояла баба въ короткой исподницѣ, длинноногая и голенастая, какъ цапля, и что-то простивала; изъ-подъ ея рѣшета внизъ по бугру лѣниво шла бѣлая пыль. Теперь было очевидно, что пѣла она. На сажень отъ нея неподвижно стоялъ маленькій мальчикъ въ одной сорочкѣ и безъ шапки. Точно очарованный пѣсней, онъ не шевелился и глядѣлъ куда-то внизъ, вѣроятно на кумачовую рубаху Егорушки.

Пѣсня стихла. Егорушка пошелъ къ брочкѣ и опять, отъ нечего дѣлать, занялся стружкой воды.

И опять послышалась тягучая пѣсня. Пѣла все та же голенастая баба за бугромъ въ поселкѣ. Къ Егорушкѣ вдругъ вернулась его скука. Онъ оставилъ трубочку и поднялъ глаза вверхъ. То, что увидѣлъ онъ, было такъ неожиданно, что онъ немножко испугался. Надъ его головой на одномъ изъ большихъ неуклюжихъ камней стоялъ маленький мальчикъ въ одной рубахѣ, пухлый, съ большимъ, оттопыреннымъ животомъ и на тоненькихъ ножкахъ, тотъ самый, который раньше стоялъ около бабы. Съ тупымъ удивленіемъ и не безъ страха, точно видя передъ собой выходцевъ съ того свѣта, онъ, не мигая и разинувъ ротъ, оглядывалъ кумачовую рубаху Егорушки и брочку. Красный цвѣтъ рубахи манилъ и ласкалъ его, а брочка и спавшіе подъ ней люди возбуждали его любопытство; быть-можетъ, онъ и самъ не замѣтилъ, какъ пріятный красный цвѣтъ и любопытство притянули его изъ поселка внизъ, и, вѣроятно, теперь удивлялся своей смѣлости. Егорушка долго оглядывалъ его, а онъ Егорушку. Оба молчали и чувствовали нѣкоторую неловкость. Послѣ долгаго молчанія Егорушка спросилъ:

— Тебя какъ звать?

Щеки незнакомца еще больше распухли; онъ прижался спиной къ камню, выпучилъ глаза, пошевелилъ губами и отвѣтилъ сильнымъ басомъ:

— Тить.

Больше мальчишки не сказали другъ другу ни слова. Помолчавъ еще немного и не отрывая глазъ отъ Егорушки, таинственный Тить задралъ вверхъ одну ногу, нащупаль пяткой точку опоры и взобрался на камень; отсюда онъ, пятясь назадъ и глядя въ упоръ на Егорушку, точно боясь, чтобы тотъ не ударилъ его сзади, поднялся на слѣдующій камень и такъ поднимался до тѣхъ поръ, пока совсѣмъ не исчезъ за верхушкой бугра.

Проводивъ его глазами, Егорушка обнялъ колѣни руками и склонилъ голову... Горячіе лучи жгли ему затылокъ, шею и спину. Заунывная пѣсня то замирала, то опять пронеслась въ стоячемъ, душномъ воздухѣ, ручей монотонно журчалъ, лошади жевали, а время тянулось безконечно, точно и оно застыло и остановилось. Казалось, что съ утра прошло уже сто лѣтъ... Не хотѣлъ ли Богъ, чтобы Егорушка, бричка и лошади замерли въ этомъ воздухѣ и, какъ холмы, окаменѣли бы и остались навѣки на одномъ мѣстѣ?

Егорушка поднялъ голову и посоловѣвшими глазами поглядѣлъ впередъ себя; лиловая даль, бывшая до сихъ поръ неподвижною, закачалась и вмѣстѣ съ небомъ понеслась куда-то еще дальше... Она потянула за собою бурю траву, осоку, и Егорушка понесся съ необычайною быстротою за убѣгавшею далью. Какая-то сила безшумно влекла его куда-то, а за нимъ вдогонку неслись зной и томительная пѣсня. Егорушка склонилъ голову и закрылъ глаза...

Первый проснулся Дениска. Его что-то укусило, потому что онъ вскочилъ, быстро почесалъ плечо и проговорилъ:

— Анаеема идолова, нѣтъ на тебя погибели!

Затѣмъ онъ подошелъ къ ручью, напился и долго умывался. Его фырканье и плескъ воды вывели Егорушку изъ забытья. Мальчикъ поглядѣлъ на его мокрое лицо, покрытое каплями и крупными веснушками, которыя дѣлали лицо похожимъ на мраморъ, и спросилъ:

— Скоро поѣдемъ?

Дениска поглядѣлъ, какъ высоко стоитъ солнце, и отвѣтилъ:

— Должно, скоро.

Онъ вытерся подоломъ рубахи и, сдѣлавъ очень серьезное лицо, запыгалъ на одной ногѣ.

— А ну-ка, кто скорѣй доскачетъ до осоки!— сказалъ онъ.

Егорушка былъ изнеможенъ зноемъ и полусномъ, по все-таки поскакалъ за нимъ. Денискъ было уже около 20-ти лѣтъ, служилъ онъ въ кучерахъ и собирался жениться, но не пересталъ еще быть маленькимъ. Онъ очень любилъ пускать змѣи, гонять голубей, играть въ бабки, бѣгать въ догонки и всегда вмѣшивался въ дѣтскія игры и ссоры. Нужно было только хозяевамъ уйти или уснуть, чтобы онъ занялся чѣмъ-нибудь въ родѣ прыганья на одной ножкѣ или подбрасыванья камешковъ. Всякому взрослому, при видѣ того искренняго увлеченія, съ какимъ онъ рѣзвился въ обществѣ малолѣтковъ, трудно было удержаться, чтобы не проговорить: «Этакая дубина!» Дѣти же во вторженіи большого кучера въ ихъ область не видѣли ничего страннаго: пусть играетъ, лишь бы не дрался! Точно такъ маленькія собаки не видятъ ничего страннаго, когда въ ихъ компанію затесывается какой-нибудь большой, искренній пестъ и начинаетъ играть съ ними.

Дениска перегналъ Егорушку и, повидимому, остался этимъ очень доволенъ. Онъ подмигнулъ глазомъ и, чтобы показать, что онъ можетъ проскакать на одной ножкѣ какое угодно пространство, предложилъ Егорушкѣ, не хочетъ ли тотъ проскакать съ нимъ по дорогѣ и оттуда, не отдыхая, назадъ къ брчкѣ? Егорушка отклонилъ это предложеніе, потому что очень запыхался и ослабѣлъ.

Вдругъ Дениска сдѣлалъ очень серьезное лицо, какого онъ не дѣлалъ, даже когда Кузьмичовъ распекалъ его или замахивался на него палкой; прислушиваясь, онъ тихо опустился на одно колѣно, и на лицѣ его показалось выраженіе строгости и страха, какое бываетъ у людей, слышащихъ ересь. Онъ нацѣлился на одну точку глазами, медленно поднялъ вверхъ кисть руки, сложенную лодочкой, и вдругъ упалъ животомъ на землю и хлопнулъ лодочкой по травѣ.

— Есть! — прохрипѣлъ онъ торжествуяще и, вставши, поднесъ къ глазамъ Егорушки большого кузнечика.

Думая, что это пріятно кузнечнику, Егорушка и Дениска погладили его пальцами по широкой, зеленой спинѣ и потрогали его усики. Потомъ Дениска поймалъ жирную муху, насосавшуюся крови, и предложилъ ее кузнечнику. Тотъ очень равнодушно, точно давно уже былъ знакомъ съ Дениской, задвигалъ своими большими, похожими на забрало

челюстями и отбѣлъ мухѣ животъ. Его выпустили, онъ сверкнулъ розовой подкладкой своихъ крыльевъ и, опустившись въ траву, тотчасъ же затрепещалъ свою пѣсню. Выпустили и муху; она расправила крылья и безъ живота полетѣла къ лошадямъ.

Изъ-подъ брички послышался глубокой вздохъ. Это проснулся Кузьмичовъ. Онъ быстро поднялъ голову, безпокойно поглядѣлъ вдаль, и по этому взгляду, безучастно скользнувшему мимо Егорушки и Дениски, видно было, что, проснувшись, онъ думалъ о шерсти и Варламовѣ.

— О. Христофоръ, вставайте, пора! — заговорилъ онъ встревоженно. — Будетъ спать, и такъ ужъ дѣло проспало! Дениска, запрягай!

О. Христофоръ проснулся съ такою же улыбкою, съ какою уснулъ. Лицо его отъ сна помялось, поморщилось и, казалось, стало вдвое меньше. Умывшись и одѣвшись, онъ неспѣша вытащилъ изъ кармана маленькій засаленный псалтирь и, ставъ лицомъ къ востоку, началъ шопотомъ читать и креститься.

— О. Христофоръ! — сказалъ укоризненно Кузьмичовъ. — Пора ѣхать, ужъ лошади готовы, а вы ей-Богу...

— Сейчасъ, сейчасъ... — забормоталъ о. Христофоръ. — Каѳизмы почитать надо... Не читалъ еще нынче.

— Можно и послѣ съ каѳизмами.

— Иванъ Ивановичъ, на каждый день у меня положеніе... Нельзя.

— Богъ не взыскалъ бы.

Цѣлую четверть часа о. Христофоръ стоялъ неподвижно лицомъ къ востоку и шевелилъ губами, а Кузьмичовъ почти съ ненавистью глядѣлъ на него и нетерпѣливо пожималъ плечами. Особенно его сердило, когда о. Христофоръ послѣ каждой «славы» втягивалъ въ себя воздухъ, быстро крестился и намѣренно громко, чтобъ другіе крестились, говорилъ трижды:

— Аллилуя, аллилуя, аллилуя, слава Тебѣ Боже!

Наконецъ онъ улыбнулся, поглядѣлъ вверхъ на небо и, глядя псалтирь въ карманъ, сказалъ:

— Fini!

Черезъ минуту бричка тронулась въ путь. Точно она ѣхала назадъ, а не дальше, путники видѣли то же самое, что и до полудня. Холмы все еще тонули въ лиловой дали

и не было видно ихъ конца; мелькаль бурьянъ, булыжникъ, проносились сжатя полосы, и все тѣ же грачи да коршунъ, солидно взмахивающій крыльями, летали надъ степью. Воздухъ все больше застывалъ отъ зноя и тишины, покорная природа цѣпенѣла въ молчаніи... Ни вѣтра, ни бодрого, свѣжаго звука, ни облачка.

Но вотъ, наконецъ, когда солнце стало спускаться къ западу, степь, холмы и воздухъ не выдержали гнета и, истощивши терпѣніе, измучившись, попытались сбросить съ себя иго. Изъ-за холмовъ неожиданно показалось пенельно-сѣдое кудрявое облако. Оно переглянулось со степью — я, моль, готово — и нахмурилось. Вдругъ въ стоячемъ воздухѣ что-то порвалось, сильно рвануль вѣтеръ и съ шумомъ, со свистомъ закружился по степи. Тотчасъ же трава и прошлогодній бурьянъ подняли ропотъ, на дорогѣ спирально закружилась пыль, побѣжала по степи и, увлекая за собой солому, стрекозъ и перья, чернымъ, вертящимся столбомъ поднялась къ небу и затуманила солнце. По степи, вдоль и поперекъ, спотыкаясь и прыгая, побѣжали перекасти-поле, а одно изъ нихъ попало въ вихрь, завертѣлось, какъ птица, полетѣло къ небу и, обратившись тамъ въ черную точку, исчезло изъ виду. За нимъ понеслось другое, потомъ третье, и Егорушка видѣлъ, какъ два перекасти-поле столкнулись въ голубой вышинѣ и вцѣпились другъ въ друга, какъ на поединкѣ.

У самой дороги вспорхнуль стрепеть. Мелькая крыльями и хвостомъ, онъ, залитый солнцемъ, походилъ на рыболовную блесну или на прудового мотылька, у котораго, когда онъ мелькаетъ надъ водой, крылья сливаются съ усиками и кажется, что усики растутъ у него и спереди, и сзади, и съ боковъ... Дрожа въ воздухѣ, какъ насѣкомое, играя своей пестротой, стрепеть поднялся высоко вверхъ по прямой линіи, потомъ, вѣроятно испуганный облакомъ пыли, понесся въ сторону, и долго еще было видно его мельканіе...

А вотъ, встревоженный вихремъ и не понимая, въ чемъ дѣло, изъ травы вылетѣлъ коростель. Онъ летѣлъ за вѣтромъ, а не противъ, какъ всѣ птицы; отъ этого его перья взъерошились, весь онъ раздулся до величины курицы и имѣлъ очень сердитый, внушительный видъ. Одни только грачи, состарившіеся въ степи и привыкшіе къ степнымъ переполохамъ, покойно носились надъ травой, или же рав-

подушно, ни на что не обращая вниманія, долбили своими толстыми клювами черствую землю.

За холмами глухо прогремѣлъ громъ; подулѣ свѣжестью. Дениска весело свистнулѣ и стегнулѣ по лошадамъ. О. Христофоръ и Кузьмичовъ, придерживая свои шляпы, устремили глаза на холмы... Хорошо, если бы брызнулѣ дождь!

Еще бы, кажется, небольшое успіе, одна потуга, и степь взяла бы верхъ. Но невидимая гнетущая сила мало-по-малу сковала вѣтеръ и воздухъ, уложила пыль и опять, какъ будто ничего не было, наступила тишина. Облако спряталось, загорѣлые холмы нахмурились, воздухъ покорно застылъ, и одни только встревоженные чибисы гдѣ-то плакали и жаловались на судьбу...

Затѣмъ скоро наступилѣ вечеръ.

III.

Въ вечернихъ сумеркахъ показался большой одноэтажный домъ съ ржавой желѣзной крышей и съ темными окнами. Этотъ домъ назывался постоялымъ дворомъ, хотя возлѣ него никакого двора не было и стоялъ онъ посреди степи, ничѣмъ не огороженный. Нѣсколько въ сторонѣ отъ него темнѣлъ жалкій вишневый садикъ съ плетнемъ, да подъ окнами, склонивъ свои тяжелыя головы, стояли славные подсолнечники. Въ садикѣ трещала маленькая мельничка, поставленная для того, чтобы пугать стукомъ зайцевъ. Больше же около дома не было видно и слышно ничего, кромѣ степи.

Едва бричка остановилась около крылечка съ навѣсомъ, какъ въ домѣ послышались радостные голоса — одинъ мужской, другой женскій — завизжала дверь на блокъ, и около брички въ одно мгновение выросла высокая тощая фигура, размахивавшая руками и фалдами. Это былъ хозяинъ постоялаго двора Мойсей Мойсенчъ, немолодой человекъ съ очень блѣднымъ лицомъ и съ черной, какъ тушь, красивой бородой. Одѣтъ онъ былъ въ поношенный черный сюртукъ, который болтался на его узкихъ плечахъ, какъ на вѣшалкѣ, и взмахивалъ фалдами, точно крыльями, всякій разъ, какъ Мойсей Мойсенчъ отъ радости или въ ужасѣ всплескивалъ руками. Кромѣ сюртука, на хозяинѣ были еще широкия, бѣлыя панталоны на выпускъ и бархатная жилетка съ рыжими цвѣтами, похожими на гигантскихъ клоповъ.

Мойсей Мойсенчъ, узнавъ прїѣхавшихъ, сначала замеръ отъ наплыва чувствъ, потомъ всплеснулъ руками и просто-наль. Сюртукъ его взмахнулъ фалдами, спина согнулась въ дугу и блѣдное лицо покривилось такою улыбкой, какъ будто видѣть бричку для него было не только прїятно, но и мучительно сладко.

— Ахъ, Боже мой, Боже мой! — заговорилъ онъ тонкимъ, пѣвучимъ голосомъ, задыхаясь, суетясь и своими тѣлодвиженіями мѣшая пассажирамъ вылѣзти изъ брички. — И такою сегодня для меня счастливый день! Ахъ, да что же я таперичка долженъ дѣлать! Иванъ Иванычъ! Отецъ Христофоръ! Какой же хорошенькій паничокъ сидитъ на козлахъ, накажи меня Богъ! Ахъ, Боже жъ мой, да что же я стою на одномъ мѣстѣ и не зову гостей въ горницу? Пожалуйте, покорнѣйше прошу... милости просимъ! Давайте мнѣ всѣ ваши вещи... Ахъ, Боже мой!

Мойсей Мойсенчъ, шаря въ бричкѣ и помогая прїѣзжимъ вылѣзати, вдругъ обернулся назадъ и закричалъ такимъ дикимъ, придушеннымъ голосомъ, какъ будто тонулъ и звалъ на помощь:

— Соломонъ! Соломонъ!

— Соломонъ! Соломонъ! — повторилъ въ домѣ женскій голосъ.

Дверь на блокъ завизжала, и на порогъ показался невысокій молодой еврей, рыжій, съ большимъ птичьимъ носомъ и съ плѣшью среди жесткихъ, кудрявыхъ волосъ; одѣтъ онъ былъ въ короткій, очень поношенный пиджакъ, съ закругленными фалдами и съ короткими рукавами, и въ короткія, триковья брючки, отчего самъ казался короткимъ и кургузымъ, какъ опишанная птица. Это былъ Соломонъ, братъ Мойсея Мойсенча. Онъ, молча, не здороваясь, а только какъ-то странно улыбаясь, подошелъ къ бричкѣ.

— Иванъ Иванычъ и отецъ Христофоръ прїѣхали! — сказалъ ему Мойсей Мойсенчъ такимъ тономъ, какъ будто боялся, что тотъ ему не повѣритъ. — Ай, вай, удивительное дѣло, такіе хорошие люди взяли да прїѣхали! Ну, бери, Соломонъ, вещи! Пожалуйте, дорогіе гости!

Немного погодя, Кузьмичовъ, о. Христофоръ и Егорупка сидѣли уже въ большой, мрачной и пустой комнатѣ за старымъ дубовымъ столомъ. Этотъ столъ былъ почти оди-

нокъ, такъ какъ въ большой комнатѣ, кромѣ него, широкаго дивана съ дырявой клеенкой да трехъ стульевъ, не было никакой другой мебели. Да и стулья не всякій рѣшился бы назвать стульями. Это было какое-то жалкое подобіе мебели съ отжившей свой вѣкъ клеенкой и съ естественно сильно загнутыми назадъ спинками, придававшими стульямъ большое сходство съ дѣтскими санями. Трудно было понять, какое удобство имѣлъ въ виду невѣдомый столяръ, загибая такъ немилосердно спинки, и хотѣлось думать, что тутъ виноватъ не столяръ, а какой-нибудь проѣзжій силачъ, который, желая похвастать своей силой, согнулъ стульямъ спины, потомъ взялся поправлять и еще больше согнулъ. Комната казалась мрачной. Стѣны были сѣры, потолокъ и карнизы закопчены, на полу тянулись щели и зіяли дыры непонятнаго происхожденія (думалось, что ихъ пробилъ каблукомъ все тотъ же силачъ), и, казалось, если бы въ комнатѣ повѣсили десятокъ лампъ, то она не перестала бы быть темной. Ни на стѣнахъ, ни на окнахъ не было ничего похожего на украшенія. Впрочемъ, на одной стѣнѣ въ сѣрой деревянной рамѣ висѣли какія-то правила съ двуглавымъ орломъ, а на другой, въ такой же рамѣ, какая-то гравюра съ надписью: «Равнодушіе человѣковъ». Къ чему человѣки были равнодушны, — понять было невозможно, такъ какъ гравюра сильно потускнѣла отъ времени и была щедро засижена мухами. Пахло въ комнатѣ чѣмъ-то затхлымъ и кислымъ.

Введя гостей въ комнату, Мойсей Мойсеичъ продолжалъ изгибаться, всплескивать руками, пожиматься и радостно восклицать—все это считалъ онъ нужнымъ продѣлывать для того, чтобы казаться необыкновенно вѣжливымъ и любезнымъ.

— Когда проѣхали тутъ наши подводы? — спросилъ его Кузьмичовъ.

— Одна партія проѣхала нынче утречкомъ, а другая. Иванъ Ивановичъ, отдыхала тутъ въ обѣдъ и передъ вечеромъ уѣхала.

— А... Проѣзжалъ тутъ Варламовъ, или нѣтъ?

— Нѣтъ, Иванъ Ивановичъ. Вчера утречкомъ проѣзжалъ его приказчикъ Григорій Егорычъ и говорилъ, что онъ, надо-быть, таперичка на хуторѣ у молокана.

— Отлично. Значить, мы сейчасъ догонимъ обозы, а потомъ и къ молокану.

— Да Богъ съ вами, Иванъ Ивановичъ! — ужаснулся Мойсей Мойсеичъ, всплескивая руками. — Куда вы на ночь поѣдете? Вы поужинайте на здоровъечко и переночуйте, а завтра, Богъ дастъ, утречкомъ поѣдете и догоните кого надо!

— Некогда, некогда... Извините, Мойсей Мойсеичъ, въ другой разъ какъ-нибудь, а теперь не время. Посидимъ четверть часика и поѣдемъ, а переночевать и у молокана можно.

— Четверть часика! — взвизгнулъ Мойсей Мойсеичъ. — Да побойтесь вы Бога, Иванъ Ивановичъ! Вы меня заставьте, чтобъ я ваши манке спряталъ и заперъ на замокъ дверь! Вы хоть закусите и чаю покушайте!

— Некогда намъ съ чаями да съ сахарами, — сказалъ Кузьмичовъ.

Мойсей Мойсеичъ склонилъ голову на бокъ, согнулъ колѣни и выставилъ впередъ ладони, точно обороняясь отъ ударовъ, и съ мучительно-сладкой улыбкой сталъ умолять:

— Иванъ Ивановичъ! Отецъ Христофоръ! Будьте же такіе добрые, покушайте у меня чайку! Неужели я ужъ такой нехорошій человекъ, что у меня нельзя даже чай пить? Иванъ Ивановичъ!

— Что жъ, чайку можно попить, — сочувственно вздохнулъ отецъ Христофоръ. — Это не задержать.

— Ну, ладно! — согласился Кузьмичовъ.

Мойсей Мойсеичъ встрепенулся, радостно ахнулъ и, пожимаясь такъ, какъ будто онъ только-что выскочилъ изъ холодной воды въ тепло, побѣжалъ къ двери и закричалъ дикимъ придушеннымъ голосомъ, какимъ раньше звалъ Соломона:

— Роза! Роза! Давай самоваръ!

Черезъ минуту отворилась дверь, и въ комнату съ большимъ подносомъ въ рукахъ вошелъ Соломонъ. Ставя на столъ подносъ, онъ насмѣшливо глядѣлъ куда-то въ сторону и попрежнему странно улыбался. Теперь при свѣтѣ лампочки можно было разглядѣть его улыбку; она была очень сложной и выражала много чувствъ, но преобладающимъ въ ней было одно — явное презрѣніе. Онъ какъ будто думалъ о чемъ-то смѣшномъ и глупомъ, кого-то терпѣть не могъ и презиралъ, чему-то радовался и ждалъ подходящей минуты, чтобы уязвить насмѣшкой и пока-

титься со смѣху. Его длинный носъ, жирныя губы и хитрые, выпученные глаза, казалось, были напряжены отъ желанія расхохотаться. Взглянувъ на его лицо, Кузьмичовъ насмѣшливо улыбулся и спросилъ:

— Соломонъ, отчего же ты этимъ лѣтомъ не прѣзжалъ къ намъ въ N. на ярмарку жидовъ представлять?

Года два назадъ, что отлично помнилъ и Егорушка, Соломонъ въ N. на ярмаркѣ, въ одномъ изъ балагановъ, рассказывалъ сцены изъ еврейскаго быта и пользовался большимъ успѣхомъ. Напоминаніе объ этомъ не произвело на Соломона никакого впечатлѣнія. Ничего не отвѣтивъ, онъ вышелъ и, немного погодя, вернулся съ самоваромъ.

Сдѣлавъ около стола свое дѣло, онъ пошелъ въ сторону и, скрестивъ на груди руки, выставивъ впередъ одну ногу, уставился своими насмѣшливыми глазами на о. Христофора. Въ его позѣ было что-то вызывающее, надменное и презрительное, и въ то же время въ высшей степени жалкое и комическое, потому что чѣмъ внушительнѣе становилась его поза, тѣмъ ярче выступали на первый планъ его короткія брючки, куцый пиджакъ, карикатурный носъ и вся его птичья, оципанная фигура.

Мойсей Мойсенчъ принесъ изъ другой комнаты табуретъ и сѣлъ на нѣкоторомъ разстояніи отъ стола.

— Пріятнаго аппетита! Чай да сахаръ! — началъ онъ занимать гостей. — Кушайте на здоровьчко. Такіе рѣдкіе гости, такіе рѣдкіе, а отца Христофора я ужъ пять годовъ не видалъ. И никто не хочетъ мнѣ сказать, чей это такой паничокъ хорошій? — спросилъ онъ, нѣжно поглядывая на Егорушку.

— Это сыночекъ сестры Ольги Ивановны, — отвѣтилъ Кузьмичовъ.

— А куда же онъ ѣдетъ?

— Учиться. Въ гимназію его веземъ.

Мойсей Мойсенчъ изъ вѣжливости изобразилъ на лицѣ своемъ удивленіе и значительно покрутилъ головой.

— О, это хорошо! — сказалъ онъ, грозя самовару пальцемъ. — Это хорошо! Изъ гимназіи выйдешь такой господинъ, что всѣ мы будемъ шанке снимать. Ты будешь умный, богатый, съ амбиціей, а маменька будетъ радоваться. О, это хорошо!

Онъ помолчалъ немного, погладилъ себѣ колѣни и заговорилъ въ почтительно-шутливомъ тонѣ:

— Ужъ вы меня извините, отецъ Христофоръ, а я собираюсь написать бумагу архіерею, что вы у купцовъ хлѣбъ отбиваете. Возьму гербовую бумагу и напишу, что у отца Христофора, значить, своихъ грошей мало, что онъ занялся коммерціей и сталъ шерсть продавать.

— Да, вздумалъ вотъ на старости лѣтъ... — сказалъ о. Христофоръ и засмѣялся. — Записался, братъ, изъ поповъ въ купцы. Теперь бы дома сидѣть да Богу молиться, а я скачу, аки фараонъ на колесницѣ... Суета!

— Зато грошей будетъ много!

— Ну да! Дулю мнѣ подъ носъ, а не гроши. Товаръ-то вѣдь не мой, а зятя Михайлы!

— Отчего же онъ самъ не поѣхалъ?

— А оттого... Матернее молоко на губахъ еще не обсохло. Купить-то купилъ шерсть, а чтобъ продать — ума нѣтъ, молодъ еще. Всѣ деньги свои потратилъ, хотѣлъ нажиться и пыль пустить, а сунулся туда-сюда, ему и своей цѣны никто не даетъ. Этакъ помыкался паренъ съ годъ, потомъ приходитъ ко мнѣ и — «Папаша, продайте шерсть сдѣлайте милость! Ничего я въ этихъ дѣлахъ не понимаю!» То-то вотъ и есть. Какъ что, такъ сейчасъ и папаша, а прежде и безъ папашы можно было. Когда покупалъ, не спрашивался, а теперь, какъ приспичило, такъ и папаша. А что папаша? Коли бъ не Иванъ Ивановичъ, такъ и папаша ничего бъ не сдѣлалъ.хлопоты съ ними!

— Да, хлопотно съ дѣтьми, я вамъ скажу! — вздохнулъ Мойсей Мойсеичъ. — У меня у самого шесть человѣкъ. Одного учи, другого лѣчи, третьяго на рукахъ носи, а когда вырастутъ, такъ еще больше хлопотъ. Не только таперичка, даже въ священномъ писаніи такъ было. Когда у Іакова были маленькія дѣти, онъ плакалъ, а когда они выросли, еще хуже сталъ плакать!

— М-да... — согласился о. Христофоръ, задумчиво глядя на стаканъ. — Мнѣ-то собственно нечего Бога гнѣвить, я достигъ предѣла своей жизни, какъ дай Богъ всякому... Дочекъ за хорошихъ людей опредѣлилъ, сыновъ въ люди вывелъ и теперь свободенъ, свое дѣло сдѣлалъ, хоть на всѣ четыре стороны иди. Живу со своей попадѣй потихоньку, кушаю, пью да сплю, на внучатъ радуюсь да Богу мо-

люсь, а больше мнѣ ничего и не надо. Какъ сырѣ въ маслѣ катаюсь и знать никого не хочу. Отродясь у меня никакого горя не было и теперь ежели бѣ, скажемъ, царь спросилъ: «Что тебѣ надобно? Чего хочешь?» Да ничего мнѣ не надобно! Все у меня есть и все слава Богу. Счастливейши меня во всемъ городѣ человекѣ нѣтъ. Только вотъ грѣховъ много, да вѣдь и то сказать, одинъ Богъ безъ грѣха. Вѣдь вѣрно?

— Стало-быть, вѣрно.

— Ну, конечно, зубовъ нѣтъ, спину отъ старости ломить, то да се... одышка и всякое тамъ... Болѣю, плоть немощна, ну, да вѣдь, самъ посуди, пожилъ! Восьмой десятокъ! Не вѣкъ же вѣковать, надо и честь знать.

О. Христофоръ вдругъ что-то вспомнилъ, приснулъ въ стаканъ и закашлялся отъ смѣха. Мойсей Мойсеичъ изъ приличія тоже засмѣялся и закашлялся.

— Потѣха!—сказалъ о. Христофоръ и махнулъ рукой.— Приѣзжаетъ ко мнѣ въ гости старшій сынъ мой Гаврила. Онъ по медицинской части и служитъ въ Черниговской губерніи въ земскихъ докторахъ... Хорошо-съ... Я ему и говорю: «Вотъ, говорю, одышка, то да се... Ты докторъ, лѣчи отца!» Онъ сейчасъ меня раздѣлъ, постукалъ, послушалъ, разныя тамъ штуки... животъ помялъ, потомъ и говоритъ: — «Вамъ, папаша, надо, говорить, лѣчиться сжатымъ воздухомъ».

О. Христофоръ захохоталъ судорожно, до слезъ и поднялся.

— А я ему и говорю: «Богъ съ нимъ, съ этимъ сжатымъ воздухомъ!» — выговорилъ онъ сквозь смѣхъ и махнулъ обѣими руками.—Богъ съ нимъ, съ этимъ сжатымъ воздухомъ!

Мойсей Мойсеичъ тоже поднялся и, взявшись за животъ, залился тонкимъ смѣхомъ, похожимъ на лай болонки.

— Богъ съ нимъ, съ этимъ сжатымъ воздухомъ! — повторилъ о. Христофоръ, хохоча.

Мойсей Мойсеичъ взялъ двумя нотами выше и закашлялся такимъ судорожнымъ смѣхомъ, что едва устоялъ на ногахъ.

— О, Боже мой... — стоналъ онъ среди смѣха. — Дайте вздохнуть... Такъ насмѣшили, что... охъ!..—смерть моя.

Онъ смѣялся и говорилъ, а самъ между тѣмъ пугливо и подозрительно посматривалъ на Соломона. Тотъ стоялъ въ

прежней позѣ и улыбался. Судя по его глазамъ и улыбкѣ, онъ презиралъ и ненавидѣлъ серьезно, но это такъ не шло къ его ошипанной фигуркѣ, что, казалось Егорушкѣ, вызывающую позу и ѣдкое, презрительное выраженіе придавалъ онъ себѣ нарочно, чтобы разыграть шута и насмѣшить дорогихъ гостей.

Выпивъ молча стакановъ шесть, Кузьмичовъ расчистилъ передъ собой на столѣ мѣсто, взявъ мѣшокъ, тотъ самый, который, когда онъ спалъ подъ бричкой, лежалъ у него подъ головой, развязалъ на немъ веревечку и потрясъ имъ. Изъ мѣшка посыпались на столъ пачки кредитныхъ бумажекъ.

— Пока время есть, давайте, о. Христофоръ, посчитаемъ,—сказалъ Кузьмичовъ.

Увидѣвъ деньги, Мойсей Мойсеичъ сконфузился, всталъ и, какъ деликатный человекъ, не желающій знать чужихъ секретовъ, на цыпочкахъ и балансируя руками, вышелъ изъ комнаты. Соломонъ остался на своемъ мѣстѣ.

— Въ рублевыхъ пачкахъ по сколько?—началъ о. Христофоръ.

— По пятьдесятъ... Въ трехрублевыхъ по девяносто... Четвертные и сторублевые по тысячамъ сложены. Вы отсчитайте семь тысячъ восемьсотъ для Варламова, а я буду считать для Гусевича. Да глядите, не просчитайте...

Егорушка отродясь не видалъ такой кучи денегъ, какая лежала теперь на столѣ. Денегъ, вѣроятно, было очень много, такъ какъ пачка въ семь тысячъ восемьсотъ, которую о. Христофоръ отложилъ для Варламова, въ сравненіи со всей кучей казалась очень маленькой. Въ другое время такая масса денегъ, быть-можетъ, поразила бы Егорушку и вызвала его на размышленія о томъ, сколько на эту кучу можно купить бубликовъ, бабокъ, маковниковъ; теперь же онъ глядѣлъ на нее безучастно и чувствовалъ только противный запахъ гнилыхъ яблокъ и керосина, шедшій отъ кучи. Онъ былъ измученъ тряской ѣздой на бричкѣ, утомился и хотѣлъ спать. Его голову тянуло внизъ, глаза слипались и мысли путались, какъ нитки. Если бы можно было, онъ съ наслажденіемъ склонилъ бы голову на столъ, закрылъ бы глаза, чтобы не видѣть лампы и пальцевъ, двигавшихся надъ кучей, и позволилъ бы своимъ вялымъ, соннымъ мыслямъ еще больше занутаться. Когда онъ си-

лился не дремать, ламповый огонь, чашки и пальцы двоились, самоваръ качался, а запахъ гнилыхъ яблокъ казался еще острѣе и противнѣе.

— Ахъ, деньги, деньги!—вздыхалъ о. Христофоръ, улыбаясь.—Горе съ вами! Теперь мой Михайло, небось, спитъ и видитъ, что я ему такую кучу привезу.

— Вашъ Михайло Тимофеичъ человекъ не понимающій,—говорилъ вполголоса Кузьмичовъ:—не за свое дѣло берется, а вы понимаете и можете разсудить. Отдали бы вы мнѣ, какъ я говорилъ, вашу шерсть и фхали бы себѣ назадъ, а я бѣ вамъ, такъ и быть ужъ, далъ бы по полтиннику поверхъ своей цѣны, да и то только изъ уваженія...

— Нѣтъ, Иванъ Ивановичъ,—вздыхалъ о. Христофоръ.—Благодаримъ васъ за вниманіе... Конечно, ежели бѣ моя воля, я бѣ и разговаривать не сталъ, а то вѣдь, сами знаете, товаръ не мой...

Вошелъ на цыпочкахъ Мойсей Мойсеичъ. Стараясь изъ деликатности не глядѣть на кучу денегъ, онъ подкрался къ Егорушкѣ и дернулъ его сзади за рубаху.

— А пойдѣмъ-ка, паничокъ,—сказалъ онъ вполголоса:—какого я тебѣ медвѣдика покажу! Такой странный, сердитый! У-у!

Сонный Егорушка всталъ и лѣниво поплеялся за Мойсеемъ Мойсеичемъ смотрѣть медвѣдя. Онъ вошелъ въ небольшую комнатку, гдѣ, прежде чѣмъ онъ увидѣлъ что-нибудь, у него захватило дыханіе отъ запаха чего-то кислаго и затхлаго, который здѣсь былъ гораздо гуще, чѣмъ въ большой комнатѣ, и, вѣроятно, отсюда распространился по всему дому. Одна половина комнатки была занята большою постелью, покрытой сальнымъ стеганымъ одѣяломъ, а другая комодомъ и горами всевозможнаго тряпья, начиная съ жестко накрахмаленныхъ юбокъ и кончая дѣтскими штанишками и помочами. На комодѣ горѣла сальная свѣчка.

Вмѣсто обѣщаннаго медвѣдя, Егорушка увидѣлъ большую, очень толстую еврейку, съ распушенными волосами и въ красномъ фланелевомъ платьѣ съ черными крапинками; она тяжело поворачивалась въ узкомъ проходѣ между постелью и комодомъ и издавала протяжные, стонущіе вздохи, точно у нея болѣли зубы. Увидѣвъ Егорушку, она сдѣлала плачущее лицо, протяжно вздохнула и, прежде чѣмъ онъ

успѣвъ оглядѣться, поднесла къ его рту ломоть хлѣба, вымазанный медомъ.

— Кушай, дѣтка, кушай!—сказала она.—Ты здѣсь безъ маменьке и тебя некому покормить. Кушай.

Егорушка сталъ ѣсть, хотя послѣ леденцовъ и маковниковъ, которые онъ каждый день ѣлъ у себя дома, не находилъ ничего хорошаго въ меду, на половину смѣшанномъ съ воскомъ и съ пчелиными крыльями. Онъ ѣлъ, а Мойсей Мойсеичъ и еврейка глядѣли и вздыхали.

— Ты куда ѣдешь, дѣтка?—спросила еврейка.

— Учиться,—отвѣтилъ Егорушка.

— А сколько васъ у маменьке?

— Я одинъ. Больше нѣту никого.

— А-охъ!—вздохнула еврейка и подняла вверхъ глаза.—Бѣдная маменьке, бѣдная маменьке! Какъ же она будетъ скучать и плакать! Черезъ годъ мы тоже повеземъ въ ученье своего Наума! Охъ!

— Ахъ, Наумъ, Наумъ!—вздохнулъ Мойсей Мойсеичъ, и на его блѣдномъ лицѣ нервно задрожала кожа.—А онъ такой больной.

Сальное одѣяло заневелилось, и изъ-подъ него показалась кудрявая дѣтская голова на очень тонкой шеѣ; два черныхъ глаза блеснули и съ любопытствомъ уставились на Егорушку. Мойсей Мойсеичъ и еврейка, не переставая вздыхать, подошли къ комоду и стали говорить о чемъ-то по-еврейски. Мойсей Мойсеичъ говорилъ вполголоса, низкимъ баскомъ, и въ общемъ его еврейская рѣчь походила на непрерывное «гал-гал-гал-гал...», а жена отвѣчала ему тонкимъ индюшечьимъ голоскомъ, и у нея выходило что-то въ родѣ «ту-ту-ту-ту...» Пока они совѣщались, изъ-подъ сальнаго одѣяла выглянула другая кудрявая головка на тонкой шеѣ, за ней третья, потомъ четвертая... Если бы Егорушка обладалъ богатой фантазіей, то могъ бы подумать, что подъ одѣяломъ лежала стоголавая гидра.

— Гал-гал-гал-гал...—говорилъ Мойсей Мойсеичъ.

— Ту-ту-ту-ту...—отвѣчала ему еврейка.

Совѣщаніе кончилось тѣмъ, что еврейка съ глубокимъ вздохомъ полезла въ комодъ, развернула тамъ какую-то зеленую тряпку и достала большой ржаной пряникъ, въ видѣ сердца.

— Возьми, дѣтка, — сказала она, подавая Егорушкѣ

пряникъ.—У тебя теперь нѣту маменьке, некому тебѣ гостинца дать.

Егорушка сунуль въ карманъ пряникъ и попытался къ двери, такъ какъ былъ уже не въ силахъ дышать затхлымъ и кислымъ воздухомъ, въ которомъ жили хозяева. Вернувшись въ большую комнату, онъ поудобнѣй примостился на диванѣ и ужъ не мѣшалъ себѣ думать.

Кузьмичовъ только-что кончилъ считать деньги и клалъ ихъ обратно въ мѣшокъ. Обращался онъ съ ними не особенно почтительно и валялъ ихъ въ грязный мѣшокъ безъ всякой церемоніи съ такимъ равнодушіемъ, какъ будто это были не деньги, а бумажный хламъ.

О. Христофоръ бесѣдовалъ съ Соломономъ.

— Ну, что, Соломонъ премудрый? — спрашивалъ онъ, зѣвая и крестя ротъ.—Какъ дѣла?

— Это вы про какія дѣла говорите?—спросилъ Соломонъ и поглядѣлъ такъ ехидно, какъ будто ему намекали на какое-нибудь преступленіе.

— Вообще... Что подѣлываешь?

— Что я подѣлываю?—переспросилъ Соломонъ и пожалъ плечами.—То же, что и всѣ... Вы видите: я лакей. Я лакей у брата, братъ лакей у проѣзжающихъ, проѣзжающіе лакеи у Варламова, а если бы я имѣлъ денегъ десять миліоновъ, то Варламовъ былъ бы у меня лакеемъ.

— То-есть почему же это онъ былъ бы у тебя лакеемъ?

— Почему? А потому, что нѣтъ такого барина или милліонера, который изъ-за лишней копейки не сталъ бы лизать рукъ у жида пархатого. Я теперь жидъ пархатый и нищій, всѣ на меня смотрятъ, какъ на собаке, а если бы у меня были деньги, то Варламовъ передо мной ломалъ бы такого дурака, какъ Моисей передъ вами.

О. Христофоръ и Кузьмичовъ переглянулись. Ни тотъ, ни другой не поняли Соломона. Кузьмичовъ строго и сухо поглядѣлъ на него и спросилъ:

— Какъ же ты, дуракъ этакой, равняешь себя съ Варламовымъ?

— Я еще не настолько дуракъ, чтобы равнять себя съ Варламовымъ,—отвѣтилъ Соломонъ, насмѣшливо оглядывая своихъ собесѣдниковъ.—Варламовъ хоть и русскій, но въ душѣ онъ жидъ пархатый; вся жизнь у него въ деньгахъ и въ наживѣ, а я свои деньги спалилъ въ печкѣ. Мнѣ не

нужны ни деньги, ни земля, ни овцы, и не нужно, чтобъ меня боялись и снимали шапки, когда я ѣду. Значить, я умнѣй вашего Варламова и больше похожъ на человѣка!

Немного погодя, Егорушка сквозь полусонъ слышалъ, какъ Соломонъ голосомъ глухимъ и сильнымъ отъ душившейся его ненависти, картавя и спѣша, заговорилъ объ евреяхъ; сначала говорилъ онъ правильно, по-русски, потомъ же впалъ въ тонъ рассказчиковъ изъ еврейскаго быта и сталъ говорить какъ когда-то въ балаганѣ, съ утрированнымъ еврейскимъ акцентомъ.

— Постой...—перебилъ его о. Христофоръ.—Если тебѣ твоя вѣра не нравится, такъ ты ее перемѣни, а смѣяться грѣхъ; тотъ послѣдній человѣкъ, кто надъ своей вѣрой глумится.

— Вы ничего не понимаете!—грубо оборвалъ его Соломонъ.—Я вамъ говорю одно, а вы другое...

— Вотъ и видно сейчасъ, что ты глупый человѣкъ, — вздохнулъ о. Христофоръ.—Я тебя наставляю, какъ умѣю, а ты сердишься. Я тебѣ по-стариковски, потихоньку, а ты, какъ индюкъ: бла-бла-бла! Чудакъ, право...

Вошелъ Мойсей Мойсеичъ. Онъ встревоженно поглядѣлъ на Соломона и на своихъ гостей, и опять на его лицѣ нервно задрожала кожа. Егорушка встряхнулъ головой и поглядѣлъ вокругъ себя; мелькомъ онъ увидѣлъ лицо Соломона и какъ разъ въ тотъ моментъ, когда оно было обращено къ нему въ три четверти и когда тѣнь отъ его длиннаго носа пересѣкла всю лѣвую щеку; презрительная улыбка, смѣшанная съ этою тѣнью, блестящія, насмѣшливые глаза, надменное выраженіе и вся его ошипанная фигурка, двоясь и мелькая въ глазахъ Егорушки, дѣлали его теперь похожимъ не на шута, а на что-то такое, что иногда снится, вѣроятно, на нечистаго духа.

— Какой-то онъ у васъ бѣсноватый, Мойсей Мойсеичъ, Богъ съ нимъ!—сказалъ съ улыбкой о. Христофоръ.—Вы бы его пристроили куда-нибудь, или женили, что ли... На человѣка не похожъ...

Кузьмичовъ сердито нахмурился. Мойсей Мойсеичъ опять встревоженно и пытливо поглядѣлъ на брата и на гостей.

— Соломонъ, выйди отсюда!—строго сказалъ онъ.—Выйди! И онъ прибавилъ еще что-то по-еврейски. Соломонъ отрывисто засмѣялся и вышелъ.

— А что такое?— испуганно спросил Мойсей Мойсеичъ о. Христофора.

— Забывается, — отвѣтилъ Кузьмичовъ. — Грубитель и много о себѣ понимаетъ.

— Такъ и зналъ!— ужаснулся Мойсей Мойсеичъ, всплескивая руками. — Ахъ, Боже мой! Боже мой! — забормоталъ онъ вполголоса. — Ужъ вы будьте добрые, извините и не сердчайте. Это такой человекъ, такой человекъ! Ахъ, Боже мой! Боже мой! Онъ мнѣ родной братъ, но, кромѣ горя, я отъ него ничего не видѣлъ. Вѣдь онъ, знаете...

Мойсей Мойсеичъ покрутилъ пальцемъ около лба и продолжалъ:

— Не въ своемъ умѣ... пропащій человекъ. И что мнѣ съ нимъ дѣлать, не знаю! Никого онъ не любитъ, никого не почитаетъ, никого не боится... Знаете, надъ всѣми смѣется, говоритъ глупости, всякому въ глаза тычетъ. Вы не можете повѣрить, разъ пріѣхалъ сюда Варламовъ, а Соломонъ такое ему сказалъ, что тотъ ударилъ кнутомъ и его, и мене... А мене за что? Развѣ я виноватъ? Богъ отнял у него умъ, значить, это Божья воля, а я развѣ виноватъ?

Прошло минутъ десять, а Мойсей Мойсеичъ все еще бормоталъ вполголоса и вздыхалъ:

— Ночью онъ не спитъ и все думаетъ, думаетъ, думаетъ, а о чемъ онъ думаетъ, Богъ его знаетъ. Подойдешь къ нему ночью, а онъ сердится и смѣется. Онъ и меня не любитъ... И ничего онъ не хочетъ! Папаша, когда помиралъ, оставилъ ему и мнѣ по шести тысячъ рублей. Я купилъ себѣ постоянный дворъ, женился и таперичка дѣточекъ имѣю, а онъ спалилъ свои деньги въ печкѣ. Такъ жалко, такъ жалко! Зачѣмъ палить? Тебѣ не надо, такъ отдай мнѣ, а зачѣмъ же палить?

Вдругъ завизжала дверь на блокъ и задрожалъ полъ отъ чыхъ-то шаговъ. На Егорушку пахнуло легкимъ вѣтеркомъ, и показалось ему, что какая-то большая, черная птица пронеслась мимо и у самого лица его взмахнула крыльями. Онъ открылъ глаза... Дядя съ мѣшкомъ въ рукахъ, готовый въ путь, стоялъ возлѣ дивана. О. Христофоръ, держа широкополый цилиндръ, кому-то кланялся и улыбался не мягко и не умиленно, какъ всегда, а почтительно и натянуто, что очень не шло къ его лицу. А Мойсей Мойсеичъ, точно его

тѣло разломалось на три части, балансировалъ и всячески старался не разсыпаться. Одинъ только Соломонъ, какъ ни въ чемъ не бывало, стоялъ въ углу, скрестивъ руки, и по-прежнему презрительно улыбался.

— Ваше сіятельство, извините, у насъ не чисто!—стоялъ Мойсей Мойсичъ съ мучительно-сладкой улыбкой, уже не замѣчая ни Кузьмичова, ни о. Христофора, а только балансируя всѣмъ тѣломъ, чтобы не разсыпаться.—Мы люди простые, ваше сіятельство!

Егорушка протеръ глаза. Посреди комнаты стояло, дѣйствительно, сіятельство въ образѣ молодой, очень красивой и полной женщины въ черномъ платьѣ и въ соломенной шляпѣ. Прежде чѣмъ Егорушка успѣлъ разглядѣть ея черты, ему почему-то пришелъ на память тотъ одинокій, стройный тоноль, который онъ видѣлъ днемъ на холмѣ.

— Проѣзжалъ здѣсь сегодня Варламовъ?—спросилъ женскій голосъ.

— Нѣтъ, ваше сіятельство!—отвѣтилъ Мойсей Мойсичъ.

— Если завтра увидите его, то попросите, чтобы онъ ко мнѣ заѣхалъ на минутку.

Вдругъ, совсѣмъ неожиданно, на полвершка отъ своихъ глазъ Егорушка увидѣлъ черныя, бархатныя брови, большіе каріе глаза и выхоленные женскія щеки съ ямочками, отъ которыхъ, какъ лучи отъ солнца, по всему лицу разливалась улыбка. Чѣмъ-то великолѣпно запахло.

— Какой хорошенькій мальчикъ!—сказала дама.— Чей это? Казимиръ Михайловичъ, посмотрите, какая прелесть! Боже мой, онъ спитъ! Бутузъ ты мой милый...

И дама крѣпко поцѣловала Егорушку въ обѣ щеки, и онъ улыбнулся и, думая, что спитъ, закрылъ глаза. Дверной блокъ завизжалъ и послышались торопливые шаги: кто-то входилъ и выходилъ.

— Егорушка! Егорушка!—раздался густой шопотъ двухъ голосовъ.—Вставай, ѣхать!

Кто-то, кажется, Дениска, поставилъ Егорушку на ноги и повелъ его за руку; на пути онъ открылъ на половину глаза и еще разъ увидѣлъ красивую женщину въ черномъ платьѣ, которая цѣловала его. Она стояла посреди комнаты и, глядя, какъ онъ уходилъ, улыбалась и дружелюбно кивала ему головой. Подходя къ двери, онъ увидѣлъ какого-

то красиваго и плотнаго брюнета въ шляпѣ котелкомъ и въ крагахъ. Должно-быть, это былъ провожатый дамы.

— Тирр!—донеслось со двора.

У порога дома Егорушка увидѣлъ новую, роскошную коляску и пару черныхъ лошадей. На козлахъ сидѣлъ лакей въ ливреѣ и съ длиннымъ хлыстомъ въ рукахъ. Провожать уѣзжающихъ вышелъ одинъ только Соломонъ. Лицо его было напряжено отъ желанія расхохотаться; онъ глядѣлъ такъ, какъ будто съ большимъ нетерпѣнiемъ ждалъ отъѣзда гостей, чтобы вволю посмѣяться надъ ними.

— Графиня Драницкая, — прошепталъ о. Христофоръ, полѣзая въ бричку.

— Да, графиня Драницкая, — повторилъ Кузьмичовъ тоже шопотомъ.

Впечатлѣнiе, произведенное прiѣздомъ графини, было, вѣроятно, очень сильно, потому что даже Дениска говорилъ шопотомъ и только тогда рѣшился стегнуть по гнѣдымъ и крикнуть, когда бричка пробѣжала съ четверть версты и когда далеко назади вмѣсто постоялаго двора виденъ ужъ былъ одинъ только тусклый огонекъ.

IV.

Кто же, наконецъ, этотъ неуловимый, таинственный Варламовъ, о которомъ такъ много говорятъ, котораго презираетъ Соломонъ и который нуженъ даже красивой графинѣ? Сѣвши на передокъ рядомъ съ Дениской, полусонный Егорушка думалъ именно объ этомъ человѣкѣ. Онъ никогда не видѣлъ его, но очень часто слышалъ о немъ и нерѣдко рисовалъ его въ своемъ воображенiи. Ему извѣстно было, что Варламовъ имѣетъ нѣсколько десятковъ тысячъ десятинъ земли, около сотни тысячъ овецъ и очень много денегъ; объ его образѣ жизни и занятяхъ Егорушкѣ было извѣстно только то, что онъ всегда «кружился въ этихъ мѣстахъ» и что его всегда ищутъ.

Много слышалъ у себя дома Егорушка и о графинѣ Драницкой. Она тоже имѣла нѣсколько десятковъ тысячъ десятинъ, много овецъ, конскiй заводъ и много денегъ, но не «кружилась», а жила у себя въ богатой усадьбѣ, про которую знакомые и Иванъ Ивановичъ, не разъ бывавшiй у графини по дѣламъ, рассказывали много чудеснаго; такъ, говорили, что въ графининой гостиной, гдѣ висятъ портреты

всѣхъ польскихъ королей, находились большіе столовые часы, имѣвшіе форму утеса. на утесѣ стоялъ дыбомъ золотой конь съ брилліантовыми глазами, а на конѣ сидѣлъ золотой всадникъ, который всякій разъ, когда часы били, взмахивалъ шашкой направо и налево. Рассказывали также, что раза два въ годъ графиня давала балъ, на который приглашались дворяне и чиновники со всей губерніи и пріѣзжали даже Варламовъ; всѣ гости пили чай изъ серебряныхъ самоваровъ, ѣли все необыкновенное (напримѣръ, зимою, на Рождество, подавались малина и клубника) и плясали подъ музыку, которая играла день и ночь...

«А какая она красивая!»—думалъ Егорушка, вспоминая ея лицо и улыбку.

Кузьмичовъ, вѣроятно, тоже думалъ о графинѣ, потому что, когда бричка проѣхала версты двѣ, онъ сказалъ:

— Да и здорово же обираетъ ее этотъ Казимиръ Михайлычъ! Въ третьемъ годѣ, когда я у нея, помните, шерсть покупалъ, онъ на одной моей покушкѣ тысячи три нажилъ.

— Отъ ляха иного и ждать нельзя,—сказалъ о. Христофоръ.

— А ей и горюшка мало. Сказано, молодая да глупая. Въ головѣ вѣтеръ такъ и ходитъ!

Егорушкѣ почему-то хотѣлось думать только о Варламовѣ и графинѣ, въ особенности о послѣдней. Его сонный мозгъ совсѣмъ отказался отъ обыкновенныхъ мыслей, туманился и удерживалъ одни только сказочные, фантастическіе образы, которые имѣютъ то удобство, что какъ-то сами собой, безъ всякихъ хлопотъ со стороны думающаго, зарождаются въ мозгу и сами—стоятъ только хорошенько встряхнуть головой—исчезаютъ безслѣдно; да и все, что было кругомъ, не располагало къ обыкновеннымъ мыслямъ. Направо темнѣли холмы, которые, казалось, заслоняли собой что-то невѣдомое и страшное, налево все небо надъ горизонтомъ было залито багровымъ заревомъ, и трудно было понять, былъ ли то гдѣ-нибудь пожаръ, или же собиралась восходить луна. Даль была видна, какъ и днемъ, но ужъ ея нѣжная лиловая окраска, затушеванная вечерней мглой, пропала, и вся степь пряталась во мглѣ, какъ дѣти Мойсея Мойсенча подъ одѣяломъ.

Въ іюльскіе вечера и ночи уже не кричатъ перепела и коростели, не поютъ въ лѣсныхъ балочкахъ соловьи, не

пахнетъ цвѣтами, но степь все еще прекрасна и полна жизни. Едва зайдетъ солнце и землю окутаетъ мгла, какъ дневная тоска забыта, все прощено, и степь легко вздыхаетъ широкою грудью. Какъ будто отъ того, что травѣ не видно въ потемкахъ своей старости, въ ней поднимается веселая, молодая трескотня, какой не бываетъ днемъ; трескъ, подсвистыванье, царпанье, степные басы, тенора и дисканты—все мѣшается въ непрерывный, монотонный гулъ, подъ который хорошо вспоминать и грустить. Однообразная трескотня убаюкиваетъ, какъ колыбельная пѣсня; ѣдешь и чувствуешь, что засыпаешь, но вотъ откуда-то доносится отрывистый, тревожный крикъ не уснувшей птицы, или раздается неопредѣленный звукъ, похожій на чей-то голосъ, въ родѣ удивленнаго «а-а!»—и дремота опускаетъ вѣки. А то, бывало, ѣдешь мимо балочки, гдѣ есть кусты, и слышишь, какъ птица, которую степняки зовутъ сплюкомъ, кому-то кричить: «сплю! сплю! сплю!», а другая хохочетъ или заливается истерическимъ плачемъ—это сова. Для кого онѣ кричатъ и кто ихъ слушаетъ на этой равнинѣ, Богъ ихъ знаетъ, но въ крикѣ ихъ много грусти и жалобы... Пахнетъ сѣномъ, высушенной травой и запоздалыми цвѣтами, но запахъ густъ, сладко-приторенъ и нѣженъ.

Сквозь мглу видно все, но трудно разобрать цвѣтъ и очертанія предметовъ. Все представляется не тѣмъ, что оно есть. ѣдешь и вдругъ видишь, впереди у самой дороги стоитъ силуэтъ, похожій на монаха; онъ не шевелится, ждетъ и что-то держитъ въ рукахъ... Не разбойникъ ли это? Фигура приближается, растетъ, вотъ она поровнялась съ брочкой, и вы видите, что это не человѣкъ, а одинокій кустъ или большой камень. Такія неподвижныя, кого-то ожидающія фигуры стоятъ на холмахъ, прячутся за курганами, выглядываютъ изъ бурьяна, и всѣ онѣ походятъ на людей и внушаютъ подозрѣнiе.

А когда восходитъ луна, ночь становится блѣдной и темной. Мглы какъ не бывало. Воздухъ прозраченъ, свѣтъ и тепель, всюду хорошо видно и даже можно различить у дороги отдѣльные стебли бурьяна. На далекое пространство видны черепа и камни. Подозрительныя фигуры, похожія на монаховъ, на свѣтломъ фонѣ ночи кажутся чернѣе и смотрятъ угрюмѣе. Чаще и чаще среди монотонной трес-

котни, тревожа неподвижный воздух, раздается что-то удивленное «а-а!» и слышится крик не уснувшей или бредящей птицы. Широкия тѣни ходятъ по равнинѣ, какъ облака по небу, а въ непонятной дали, если долго всматриваться въ нее, высятся и гроздятся другъ на друга туманные, причудливые образы... Немножко жутко. А взглянешь на блѣдно-зеленое, усыпанное звѣздами небо, на которомъ ни облачка, ни пятна, и поймешь, почему теплый воздухъ недвижимъ, почему природа на-сторожѣ и боится шевельнуться: ей жутко и жаль утратить хоть одно мгновеніе жизни. О необъятной глубинѣ и безграничности неба можно судить только на морѣ, да въ степи ночью, когда свѣтитъ луна. Оно страшно, красиво и ласково, глядитъ томно и манить къ себѣ, а отъ ласки его кружится голова.

Бдешь часть-другой... Понадается на пути молчаливый старикъ-курганъ, или каменная баба, поставленная Богомъ въдасть кѣмъ и когда, безшумно пролетитъ надъ землею почная птица, и мало-по-малу на память приходятъ степныя легенды, рассказы встрѣчныхъ, сказки няньки-стеннички и все то, что самъ сумѣлъ увидѣть и постичь душою. И тогда въ трескотиѣ пастушечьихъ, въ подозрительныхъ фигурахъ и курганахъ, въ голубомъ небѣ, въ лунномъ свѣтѣ, въ полетѣ ночной птицы, во всемъ, что видишь и слышишь, начинаютъ чудиться торжество красоты, молодость, расцвѣтъ силъ и страстная жажда жизни; душа даетъ откликъ прекрасной, суровой родинѣ, и хочется летѣть надъ степью вмѣстѣ съ ночной птицей. И въ торжествѣ красоты, въ излишкѣ счастья чувствуешь напряженіе и тоску, какъ будто степь сознаетъ, что она одинока, что богатство ея и вдохновеніе гибнуть даромъ для міра, никѣмъ не воспѣтыя и никому ненужныя, и сквозь радостный гулъ слышишь съ тоскливымъ, безнадежнымъ призывъ: пѣвца! пѣвца!

— Тирр! Здорово, Пантелей! Все благополучно?

— Слава Богу, Ивалъ Ивановичъ!

— Не видали, ребята, Варламова?

— Нѣтъ, не видали.

Егорушка проснулся и открылъ глаза. Бричка стояла. Направо, по дорогѣ далеко впередъ тянулся обозъ, около котораго сновали какіе-то люди. Всѣ везы, потому что на нихъ лежали большіе тюки съ шерстью, казались очень высокими и пухлыми, а лошади—маленькими и коротконогими.

— Такъ мы, значить, теперь къ молокану поѣдемъ! — громко говорилъ Кузьмичовъ. — Жидъ сказывалъ, что Варламовъ у молокана почуетъ. Въ такомъ случаѣ прощайте, братцы! Съ Богомъ!

— Прощайте, Иванъ Иванычъ! — отвѣтило нѣсколько голосовъ.

— Вотъ что, ребята, — живо сказалъ Кузьмичовъ: — вы бы взяли съ собой моего парнишку! Что ему съ нами зря болтаться? Посади его, Пантелей, къ себѣ на тюкъ и пусть себѣ ѣдетъ по-маленьку, а мы догонимъ. Ступай, Егоръ! Иди, ничего!..

Егорушка слѣзъ съ передка. Нѣсколько рукъ подхватило его, подняло высоко вверхъ, и онъ очутился на чемъ-то большомъ, мягкомъ и слегка влажномъ отъ росы. Теперь ему казалось, что небо было близко къ нему, а земля далеко.

— Эй, возьми свою пальтишку! — крикнулъ гдѣ-то далеко внизу Дениска.

Пальто и узелокъ, подброшенные снизу, упали возлѣ Егорушки. Онъ быстро, не желая ни о чемъ думать, положилъ подъ голову узелокъ, укрылся пальто и, протягивая ноги во всю длину, пожимаясь отъ росы, засмѣялся отъ удовольствія.

«Спать, спать, спать...» — думалъ онъ.

— Вы же, черти, его не забижайте! — слышался снизу голосъ Дениски.

— Прощайте, братцы! Съ Богомъ! — крикнулъ Кузьмичовъ. — Я на васъ надѣюсь!

— Будьте покойны, Иванъ Иванычъ!

Дениска ахнулъ на лошадей, бричка взвизгнула и покатила, но ужъ не по дорогѣ, а куда-то въ сторону. Минуты двѣ было тихо, точно обозъ уснулъ, и только слышалось, какъ вдали мало-по-малу замирало лязганье ведра, привязаннаго къ задку брички. Но вотъ впереди обоза кто-то крикнулъ:

— Кирюха, тро-о-гай!

Заскрипѣлъ самый передній возъ, за нимъ другой, третій... Егорушка почувствовалъ, какъ возъ, на которомъ онъ лежалъ, покачулся и тоже заскрипѣлъ. Обозъ тронулся. Егорушка покрѣпче взялся рукой за веревку, которою былъ перевязанъ тюкъ, еще засмѣялся отъ удовольствія, попра-

вилъ въ карманѣ пряникъ и сталъ засыпать такъ, какъ онъ обыкновенно засыпалъ у себя дома въ постели...

Когда онъ проснулся, уже восходило солнце; курганъ за-слонялъ его собою, а оно, стараясь брызнуть свѣтомъ на мѣръ, напряженно паяло свои лучи во всѣ стороны и заливало горизонтъ золотомъ. Егорушкѣ показалось, что оно было не на своемъ мѣстѣ, такъ какъ вчера оно восходило сзади за его спиной, а сегодня много лѣвѣе... Да и вся мѣстность не походила на вчерашнюю. Холмовъ уже не было, а всюду, куда ни взглянешь, тянулась безъ конца бурая, невеселая равнина; кое-гдѣ на ней высились небольшие курганы, и летали вчерашніе грачи. Далекое впереди бѣлѣли колокольни и избы какой-то деревни; по случаю воскреснаго дня хохлы сидѣли дома, пекли и варили—это видно было по дыму, который шелъ изъ всѣхъ трубъ и сизой, прозрачной пеленой висѣлъ надъ деревней. Въ промежуткахъ между избъ и за церковью синѣла рѣка, а за нею туманилась даль. Но ничто не походило такъ мало на вчерашнее, какъ дорога. Что-то необыкновенно широкое, размашистое и богатырское тянулось по степи вмѣсто дороги; то была сѣрая полоса, хорошо выѣзженная и покрытая пылью, какъ всѣ дороги, но шириною въ нѣсколько десятковъ сажень. Своимъ просторомъ она возбудила въ Егорушкѣ недоумѣніе и навела его на сказочныя мысли. Кто по ней ѣздитъ? Кому нуженъ такой просторъ? Пено-нятно и странно. Можно, въ самомъ дѣлѣ, подумать, что на Руси еще не перевелись громадные, широко-шагающіе люди, въ родѣ Ильи Муромца и Соловья Разбойника, и что еще не вымерли богатырскіе кони. Егорушка, взглянувъ на дорогу, вообразилъ штукъ шесть высокихъ, рядомъ скачущихъ колесницъ, въ родѣ тѣхъ, какія онъ видывалъ на рисункахъ въ Священной исторіи; заложены эти колесницы въ шестерки дикихъ бѣшеныхъ лошадей и своими высокими колесами поднимаютъ до неба облака пыли, а лошадьми правятъ люди, какіе могутъ сниться или выра-стать въ сказочныхъ мысляхъ. И какъ бы эти фигуры были къ лицу степи и дорогѣ, если бы онѣ существовали! По правой сторонѣ дороги на всемъ ея протяженіи стояли телеграфные столбы съ двумя проволоками. Становясь все меньше и меньше, они около деревни исчезали за избами и зеленью, а потомъ опять показывались въ лиловой дали

въ видѣ очень маленькихъ, тоненькихъ палочекъ, похожихъ на карандаши, воткнутые въ землю. На проволокахъ сидѣли ястребы, кобчики и вороны и равнодушно глядѣли на двигавшійся обозъ.

Егорушка лежалъ на самомъ заднемъ возу и могъ поэтому видѣть весь обозъ. Всѣхъ подводъ въ обозѣ было около двадцати и на каждыя три подводы приходилось по одному возчику. Около задняго воза, гдѣ былъ Егорушка, шель старикъ съ сѣдой бородой, такой же тощій и малорослый, какъ о. Христофоръ, но съ лицомъ бурымъ отъ загара, строгимъ и задумчивымъ. Очень можетъ быть, что этотъ старикъ не былъ ни строгъ, ни задумчивъ, но его красныя вѣки и длинный, острый носъ придавали его лицу строгое, сухое выраженіе, какое бываетъ у людей, привыкшихъ думать всегда о серьезномъ и въ одиночку. Какъ и на о. Христофорѣ, на немъ былъ широкополый цилиндръ, но не барскій, а войлочный и бурый, похожій скорѣе на усѣченный конусъ, чѣмъ на цилиндръ. Ноги его были босы. Вѣроятно, по привычкѣ, пріобрѣтенной въ холодныя зимы, когда не разъ, небось, приходилось ему мерзнуть около обоза, онъ на ходу похлопывалъ себя по бедрамъ и притопывалъ ногами. Замѣтивъ, что Егорушка проснулся, онъ поглядѣлъ на него и сказалъ, пожимаясь какъ отъ мороза:

— А, проснулся, молодчикъ! Сыномъ Ивану Ивановичу-то доводишься?

— Пѣтъ, племянникъ...

— Ивану Ивановичу-то? А я вотъ сапожки снялъ и босикомъ прыгаю. Ножки у меня больныя, стуженыя, а безъ сапоговъ оно выходитъ слободнѣ... Слободнѣ, молодчикъ... То-есть безъ сапоговъ-то... Значить, племянникъ? А онъ хорошиій человекъ, ничего... Дай Богъ здоровья... Ничего... Я про Ивана Ивановича-то... Къ молочану поѣхалъ... О, Господи помилуй!

Старикъ и говорилъ такъ, какъ будто было очень холодно, съ разстановками и не раскрывая какъ слѣдуетъ рта; и губныя согласныя выговаривалъ онъ плохо, заикаясь на нихъ, точно у него замерзли губы. Обращаясь къ Егорушкѣ, онъ ни разу не улыбнулся и казался строгимъ.

Дальше черезъ двѣ подводы шель съ кнутомъ въ рукѣ человекъ въ длинномъ выжемѣ пальто, въ картузѣ и сапо-

гахъ съ опустившимися голенищами. Этотъ былъ не старъ, лѣтъ сорока. Когда онъ оглянулся, Егорушка увидѣлъ длинное, красное лицо съ жидкой козлиной бородкой и съ губчатой шишкой подъ правымъ глазомъ. Кромѣ этой очень некрасивой шишки, у него была еще одна особая примѣта, рѣзко бросавшаяся въ глаза: въ лѣвой рукѣ держалъ онъ кнутъ, а правую помахивалъ такимъ образомъ, какъ будто дирижировалъ невидимымъ хоромъ; изрѣдка онъ бралъ кнутъ подъ мышку и тогда ужъ дирижировалъ обѣими руками и что-то гудѣлъ себѣ подъ носъ.

Слѣдующій за нимъ подводчикъ представлялъ изъ себя длинную, прямолинейную фигуру съ сильно покатыми плечами и съ плоской, какъ доска, спиной. Онъ держался прямо, какъ будто маршировалъ или проглотилъ аршинъ, руки у него не болтались, а отвисали, какъ прямыя палки, и шагалъ онъ какъ-то деревянно, на манеръ игрушечныхъ солдатиковъ, почти не сгибая колѣнъ и стараясь сдѣлать шагъ возможно пошире; когда старикъ или обладатель губчатой шишки дѣлали по два шага, онъ успѣвалъ дѣлать только одинъ, и потому казалось, что онъ идетъ медленнѣе всѣхъ и отстасть. Лицо у него было подвязано тряпкой и на головѣ торчало что-то въ родѣ монашеской скуфейки; одѣтъ онъ былъ въ короткую хохлацкую чумарку, всю усыпанную латками, и въ синіе шаровары на-выпускъ, а обувь въ лапти.

Тѣхъ, кто былъ дальше, Егорушка уже не разглядывалъ. Онъ легъ животомъ внизъ, расковырялъ въ тюкѣ дырочку и отъ нечего дѣлать сталъ вить изъ персти ниточки. Старикъ, шагавшій внизу, оказался не такимъ строгимъ и серьезнымъ, какъ можно было судить по его лицу. Разъ начавши разговоръ, онъ ужъ не прекращалъ его.

— Ты куда же ѣдешь?—спросилъ онъ, притопывая ногами.

— Учиться,—отвѣтилъ Егорушка.

— Учиться? Ага... Ну, помогай Царица Небесная. Такъ. Умъ хорошо, а два лучше. Одному человѣку Богъ одинъ умъ даетъ, а другому два ума, а иному и три... Иному три, это вѣрно... Одинъ умъ, съ какимъ мать родила, другой отъ ученія, а третій отъ хорошей жизни. Такъ вотъ, братуша, хорошо, ежели у котораго человѣка три ума. Тому, не то что жить, и помирать легче. Помирать-то... А помереть всѣ какъ есть.

Старикъ почесалъ себѣ лобъ, взглянулъ красными глазами вверхъ на Егорушку и продолжалъ:

— Максимъ Николаичъ, баринъ изъ-подъ Славяносербска, въ прошломъ годѣ тоже повезъ своего парнишку въ ученіе. Не знаю, какъ онъ тамъ въ разсужденіи наукъ, а парнишка ничего, хорошій... Дай Богъ здоровья, славные господа. Да, тоже вотъ повезъ въ учење... Въ Славяносербскомъ нѣту такого заведенія, чтобъ, стало-быть, до науки доводить. Нѣту... А городъ ничего, хорошій... Школа обыкновенная, для простаго званія есть, а чтобъ насчетъ большаго ученья, такихъ нѣту... Нѣту, это вѣрно. Тебя какъ звать?

— Егорушка.

— Стало-быть, Егорій... Святаго великомученика Егоргія Побѣдоносца числа двадцать третьяго апрѣля. А мое святое имя Пантелей... Пантелей Захаровъ Холодовъ... Мы Холодовы будемъ... Самъ я уроженный, можетъ, слыхалъ, изъ Тима, Курской губерніи. Браты мои въ мѣщане отписались и въ городѣ мастерствомъ занимаются, а я мужикъ... Мужикомъ остался. Годовъ семь назадъ ѣздилъ я туда... домой то-есть. И въ деревнѣ былъ, и въ городѣ... Въ Тимѣ, говорю, былъ. Тогда, благодарить Бога, все живы и здоровы были, а теперь не знаю... Можетъ, кто и померъ... А помирать ужъ время, потому все старыя, есть которые постарше меня. Смерть ничего, оно хорошо, да только бы, конечно, безъ покаянія не помереть. Нѣтъ пуце лиха, какъ наглая смерть. Наглая-то смерть бѣсу радость. А коли хочешь съ покаяніемъ помереть, чтобы, стало-быть, въ чертоги Божіи запрету тебѣ не было, Варварѣ великомученицѣ молись. Она ходатайница. Она, это вѣрно... Потому ей Богъ въ небесѣхъ такое положеніе опредѣлить, чтобъ, значить, каждый имѣлъ полную праву ее насчетъ покаянія молить.

Пантелей бормоталъ и, повидимому, не заботился о томъ, слышитъ его Егорушка, или нѣтъ. Говорилъ онъ вяло, себѣ подъ носъ, не повышая и не понижая голоса, но въ короткое время успѣлъ разсказать о многомъ. Все разсказанное имъ состояло изъ обрывковъ, имѣвшихъ очень мало связи между собой и совсѣмъ неинтересныхъ для Егорушки. Быть-можетъ, онъ говорилъ только для того, чтобы теперь утромъ послѣ ночи, проведенной въ молчаніи, произ-

вести вслухъ провѣрку своимъ мыслямъ: всё ли онѣ дома? Кончивъ о покаяннн, онѣ омять заговорилъ о какомъ-то Максимѣ Николаевичѣ изъ-подъ Славяносербска:

— Да, повезъ парнишку... Повезъ, это вѣрно...

Одинъ изъ подводчиковъ, шедшихъ далеко впереди, рванулся съ мѣста, побѣжалъ въ сторону и сталъ хлестать кнутомъ по землѣ. Это былъ рослый, широкоплечій мужчина лѣтъ тридцати, русый, кудрявый и, повидимому, очень сильный и здоровый. Судя по движеніямъ его плечъ и кнута, по жадности, которую выражала его поза, онѣ билъ что-то живое. Къ нему побѣжалъ другой подводчикъ, низенькій и коренастый, съ черной окладистой бородой, одѣтый въ жилетку и рубаху на-выпускъ. Этотъ разразился басистымъ каняющимъ смѣхомъ и закричалъ:

— Братцы, Дымовъ змѣя убилъ! Ей-Богу!

Есть люди, объ умѣ которыхъ можно вѣрно судить по ихъ голосу и смѣху. Чернобородый принадлежалъ именно къ такимъ счастливымъ: въ его голосѣ и смѣхѣ чувствовалась непроходимая глупость. Кончивъ хлестать, русый Дымовъ поднялъ кнутомъ съ земли и со смѣхомъ швырнулъ къ подводамъ что-то похожее на веревку.

— Это не змѣя, а ужъ,—крикнулъ кто-то.

Деревянно шагавшій человекъ съ подвязаннымъ лицомъ быстро зашагалъ къ убитой змѣѣ, взглянулъ на нес и всплеснулъ своими палкообразными руками.

— Каторжный!— закричалъ онѣ глухимъ, плачущимъ голосомъ.— За что ты ужика убилъ? Что онѣ тебѣ сдѣлалъ, проклятый ты? Ишь, ужика убилъ! А ежели бы тебя такъ?

— Ужа нельзя убивать, это вѣрно...—покойно забормоталъ Пантелей. — Нельзя... Это не гадюка. Онѣ хоть по виду змѣя, а тварь тихая, безвинная... Человекъ любитъ... Ужъ-то...

Дымову и чернобородому, вѣроятно, стало совѣстно, потому что они громко засмѣялись и, не отвѣчая на ропотъ, лѣниво ползали къ своимъ возамъ. Когда задняя подвода поровнялась съ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ лежалъ убитый ужъ, человекъ съ подвязаннымъ лицомъ, стоящій надъ ужомъ, обернулся къ Пантелею и спросилъ плачущимъ голосомъ:

— Дѣдъ, ну за что онѣ убилъ ужика?

Глаза у него, какъ теперь разглядѣлъ Егорушка, были маленькіе, тусклые, лицо сѣрое, больное и тоже какъ будто

тусклое, а подбородокъ былъ красенъ и представлялся сильно опухшимъ.

— Дѣдь, ну за что убилъ?—повторилъ онъ, шагая рядомъ съ Пантелеемъ.

— Глупый человѣкъ, руки чешутся, оттого и убилъ,— отвѣтилъ старикъ.—А ужа бить нельзя... Это вѣрно... Дымовъ, извѣстно, озорникъ, все убьетъ, что подъ руку попадется, а Кирюха не вступился. Вступиться бы надо, а онъ—ха-ха-ха, да хо-хо-хо... А ты, Вася, не серчай... Зачѣмъ серчать? Убили, ну и Богъ съ ними... Дымовъ озорникъ, а Кирюха отъ глушаго ума... Ничего... Люди глухие, не понимающіе, ну и Богъ съ ними. Вотъ Емельянъ никогда не тронетъ, что не надо... Никогда, это вѣрно... Потому человѣкъ образованный, а они глухие... Емельянтъ-то... Онъ не тронетъ.

Подводчикъ въ рыжемъ пальто и съ губчатой шинкой, дирижировавшій невидимымъ хоромъ, услышавъ свое имя, остановился и, выждавъ, когда Пантелей и Вася поровнялись съ нимъ, пошелъ рядомъ.

— О чемъ разговоръ?—спросилъ онъ сильнымъ придуреннымъ голосомъ.

— Да вотъ Вася серчаетъ,—сказалъ Пантелей.—Я ему разныя слова, чтобы онъ не серчалъ, значить... Эхъ, ножки мои большыя, стуженыя! Э-эхъ! Раззудѣлись ради воскресенья, праздничка Господня!

— Это отъ ходьбы,—замѣтилъ Вася.

— Нѣ, паря, нѣ... Пе отъ ходьбы. Когда хожу, словно легче, когда ложусь да согрѣюсь—смерть моя. Ходить мнѣ вольготнѣй.

Емельянъ въ рыжемъ пальто сталъ между Пантелеемъ и Васей и замахалъ рукой, какъ будто тѣ собирались пѣть. Помахавъ немножко, онъ опустилъ руку и безнадежно крикнулъ.

— Нѣту у меня голосу!—сказалъ онъ.—Чистая напасть! Всю ночь и утро мерещится мнѣ трѣйное «Господи помилуй», что мы на вѣнчаніи у Мариновскаго пѣли; сидитъ оно въ головѣ и въ глоткѣ... такъ бы, кажется, и сѣбля, а не могу! Нѣту голосу!

Онъ помолчалъ минуту, о чемъ-то думая, и продолжалъ:

— Пятнадцать лѣтъ былъ въ пѣвчихъ, во всемъ Луганскомъ заводѣ, можетъ, ни у кого такого голоса не было,

а какъ, чтобъ его шутъ, выкупался въ третьемъ году въ Донцѣ, такъ съ той поры ни одной ноты не могу взять чисто. Глотку застудилъ. А мнѣ безъ голоса все равно, что работнику безъ руки.

— Это вѣрно, — согласился Палтелей.

— Объ себѣ я такъ понимаю, что я пропащій человекъ и больше ничего.

Въ это время Вася нечаянно увидѣлъ Егорушку. Глаза сто замаслились и стали еще меньше.

— И паничокъ съ нами ѣдетъ! — сказалъ онъ и прикрылъ носъ рукавомъ, точно застыдившись. — Какой извозчикъ важный! Оставайся съ нами, будешь съ обозомъ ѣздить, шерсть возить.

Мысль о совмѣстности въ одномъ тѣлѣ паничка съ извозчикомъ показалось ему, вѣроятно, очень курьезной и остроумной, потому что онъ громко захихикалъ и продолжалъ развивать эту мысль. Емельянъ тоже взглянулъ вверхъ на Егорушку, но мелькомъ и холодно. Онъ былъ занятъ своими мыслями и, если бы не Вася, то не замѣтилъ бы присутствія Егорушки. Не прошло и пяти минутъ, какъ онъ опять замахалъ рукой, потомъ, расписывая своимъ спутникамъ красоты вѣнчальнаго «Господи помилуй», которое ночью пришло ему на память, взялъ кнутъ подъ мышку и замахалъ обѣими руками.

За версту отъ деревни обозъ остановился около колодца съ журавлемъ. Опуская въ колодець свое ведро, чернобородый Кирюха легъ животомъ на срубъ и сунулъ въ темную дыру свою мохнатую голову, плечи и часть груди, такъ что Егорушкѣ были видны однѣ только его короткія ноги, едва касавшіяся земли; увидѣвъ далеко на днѣ колодца отраженіе своей головы, онъ обрадовался и залился глупымъ, басовымъ смѣхомъ, а колодезное эхо отвѣтило ему тѣмъ же; когда онъ поднялся, его лицо и шея были красны, какъ кумачъ. Первый подбѣжалъ пить Дымовъ. Онъ пилъ со смѣхомъ, часто отрываясь отъ ведра и рассказывая Кирюхѣ о чемъ-то смѣшномъ, потомъ повернулся и громко, на всю степь, произнесъ штукъ пять нехорошихъ словъ. Егорушка не понималъ значенія подобныхъ словъ, но что они были дурныя, ему было хорошо извѣстно. Онъ зналъ объ отвращеніи, которое молчаливо питали къ нимъ его родные и знакомые, самъ, не зная почему, раздѣлялъ это чувство и привыкъ

думать, что одни только пьяные да буйные пользуются привилегией произносить громко эти слова. Онъ вспомнилъ убійство ужа, прислушался къ смѣху Дымова и почувствовалъ къ этому человѣку что-то въ родѣ ненависти. И какъ нарочно, Дымовъ въ это время увидѣлъ Егорушку, который слѣзъ съ воза и шелъ къ колодцу; онъ громко засмѣялся и крикнулъ:

— Братцы, старикъ ночью мальчишку родилъ!

Кириуха закаплялся отъ басоваго смѣха. Засмѣялся и еще кто-то, а Егорушка покраснѣлъ и окончательно рѣшилъ, что Дымовъ очень злой человѣкъ.

Русый, съ кудрявой головой, безъ шапки и съ разстегнутой на груди рубахой, Дымовъ казался красивымъ и необыкновенно сильнымъ; въ каждомъ его движеніи виденъ былъ озорникъ и силачъ, знающій себѣ цѣну. Онъ поводилъ плечами, подбоченивался, говорилъ и смѣялся громче всѣхъ, и имѣлъ такой видъ, какъ будто собирался поднять одной рукой что-то очень тяжелое и удивить этимъ весь міръ. Его шальной насмѣшливый взглядъ скользилъ по дорожѣ, по обозу и по небу, ни на чемъ не останавливался и, казалось, искалъ, кого бы убить отъ нечего дѣлать и надъ чѣмъ бы посмѣяться. Повидимому, онъ никого не боялся, ничѣмъ не стѣснялъ себя и, вѣроятно, совсѣмъ не интересовался мнѣніемъ Егорушки... А Егорушка ужъ всей душой ненавидѣлъ его русую голову, чистое лицо и силу, съ отвращеніемъ и страхомъ слушалъ его смѣхъ и придумывалъ, какое бы бранное слово сказать ему въ отместку.

Палителей тоже подошелъ къ ведру. Онъ вынулъ изъ кармана зеленый лампадный стаканчикъ, вытеръ его тряпочкой, зачерпнулъ имъ изъ ведра и выпилъ, потомъ еще разъ зачерпнулъ, завернулъ стаканчикъ въ тряпочку и положилъ его обратно въ карманъ.

— Дѣдь, зачѣмъ ты пьешь изъ лампадки? — удивился Егорушка.

— Кто пьетъ изъ ведра, а кто изъ лампадки, — отвѣтили уклончиво старикъ. — Каждый по-своему... Ты изъ ведра пьешь, ну и пей на здоровье...

— Голубушка моя, матушка - красавица, — заговорилъ вдругъ Вася ласковымъ, плачущимъ голосомъ. — Голубушка моя!

Глаза его были устремлены вдаль, они замаслились, улы-

бались и лицо приняло такое же выраженіе, какое у него было ранѣе, когда онъ глядѣлъ на Егорушку.

— Кому это ты?—спросилъ Кирюха.

— Лисичка-матушка... легла на спину и играетъ, словно собачка...

Всѣ стали смотрѣть вдаль и искать глазами лисицу, но ничего не нашли. Одинъ только Вася видѣлъ что-то своими мутными, сѣрыми глазками и восхищался. Зрѣніе у него, какъ потомъ убѣдился Егорушка, было поразительно острое. Онъ видѣлъ такъ хорошо, что бурая пустынная степь была для него всегда полна жизни и содержанія. Стоило ему только взглянуть вдаль, чтобы увидѣть лисицу, зайца, дрохву, или другое какое-нибудь животное, держащее себя подалеже отъ людей. Немудрено увидѣть убѣгающаго зайца или летящую дрохву—это видѣлъ всякій, проѣзжавшій степью,—но не всякому доступно видѣть дикихъ животныхъ въ ихъ домашней жизни, когда они не бѣгутъ, не прячутся и не глядятъ встревоженно по сторонамъ. А Вася видѣлъ играющихъ лисицъ, зайцевъ, умывающихся лапками, дрохвъ, расправляющихъ крылья, стрелетовъ, выбивающихъ свои «точки». Благодаря такой остротѣ зрѣнія, кромѣ міра, который видѣли всѣ, у Васи былъ еще другой міръ, свой собственный, никому недоступный и, вѣроятно, очень хорошій, потому что, когда онъ глядѣлъ и восхищался, трудно было не завидовать ему.

Когда обозъ тронулся дальше, въ церкви зазвонили къ обѣднѣ.

V.

Обозъ расположился въ сторонѣ отъ деревни на берегу рѣки. Солнце жгло по-вчерашнему, воздухъ былъ неподвиженъ и унылъ. На берегу стояло нѣсколько вербъ, но тѣнь отъ нихъ падала не на землю, а на воду, гдѣ пропадала даромъ, въ тѣни же подъ возами было душно и скучно. Вода, голубая оттого, что въ ней отражалось небо, страстно манила къ себѣ.

Подводчикъ Степка, на котораго только теперь обратилъ вниманіе Егорушка, восемнадцатилѣтній мальчикъ-хохолъ, въ длинной рубахѣ, безъ пояса и въ широкихъ шароварахъ на-выпускъ, болтавшихся при ходьбѣ, какъ флаги, быстро раздѣлся, сбѣжалъ внизъ по крутому бережку и бултых-

нулся въ воду. Онъ раза три нырнулъ, потомъ поплылъ на спинѣ и закрылъ отъ удовольствія глаза. Лицо его улыбалось и морщилось, какъ будто ему было щекотно, больно и смѣшно.

Въ жаркій день, когда некуда дѣваться отъ зноя и духоты, плескъ воды и громкое дыханіе купающагося человека дѣйствуютъ на слухъ, какъ хорошая музыка. Дымовъ и Кирюха, глядя на Стенку, быстро раздѣлись и одинъ за другимъ, съ громкимъ смѣхомъ и предвкушая наслажденіе, понадали въ воду. И тихая, скромная рѣчка огласилась фырканьемъ, плескомъ и крикомъ. Кирюха кашлялъ, смѣялся и кричалъ такъ, какъ будто его хотѣли утопить, а Дымовъ гонялся за нимъ и старался схватить его за ногу.

Ге-ге-ге!—кричалъ онъ.—Лови, держи его!

Кирюха хохоталъ и наслаждался, но выраженіе лица у него было такое же, какъ и на сунѣ: глуное, ошеломленное, какъ будто кто незамѣтно подкрался къ нему сзади и хватилъ его обухомъ по головѣ. Егорушка тоже раздѣлся, но не спускался внизъ по бережку, а разбѣжался и полетѣлъ съ полутора-саженной вышины. Описавъ въ воздухѣ дугу, онъ упалъ въ воду, глубоко погрузился, но дна не досталъ; какая-то сила, холодная и пріятная на ощупь, подхватила его и понесла обратно наверхъ. Онъ вынырнулъ и, фыркая, пуская пузыри, открылъ глаза; но на рѣкѣ какъ разъ возлѣ его лица отражалось солнце. Сначала ослѣпительныя искры, потомъ радуги и темныя пятна заходили въ его глазахъ; онъ поспѣшилъ опять нырнуть, открылъ въ водѣ глаза и увидѣлъ что-то мутно-зеленое, похожее на небо въ лунную ночь. Опять та же сила, не давая ему коснуться дна и побыть въ прохладѣ, понесла его наверхъ, онъ вынырнулъ и вздохнулъ такъ глубоко, что стало просторно и свѣжо не только въ груди, но даже въ животѣ. Потомъ, чтобы взять отъ воды все, что только можно взять, онъ позволялъ себѣ всякую роскошь: лежалъ на спинѣ и нѣжился, брызгался, кувыркался, плавалъ и на животѣ, и бокомъ, и на спинѣ, и въ стоячую — какъ хотѣлъ, пока не утомился. Другой берегъ густо поросъ камышомъ, золотился на солнцѣ, и камышевые цвѣты красивыми кистями наклонились къ водѣ. На одномъ мѣстѣ камышъ вздрагивалъ, кланялся своими цвѣтами и издавалъ трескъ — то Стенка и Кирюха «драли» раковъ.

— Ракъ! Гляди, братцы: ракъ!—закричалъ торжествующе Кирюха и показалъ дѣйствительно рака.

Егорушка поплылъ къ камышу, нырнулъ и сталъ шарить около камышевыхъ кореньевъ. Конаясь въ жидкомъ, оклизломъ илѣ, онъ нащупалъ что-то острое и противное, можетъ-быть, и въ самомъ дѣлѣ рака, но въ это время кто-то схватилъ его за ногу и потащилъ наверхъ. Захлебываясь и кашляя, Егорушка открылъ глаза и увидѣлъ передъ собой мокрое, смѣющееся лицо озорника Дымова. Озорникъ тяжело дышалъ и, судя по глазамъ, хотѣлъ продолжать шалить. Онъ крѣпко держалъ Егорушку за ногу и ужь поднималъ другую руку, чтобы схватить его за шею, но Егорушка съ отвращеніемъ и со страхомъ, точно брезгуя и боясь, что силачь его утопить, рванулся отъ него и проговорилъ:

— Дуракъ! Я тебѣ въ морду дамъ!

Чувствуя, что этого недостаточно для выраженія ненависти, онъ подумалъ и прибавилъ:

— Мерзавецъ! Сукинъ сынъ!

А Дымовъ, какъ ни въ чемъ не бывало, уже не замѣчалъ Егорушки, а плылъ къ Кирюхѣ и кричалъ:

— Ге-ге-гей! Давайте рыбу ловить! Ребята, рыбу ловить!

— А что жъ?—согласился Кирюха.—Должно, тутъ много рыбы...

— Стенка, побѣги на деревню, попроси у мужиковъ бредня!

— Не дадутъ!

— Дадутъ! Ты попроси! Скажи, чтобъ они замѣсто Христа ради, потому мы все равно—странники.

— Это вѣрно!

Стенка вылѣзъ изъ воды, быстро одѣлся и безъ шапки, болтая своими широкими шароварами, побѣжалъ къ деревнѣ. Послѣ столкновенія съ Дымовымъ вода потеряла уже для Егорушки всякую прелесть. Онъ вылѣзъ и сталъ одѣваться. Пантелей и Вася сидѣли на крутомъ берегу, свѣсивъ внизъ ноги, и глядѣли на купающихся. Емельянь голый стоялъ по-колѣна въ водѣ у самаго берега, держался одной рукой за траву, чтобы не упасть, а другою гладилъ себя по тѣлу. Съ костистыми лопатками, съ шипомъ подъ глазомъ, согнувшійся и явно трусившій воды,

онъ представлялъ изъ себя смѣшную фигуру. Лицо у него было серьезное, строгое, глядѣлъ онъ на воду сердито, какъ будто собирался выоранить ее за то, что она когда-то простудила его въ Доницѣ и отняла у него голосъ.

— А ты отчего не купаешься? — спросилъ Егорушка у Васи.

— А такъ... Не люблю...—отвѣтилъ Вася.

— Отчего это у тебя подбородокъ распухъ?

— Болить... Я, паничокъ, на спичечной фабрикѣ работаю... Докторъ сказывалъ, что отъ этого самаго у меня и черлюсть пухнетъ. Тамъ воздухъ нездоровый. А кромѣ меня, еще у троихъ ребятъ черлюсть раздуло, а у одного такъ совсѣмъ сгнила.

Скоро вернулся Степка съ бреднемъ. Дымовъ и Кирюха отъ долгаго пребыванія въ водѣ стали лиловыми и охрипли, но за рыбную ловлю принялись съ охотой. Сначала они пошли по глубокому мѣсту, вдоль камыша; тутъ Дымову было по шею, а малорослому Кирюхѣ съ головой; послѣдній захлебывался и пускалъ пузыри, а Дымовъ, натыкаясь на колючіе корни, падалъ и вставалъ въ бреднѣ, оба барахтались и шумѣли, и изъ ихъ рыбной ловли выходила одна шалость.

— Глыбоко,—хрипѣлъ Кирюха. — Ничего не поймаетъ!

— Не дергай, чортъ! — кричалъ Дымовъ, стараясь придать бредню надлежащее положеніе. — Держи руками!

— Тутъ вы не поимаете! — кричалъ имъ съ берега Пантелей. — Только рыбу пужаете, дурни! Забирайте влѣво! Тамъ мельчѣе!

Разъ надъ бреднемъ блеснула крупная рыбешка; всѣ ахнули, а Дымовъ ударилъ кулакомъ по тому мѣсту, гдѣ она исчезла, и на лицѣ его выразилась досада.

— Эхъ! — крикнулъ Пантелей и притопнулъ ногами. — Прозѣвали чикамаса! Ушелъ!

Забирая влѣво, Дымовъ и Кирюха мало-по-малу выбрались на мелкое и тутъ ловля пошла настоящая. Они забрели отъ подводъ шаговъ на триста; видно было, какъ они, молча и еле двигая ногами, стараясь забирать возможно глубже и поближе къ камышу, волокли бредень, какъ они, чтобы испугать рыбу и загнать ее къ себѣ въ бредень, били кулаками по водѣ и шурпали въ камышѣ. Отъ камыша они шли къ другому берегу, тащили тамъ

бредень, потомъ съ разочарованнымъ видомъ, высоко поднимая колѣна, шли обратно къ камышу. О чемъ-то они говорили, но о чемъ—не было слышно. А солнце жгло имъ въ спины, кусались мухи, и тѣла ихъ изъ лиловыхъ стали багровыми. За ними съ ведромъ въ рукахъ, засучивъ рубаху подъ самыя подмышки и держа се зубами за подолъ, ходилъ Стенка. Послѣ каждой удачной ловли онъ поднималъ вверхъ какую-нибудь рыбу и, блестя ею на солнцѣ, кричалъ:

— Поглядите, какой чикамась! Такихъ ужъ штукъ пять есть!

Видно было, какъ, вытащивъ бредень, Дымовъ, Кирюха и Стенка всякій разъ долго копались въ илѣ, что-то клали въ ведро, что-то выбрасывали; изрѣдка что-нибудь попавшее въ бредень они брали съ рукъ на руки, разсматривали съ любопытствомъ, потомъ тоже бросали...

— Что тамъ?—кричали имъ съ берега.

Стенка что-то отвѣчалъ, но трудно было разобрать его слова. Вотъ онъ вылезъ изъ воды и, держа ведро обѣими руками, забывая опустить рубаху, побѣжалъ къ подводамъ.

— Уже полное!—кричалъ онъ, тяжело дыша.—Давайте другое!

Егорушка заглянулъ въ ведро: оно было полно; изъ воды высывала свою некрасивую морду молодая щука, а возлѣ нея копошились раки и мелкія рыбешки. Егорушка запустилъ руку на дно и взболталъ воду; щука исчезла подъ раками, а вмѣсто нея всплыли наверхъ окунь и линь. Вася тоже заглянулъ въ ведро. Глаза его замаслились и лицо стало ласковымъ, какъ раньше, когда онъ видѣлъ лисицу. Онъ вынулъ что-то изъ ведра, поднесъ ко рту и сталъ жевать. Послышалось хрустѣнье.

— Братицы,—удивился Стенка:—Васька пискаря живьемъ ѣсть! Тьфу!

— Это не пискарь, а бобырикъ,—покойно отвѣтилъ Вася, продолжая жевать.

Онъ вынулъ изъ рта рыбій хвостикъ, ласково поглядѣлъ на него и опять сунулъ въ ротъ. Пока онъ жевалъ и хрустѣлъ зубами, Егорушкѣ казалось, что онъ видитъ передъ собой не человѣка. Пухлый подбородокъ Васи, его тусклые глаза, необыкновенно острое зрѣніе, рыбій хвостикъ во рту

и ласковость, съ какою онъ жеваль пискаря, дѣлали его похожимъ на животное.

Егорушкѣ стало скучно возлѣ него. Да и рыбная ловля уже кончилась. Онъ прошелся около возовъ, подумаль и отъ скуки поплелся къ деревнѣ.

Немного погода, онъ уже стоялъ въ церкви и, положивъ лобъ на чью-то спину, пахнувшую коноплей, слушалъ, какъ пѣли на клиросѣ. Обѣдня уже близилась къ концу. Егорушка ничего не пошмалъ въ церковномъ пѣвнѣи и былъ равнодушенъ къ нему. Онъ послушалъ немного, зѣвнулъ и сталъ разсматривать затылки и спины. Въ одномъ затылкѣ, рыжемъ и мокромъ отъ недавняго купанья, онъ узналъ Емельяна. Затылокъ былъ выстриженъ подъ скобку и выше, чѣмъ принято; виски были тоже выстрижены выше, чѣмъ слѣдуетъ, и красныя уши Емельяна торчали, какъ два лопуха, и, казалось, чувствовали себя не на своемъ мѣстѣ. Глядя на затылокъ и на уши, Егорушка почему-то подумаль, что Емельянъ, вѣроятно, очень несчастливъ. Онъ вспомнилъ его дирижированіе, сильный голосъ, робкій видъ во время куанья и почувствовалъ къ нему сильную жалость. Ему захотѣлось сказать что-нибудь ласковое.

— А я здѣсь!—сказаль онъ, дернувъ его за рукавъ.

Люди, поющіе въ хорѣ теноромъ или басомъ, особенно тѣ, которымъ хотъ разъ въ жизни приходилось дирижировать, привыкають смотрѣть на мальчиковъ строго и нелюдно. Эту привычку не оставляють они и потомъ, переставая быть пѣвчими. Обернувшись къ Егорушкѣ, Емельянъ поглядѣлъ не него исподобья и сказалъ:

— Не балуйся въ церкви!

Затѣмъ Егорушка пробрался впередъ поближе къ иконостасу. Тутъ онъ увидѣлъ интересныхъ людей. Впереди всѣхъ по правую сторону на коврѣ стояли какіе-то господинъ и дама. Позади нихъ стояло по стулу. Господинъ былъ одѣтъ въ свѣже-выглаженную чечунчовую пару, стоялъ неподвижно, какъ солдатъ, отдающій честь, и высоко держаль свой синій, бритый подбородокъ. Въ его стоячихъ воротничкахъ, въ синевѣ подбородка, въ небольшой лысинѣ и въ трости чувствовалось очель много достоинства. Отъ избытка достоинства шея его была напряжена и подбородокъ тянуло вверхъ съ такой силой, что голова, казалось, каждую минуту готова была оторваться и полетѣть

вверхъ. А дама, полная и пожилая, въ бѣлой шелковой шали, склонила голову на бокъ и глядѣла такъ, какъ будто только-что сдѣлала кому-то одолженіе и хотѣла сказать:—«Ахъ, не беспокойтесь благодарить! Я этого не люблю...» Вокругъ ковра густой стѣной стояли хохлы.

Егорушка подошелъ къ иконостасу и сталъ прикладываться къ мѣстнымъ иконамъ. Передъ каждымъ образомъ онъ не сѣмна клалъ земной поклонъ, не вставая съ земли, оглядываясь назадъ на народъ, потомъ вставалъ и прикладывался. Прикосновеніе лбомъ къ холодному полу доставляло ему большое удовольствіе. Когда изъ алтаря вышелъ сторожъ съ длинными щипцами, чтобы тушить свѣчи, Егорушка быстро вскочилъ съ земли и побѣжалъ къ нему.

— Раздавали ужъ просфору?—спросилъ онъ.

— Нѣту, нѣту...—угрюмо забормоталъ сторожъ.—Нечего тутъ...

Обѣдня кончилась. Егорушка не сѣмна вышелъ изъ церкви и пошелъ бродить по площади. На своемъ вѣку перевидалъ онъ не мало деревень, площадей и мужиковъ, и все, что теперь понадалось ему на глаза, совсѣмъ не интересовало его. Отъ нечего дѣлать, чтобы хоть чѣмъ-нибудь убить время, онъ зашелъ въ лавку, надъ дверями которой висѣла широкая, кумачевая полоса. Лавка состояла изъ двухъ просторныхъ, плохо освѣщенныхъ половинъ: въ одной продавались красный товаръ и бакалея, а въ другой стояли бочки съ дегтемъ и висѣли на потолокѣ хомуты; изъ той, другой, шелъ вкусный запахъ кожи и дегтя. Полъ въ лавкѣ былъ политъ; поливалъ его, вѣроятно, большой фантазеръ и вольнодумецъ, потому что весь онъ былъ покрытъ узорами и кабалистическими знаками. За прилавкомъ, опершись животомъ о конторку, стоялъ откормленный лавочникъ съ широкимъ лицомъ и съ круглой бородой, повидимому, великороссъ. Онъ пилъ чай въ прикуску и послѣ cadaго глотка испускалъ глубокій вздохъ. Лицо его выражало совершенное равнодушіе, но въ каждомъ вздохѣ слышалось: «Ужо погоди, задамъ я тебѣ!»

— Дай мнѣ на копейку подсолнуховъ!—обратился къ нему Егорушка.

Лавочникъ поднялъ брови, вышелъ изъ-за прилавка и всыпалъ въ карманъ Егорушки на копейку подсолнуховъ, причемъ мѣрой служила пустая номадная баночка. Его-

рушкѣ не хотѣлось уходить. Онъ долго разсматривалъ ящики съ пряниками, подумалъ и спросилъ, указывая на мелкіе вяземскіе пряники, на которыхъ отъ давности лѣтъ выступила ржавчина:

— Почему эти пряники?

— Конейка пара.

Егорушка досталъ изъ кармана пряникъ, подаренный ему вчера еврейкой, и спросилъ:

— А такіе пряники у тебя почему?

Лавочникъ взялъ въ руки пряникъ, оглядѣлъ его со всѣхъ сторонъ и поднялъ одну бровь.

— Такіе?—спросилъ онъ.

Потомъ поднялъ другую бровь, подумалъ и отвѣтилъ:

— Три конейка пара...

Наступило молчаніе.

— Вы чьи?—спросилъ лавочникъ, наливая себѣ чаю изъ краснаго мѣднаго чайника.

— Племянникъ Ивана Ивановича.

— Иваны Ивановичи разные бываютъ,—вздыхнулъ лавочникъ; онъ поглядѣлъ черезъ Егорушкину голову на дверь, помолчалъ и спросилъ:—Чайку не желаете ли?

— Пожалуй...—согласился Егорушка съ нѣкоторой неохотой, хотя чувствовалъ сильную тоску по утреннемъ чаѣ.

Лавочникъ налилъ ему стаканъ и подаль вмѣстѣ съ огрызненнымъ кусочкомъ сахару. Егорушка сѣлъ на складной стулъ и сталъ пить. Онъ хотѣлъ еще спросить, сколько стоитъ фунтъ миндаля въ сахарѣ и только-что завелъ объ этомъ рѣчь, какъ вошелъ покупатель, и хозяинъ, оставивъ въ сторону свой стаканъ, занялся дѣломъ. Онъ повелъ покупателя въ ту половину, гдѣ пахло дегтемъ, и долго о чемъ-то разговаривалъ съ нимъ. Покупатель, человекъ, по видимому, очень упрямый и себѣ на умѣ, все время въ знакъ несогласія моталъ головой и пятился къ двери. Лавочникъ убѣдилъ его въ чемъ-то и началъ сыпать ему овесъ въ большой мѣшокъ.

— Хоба це овесъ?—сказалъ печально покупатель.—Це не овесъ, а полова, курамъ на смихъ... Ни, пиду къ Бѣдариенку!

Когда Егорушка вернулся къ рѣкѣ, на берегу дымилъ небольшой костеръ. Это подводчики варили себѣ обѣдь. Въ дыму стоялъ Степка и большой зазубренной ложкой мѣшалъ

въ котлѣ. Нѣсколько въ сторонѣ, съ красными отъ дыма глазами, сидѣли Кирюха и Вася и чистили рыбу. Передъ ними лежалъ покрытый плоть и водорослями бредень, на которомъ блестяла рыба и ползали раки.

Недавно вернувшійся изъ церкви Емельянтъ сидѣлъ рядомъ съ Пантелеемъ, помахивалъ рукой и едва слышно напѣвалъ сильнымъ голосомъ: «Тебѣ поемъ...» Дымовъ бродилъ около лошадей.

Кончивъ чистить, Кирюха и Вася собрали рыбу и живыхъ раковъ въ ведро, всполоснули и изъ ведра вывалили все въ кипѣвшую воду.

— Класть сала?—спросилъ Степка, снимая ложкой иѣву.

— Зачьмъ? Рыба свой сокъ пустить, —отвѣтилъ Кирюха.

Передъ тѣмъ, какъ снимать съ огня котелъ, Степка всыпалъ въ воду три пригоршни пшена и ложку соли; въ заключеніе онъ попробовалъ, почмокалъ губами, облизалъ ложку и самодовольно крикнулъ—это значило, что каша уже готова.

Всѣ, кромѣ Пантелея, сѣли вокругъ котла и принялись работать ложками.

— Вы! Дайте парничкѣ ложку!—строго замѣтилъ Пантелей.—Чай, небось, тоже ѣсть хочеть!

— Наша ѣда мужицкая!..—вздохнулъ Кирюха.

— И мужицкая пойдетъ во здравіе, была бы охота.

Егорушкѣ дали ложку. Онъ сталъ ѣсть, но не садясь, а стоя у самаго котла и глядя въ него, какъ въ яму. Отъ каши пахло рыбной сыростью, то и дѣло среди пшена попадалась рыба чешуя; раковъ нельзя было зацѣпить ложкой, и обѣдавшіе доставали ихъ изъ котла прямо руками; особенно не стѣснялся въ этомъ отношеніи Вася, который мочилъ въ кашѣ не только руки, но и рукава. Но каша все-таки показалась Егорушкѣ очень вкусной и напоминала ему раковый супъ, который дома въ постные дни варила его мамаша. Пантелей сидѣлъ въ сторонѣ и жевалъ хлѣбъ.

— Дѣдь, а ты чего не ѣшь?—спросилъ его Емельянтъ.

— Не ѣмъ я раковъ... Ну ихъ!—сказалъ старикъ и брезгливо отвернулся.

Пока ѣли, шелъ общій разговоръ. Изъ этого разговора Егорушка понялъ, что у всѣхъ его новыхъ знакомыхъ, несмотря на разницу лѣтъ и характеровъ, было одно общее,

дѣлавшее ихъ похожими другъ на друга: всѣ они были люди съ прекраснымъ прошлымъ и съ очень нехорошимъ настоящимъ; о своемъ прошломъ они, всѣ до одного, говорили съ восторгомъ, къ настоящему же относились почти съ презрѣніемъ. Русскій человѣкъ любитъ вспоминать, но не любитъ жить; Егорушка еще не зналъ этого, и прежде, чѣмъ каша была съѣдена, онъ ужъ глубоко вѣрилъ, что вокругъ котла сидятъ люди оскорбленные и обиженные судьбой. Пантелей рассказывалъ, что въ былое время, когда еще не было желѣзныхъ дорогъ, онъ ходилъ съ оbo-зами въ Москву и въ Нижній, зарабатывалъ такъ много, что некуда было дѣвать денегъ. А какіе въ то время были купцы, какая рыба, какъ все было дешево! Теперь же дороги стали короче, купцы скупѣе, народъ бѣднѣе, хлѣбъ дороже, все измельчало и сузилось до крайности. Емельянъ говорилъ, что прежде онъ служилъ въ Луганскомъ заводѣ въ цѣвчихъ, имѣлъ замѣчательный голосъ и отлично читалъ ноты, теперь же онъ обратился въ мужика и кормится милостями брата, который посылаетъ его со своими лошадьми и беретъ себѣ за это половину заработка. Вася когда-то служилъ на спичечной фабрикѣ; Кирюха жилъ въ кучерахъ у хорошихъ людей и на весь округъ считался лучшимъ троечникомъ. Дымовъ, сынъ зажиточнаго мужика, жилъ въ свое удовольствіе, гулялъ и не зналъ горя, но едва минуло двадцать лѣтъ, какъ строгій, крутой отецъ, желая приучить его къ дѣлу и боясь, чтобы онъ дома не избаловался, сталъ посылать его въ извозъ, какъ бобыля, работника. Одинъ Степка молчалъ, но и по его безусому лицу видно было, что прежде жилось ему гораздо лучше, чѣмъ теперь.

Вспомнивъ объ отцѣ, Дымовъ пересталъ ѣсть и нахмурился. Онъ исподлобья оглядѣлъ товарищей и остановилъ свой взглядъ на Егорушкѣ.

— Ты, нехристь, сними шапку!—сказалъ онъ грубо.— Пешто можно въ шапкѣ ѣсть? А еще тоже баринъ!

Егорушка снялъ шляпу и не сказалъ ни слова, но ужъ не понималъ вкуса каши и не слышалъ, какъ вступились за него Пантелей и Вася. Въ его груди тяжело заворочалась злоба противъ озорника, и онъ порѣшилъ во что бы то ни стало сдѣлать ему какое-нибудь зло.

Послѣ обѣда всѣ поделались къ возамъ и повалились въ тѣнь.

— Дѣдь, скоро мы поѣдемъ?—спросилъ Егорушка у Пантелея.

— Когда Богъ дастъ, тогда и поѣдемъ... Сейчасъ не поѣдешь, жарко... Охъ, Господи Твоя воля, Владычица... Дожись, парнишка!

Скоро изъ-подъ воевъ послышался храпъ. Егорушка хотѣлъ-было опять пойти въ деревню, но подумалъ, позѣваль и легъ рядомъ со старикомъ.

VI.

Обозъ весь день простоялъ у рѣки и тронулся съ мѣста, когда садилось солнце.

Опять Егорушка лежалъ на тюкѣ, возъ тихо скрипѣлъ и покачивался, внизу шелъ Пантелей, притопывалъ ногами, хлопалъ себя по бедрамъ и бормоталъ; въ воздухѣ по-вчорашнему стрекотала степная музыка.

Егорушка лежалъ на спинѣ и, заложивъ руки подъ голову, глядѣлъ вверхъ на небо. Онъ видѣлъ, какъ зажглась вечерняя заря, какъ потомъ она угасала; ангелы-хранители, застилая горизонтъ своими золотыми крыльями, располагались на почлегъ; день прошелъ благополучно, наступила тихая, благополучная почъ, и они могли спокойно сидѣть у себя дома на небѣ... Видѣлъ Егорушка, какъ мало-по-малу темнѣло небо и опускалась на землю мгла, какъ засвѣтились одна за другой звѣзды.

Когда долго, не отрывая глазъ, смотришь на глубокое небо, то почему-то мысли и душа сливаются въ сознание одиночества. Начинаешь чувствовать себя непоправимо одинокимъ и все то, что считалъ раньше близкимъ и роднымъ, становится безконечно далекимъ и не имѣющимъ цѣны. Звѣзды, глядящія съ неба уже тысячи лѣтъ, само непонятное небо и мгла, равнодушныя къ короткой жизни человѣка, когда остаешься съ ними съ глазу на глазъ и стараешься постигнуть ихъ смыслъ, гнетутъ душу своимъ молчанiемъ; приходитъ на мысль то одиночество, которое ждетъ каждаго изъ насъ въ могилѣ, и сущность жизни представляется отчаянной, ужасной...

Егорушка думалъ о бабушкѣ, которая спитъ теперь на кладбищѣ подъ вишневыми деревьями; онъ вспомнилъ, какъ она лежала въ гробу съ мѣдными пятаками на глазахъ, какъ потомъ ее прикрыли крышкой и опустили въ могилу; припомнился ему и глухой стукъ комковъ земли о крышку...

Онъ представилъ себѣ бабушку въ тѣсномъ и темномъ гробу, всѣми оставленную и безпомощную. Его воображеніе рисовало, какъ бабушка вдругъ просыпается и, не понимая, гдѣ она, стучитъ въ крышку, зоветъ на помощь и, въ концѣ концовъ, изнемогши отъ ужаса, опять умираетъ. Вообразилъ онъ мертвыми мамашу, о. Христофора, графиню Дралицкую, Соломона. Но какъ онъ ни старался вообразить себя самого въ темной могилѣ, вдали отъ дома, брошеннымъ, безпомощнымъ и мертвымъ, это не удавалось ему; лично для себя онъ не допускалъ возможности умереть и чувствовалъ, что никогда не умретъ...

А Пантелей, которому пора уже было умирать, шелъ внизъ и дѣлалъ переключку своимъ мыслямъ.

— Ничего... хорошие господа...— бормоталъ онъ. — Повезли парнишку въ ученье, а какъ онъ тамъ, не слышать про то... Въ Славяносербскомъ, говорю, нѣту такого заведенія, чтобъ до большого ума доводить... Нѣту, это вѣрно... А парнишка хорошій, ничего... Вырастетъ, отцу будетъ помогать. Ты, Егорій, теперь махонькій, а станешь большой, отца-мать кормить будешь. Такъ отъ Бога положено... Чти отца твоего и мать твою... У меня у самого были дѣтки, да погорѣли... И жена сгорѣла, и дѣтки... Это вѣрно, подъ Крещенье ночью загорѣлась изба... Меня-то дома не было, я въ Орель ѣздилъ. Въ Орель... Марья-то выскочила на улицу, да вспомнила, что дѣти въ избѣ спать, побѣжала назадъ и сгорѣла съ дѣтками... Да... На другой день одиѣ только косточки нашли.

Около полуночи подводчики и Егорушка опять сидѣли вокругъ небольшого костра. Пока разгорался бурьянъ, Кирюха и Вася ходили за водой куда-то въ балочку; они исчезли въ потемкахъ, но все время слышно было, какъ они звякали ведрами и разговаривали; значитъ, балочка была недалеко. Свѣтъ отъ костра лежалъ на землѣ большимъ, мигающимъ пятномъ; хотя и свѣтила луна, но за краснымъ пятномъ все казалось непроницаемо-чернымъ. Подводникамъ свѣтъ билъ въ глаза, и они видѣли только часть большой дороги; въ темнотѣ едва замѣтно въ видѣ горъ неопредѣленной формы обозначались возы съ тюками и лошади. Въ двадцати шагахъ отъ костра, на границѣ дороги съ полемъ стоялъ деревянный могильный крестъ, покосившійся въ сторону. Егорушка, когда еще не горѣлъ костеръ и можно

было видѣть далеко, замѣтить, что точно такой же старый, покосившійся крестъ стоялъ на другой сторонѣ большой дороги.

Вернувшись съ водой, Кирюха и Вася налили полный котель и укрѣпили его на огнѣ. Степка съ зазубренной ложкой въ рукахъ занялъ свое мѣсто въ дыму около котла и, задумчиво глядя на воду, сталъ дожидаться, пока покажется иѣна. Пантелеи и Емельяиъ сидѣли рядомъ, молчали и о чемъ-то думали. Дымовъ лежалъ на животѣ, подперевъ кулаками голову, и глядѣлъ на огонь; тѣнь отъ Степки прыгала по немъ, отчего красивое лицо его то покрывалось потемками, то вдругъ всыхивало... Кирюха и Вася бродили поодаль и собирали для костра бурьянъ и берестъ. Егорюшка, заложивъ руки въ карманы, стоялъ около Пантелея и смотрѣлъ, какъ огонь ѣлъ траву.

Все отдыхали, о чемъ-то думали, мелькомъ поглядывали на крестъ, по которому прыгали красныя пятна. Въ одинокой могилѣ есть что-то грустное, мечтательное и въ высокой степени поэтическое... Слышно, какъ она молчитъ, и въ этомъ молчаніи чувствуется присутствіе души неизвѣстнаго человѣка, лежащаго подъ крестомъ. Хорошо ли этой душѣ въ степи? Не тоскуетъ ли она въ лунную ночь? А степь возлѣ могилы кажется грустной, унылой и задумчивой, трава печальнѣй и, кажется, что кузнецы кричатъ сдержаннѣй... И нѣтъ того прохожаго, который не помянулъ бы одинокой души и не оглядывался бы на могилу до тѣхъ поръ, пока она не останется далеко позади и не покроется мглою...

— Дѣдь, зачѣмъ это крестъ стоитъ? — спросилъ Егорюшка.

Пантелеи поглядѣлъ на крестъ, потомъ на Дымова и спросилъ:

— Микола, это, бываетъ, не то мѣсто, гдѣ косари купцовъ убили?

Дымовъ нехотя приподнялся на локтѣ, посмотрѣлъ на дорогу и отвѣтилъ:

— Оно самое...

Наступило молчаніе. Кирюха затрепалъ сухой травой, смялъ ее въ комъ и сунулъ подъ котель. Огонь ярко всыхнулъ, Степку обдало чернымъ дымомъ, и въ потемкахъ по дорогѣ около возовъ пробѣжала тѣнь отъ креста.

— Да, убили... — сказалъ нехотя Дымовъ. — Купцы, отецъ

съ сыномъ, ѣхали образа продавать. Остановились тутъ недалеко въ постояломъ дворѣ, что теперь Игнатъ Ѳоминъ держитъ. Старикъ выпилъ лишнее и сталъ хвалиться, что у него съ собой денегъ много. Купцы, извѣстно, народъ хвастливый, не дай Богъ... Не утерпѣть, чтобъ не показать себя передъ нашимъ братомъ въ лучшемъ видѣ. А въ ту пору на постояломъ дворѣ косари ночевали. Ну, услышали это они, какъ купецъ хвастаетъ, и взяли себѣ во вниманіе.

— О, Господи... Владычица!—вздыхнулъ Пантелей.

— На другой день чуть - свѣтъ, — продолжалъ Дымовъ: — купцы собрались въ дорогу, а косари съ ними ввязались. «Пойдемъ, ваше степенство, вмѣстѣ. Веселѣй да и опаски меньше, потому здѣсь мѣсто глухое...» Купцы, чтобъ образцовъ не побить, шагомъ ѣхали, а косарямъ это на руку...

Дымовъ сталъ на колѣни и потянулся.

— Да, — продолжалъ онъ, зѣвая. — Все ничего было, а какъ только купцы доѣхали до этого мѣста, косари и давай чистить ихъ косами. Сынъ, молодецъ былъ, выхватилъ у одного косу и тоже давай чистить... Ну, конечно, тѣ одолѣли, потому ихъ человекъ восемь было. Изрѣзали купцовъ такъ, что живого мѣста на тѣлѣ не осталось; кончили свое дѣло и стащили съ дороги обоихъ, отца на одну сторону, а сына на другую. Супротивъ этого креста на той сторонѣ еще другой крестъ есть... Цѣль ли не знаю... Отсюда не видать.

— Цѣль, — сказалъ Кирюха.

— Сказываютъ, денегъ потомъ нашли мало.

— Мало, — подтвердилъ Пантелей. — Рублей сто нашли.

— Да, а трое изъ нихъ потомъ померли, потому купецъ ихъ тоже больно косою порѣзалъ... Кровью сонли. Одному купецъ руку отхватилъ, такъ тотъ, сказываютъ, версты четыре безъ руки бѣжалъ, и подъ самымъ Куриковымъ его на бугорочкѣ нашли. Сидитъ на корточкахъ, голову на колѣни положилъ, словно задумавшись, а поглядѣли—въ немъ души нѣтъ, померъ...

— По кровяному слѣду его нашли... — сказалъ Пантелей.

Всѣ посмотрѣли на крестъ, и опять наступила тишина. Откуда-то, вѣроятно изъ балочки, донесся грустный крикъ птицы: «сплю! сплю! сплю!..»

— Злыхъ людей много на свѣтѣ, — сказалъ Емельянъ.

— Много, много! — подтвердилъ Паптелей и придвинулся поближе къ огню съ такимъ выраженіемъ, какъ будто ему становилось жутко. — Много, — продолжалъ онъ вполголоса. — Перевидалъ я ихъ на своемъ вѣку видимо-невидимо... Злыхъ-то людей... Святыхъ и праведныхъ видѣлъ много, а грѣшныхъ и не перечесть... Спаси и помилуй, Царица Небесная... Помню разъ, годовъ тридцать назадъ, а можетъ и больше, везъ я купца изъ Моршанска. Купецъ былъ славный, видный изъ себя и при деньгахъ... купецъ-то... Хорошій человекъ, ничего... Вотъ, стало-быть, ѣхали мы и остановились ночевать въ постояломъ дворѣ. А въ Россіи постоялые дворы не то, что въ здѣшнемъ краю. Тамъ дворы крытые на манеръ базовъ, или, скажемъ, какъ клуни въ хорошихъ экономіяхъ. Только клуни повыше будутъ. Ну, остановились мы и ничего себѣ. Купецъ мой въ комнаткѣ, я при лошадахъ, и все какъ слѣдуетъ быть. Такъ вотъ, братцы, помоллся я Богу, чтобъ, значить, спать, и пошелъ походить по двору. А ночь была темная, зги не видать, хоть не гляди вовсе. Прошелся я этакъ немножко, вотъ какъ до возовъ, примѣрно, и вижу — огонь брезжится. Что за притча? Кажись, и хозяева давно спать положились, и акромя меня съ купцомъ другихъ постояльцевъ не было... Откуда огню быть? Взяло меня сумѣніе... Подошелъ я поближе... къ огню-то... Господи, помилуй и спаси, Царица Небесная! Смотрю, а у самой земли окошечко съ рѣшеткой... въ домѣ-то... Легъ я на землю и поглядѣлъ; какъ поглядѣлъ, такъ по всему моему тѣлу и пошелъ морозъ...

Кирюха, стараясь не шумѣть, сунулъ въ костеръ пукъ бурьяна. Дождавшись, когда бурьянъ пересталъ трещать и шипѣть, старикъ продолжалъ:

— Поглядѣлъ я туда, а тамъ подвалъ, большой такой, темный да сумный... На бочкѣ фонарикъ горитъ. Посреди подвала стоятъ человекъ десять народу въ красныхъ рубахахъ, засучили рукава и длинные ножики точатъ... Эгэ! Ну, значить, мы въ шайку попали, къ разбойникамъ... Что тутъ дѣлать? Побѣгъ я къ купцу, разбудилъ его потихоньку и говорю: «Ты, говорю, купецъ, не пужайся, а дѣло наше плохо... Мы, говорю, въ разбойничье гнѣздо попали». Онъ смѣнился съ лица и спрашиваетъ: — «Что жъ мы теперь, Паптелей, дѣлать станемъ? При мнѣ денегъ сиротскихъ

много... Пасчетъ души, говорить. моей воленъ Господь Богъ, не боюсь помереть, а, говорить. страшно сиротскія деньги загубить»... Что тутъ прикажешь дѣлать? Ворота запертыя, некуда ни выѣхать, ни выйти... Будь заборъ, черезъ заборъ перелѣзть можно, а то дворъ крытый!.. — «Ну, говорю, купецъ, ты не пужайся, а молись Богу. Можетъ, Господь не захочетъ сиротъ обижать. Оставайся, говорю, и виду не подавай, а я тѣмъ временемъ, можетъ, и придумаю что...» Ладно... Помолился я Богу, и наставилъ меня Богъ на умъ... Взлѣзъ я на свой тарангасъ и тихонько... тихонько, чтобъ никто не слыхаль, сталъ обдирать солому въ стрехѣ, продѣлалъ дырку и вылѣзъ наружу. Наружу-то... Потомъ прыгнулъ я съ крыши и побѣгъ по дорогѣ, что есть духу. Бѣжалъ я. бѣжалъ, замучился до смерти... Можетъ, версть пять пробѣжалъ однимъ духомъ, а то и больше... Благодарить Бога, вижу—стоитъ деревня. Подбѣжалъ я къ избѣ, сталъ стучать въ окно. — «Православные, говорю, такъ и такъ, молю, не дайте христіанскую душу загубить...» Побудилъ всѣхъ... Собрались мужики и пошли со мной... Кто съ веревкой, кто съ дубьемъ, кто съ вилами... Сломали мы это въ постояломъ дворѣ ворота и сейчасъ въ подвалъ... А разбойники ножики-то ужъ поточили и собрались купца рѣзать. Забрали ихъ мужики всѣхъ какъ есть, перевязали и повели къ начальству. Купецъ имъ на радостяхъ три сотенныхъ пожертвовалъ, а мнѣ пять лобанчиковъ далъ и имя мое въ поминанье къ себѣ записалъ. Сказываютъ, потомъ въ подвалѣ костей человѣчыхъ нашли видимо-невидимо. Костей-то... Они, значить, грабили народъ, а потомъ зарывали, чтобъ слѣдовъ не было... Ну, потомъ ихъ въ Моршанскѣ черезъ палачей наказывали.

Пантелей кончилъ рассказъ и оглядѣлъ своихъ слушателей. Тѣ молчали и смотрѣли на него. Вода уже кипѣла, и Степка снималъ пѣну.

— Сало-то готово?—спросилъ его шопотомъ Кирюха.

— Погоди маленько... Сейчасъ.

Степка, не отрывая глазъ отъ Пантелея и какъ бы боясь, чтобы тотъ не началъ безъ него рассказывать, побѣжалъ къ возамъ; скоро онъ вернулся съ небольшой деревянной чашкой и сталъ растирать въ ней свиное сало.

— Ъхаль я въ другой разъ тоже съ купцомъ... — продолжалъ Пантелей попрежнему вполголоса и не мигая гла-

зами.—Звали его, какъ теперь помню, Петръ Григорьичъ. Хорошій былъ человѣкъ... купецъ-то... Остановились мы такимъ же манеромъ на постояломъ дворѣ... Онъ въ комнатѣ, я при лошадахъ... Хозяева, мужъ и жена, народъ какъ будто хорошій, ласковый, работники тоже словно бы ничего, а только, братцы, не могу спать, чуетъ мое сердце! Чуетъ, да и шабашъ. И ворота отпертыя, и народу кругомъ много, а все какъ будто страшно, не по себѣ. Всѣ давно позаснули, ужъ совсѣмъ ночь, скоро вставать надо, а я одинъ только лежу у себя въ кибиткѣ и глазъ не смыкаю, словно сычъ какой. Только, братцы, это самое, слышу: тупъ! тупъ! тупъ! Кто-то къ кибиткѣ крадется. Высовываю голову, гляжу—стоитъ баба въ одной рубахѣ, босая... «Что тебѣ, говорю, бабочка?» А она вся трясется, это самое, лица на ей нѣтъ... «Вставай, говоритъ, добрый человѣкъ! Бѣда... Хозяева лихо задумали... Хотятъ твоего купца порѣшить. Сама, говоритъ, слыхала, какъ хозяйинъ съ хозяйкой шептались...» Ну, недаромъ сердце болѣло! «Кто же ты сама?»—спрашиваю. «А я, говоритъ, ихняя стряпуха...» Ладно... Вылѣзъ я изъ кибитки и пошелъ къ купцу. Разбудилъ его и говорю: «Такъ и такъ, говорю, Петръ Григорьичъ, дѣло не совсѣмъ чисто... Успѣешь, ваше степенство, выспаться, а теперь, пока есть время, одѣвайся, говорю, да по добру-здорову подальше отъ грѣха...» Только-что онъ сталъ одѣваться, какъ дверь отворилась и здравствуйте... гляжу—Мать-Царица!—входятъ къ намъ въ комнатку хозяйинъ съ хозяйкой и три работника... Значить, и работниковъ подговорили... Денегъ у купца много, такъ вотъ, молю, подѣлимъ... У всѣхъ у пятерыхъ въ рукахъ по ножку длинному... По ножку-то... Заперъ хозяйинъ на замокъ двери и говоритъ:— «Молитесь, проѣзжіе, Богу... А ежели, говоритъ, кричать станете, то и помолитесь не дадимъ передъ смертью...» Гдѣ ужъ тутъ кричать? У насъ отъ страху и плотку завалило, не до крику тутъ... Купецъ заплакалъ и говоритъ: «Православные! Вы, говоритъ, порѣшили меня убить, потому на мои деньги польстились. Такъ тому и быть, не я первый, не я послѣдній; много ужъ нашего брата-купца на постоялыхъ дворахъ перерѣзано. Но за что же, говоритъ, братцы православные, моего извозчика убивать? Какая ему надобность за мои деньги муки принимать?» И такъ это жалостно говоритъ! А хо-

зяинъ ему:—«Ежели, говорить, мы его въ живыхъ оставимъ, такъ онъ первый на насъ доказчикъ. Все равно, говорить, что одного убить, что двухъ. Семь бѣдъ, одинъ отвѣтъ... Молитесь Богу, вотъ и все тутъ, а разговаривать нечего!» Стали мы съ купцомъ рядышкомъ на колѣнки, заплакали и давай Бога молить. Онъ дѣтокъ своихъ вспоминаетъ, я въ ту пору еще молодой былъ, жить хотѣлъ... Глядимъ на образа, молимся, да такъ жалостно, что и теперь слеза бьетъ... А хозяйка, баба-то, глядитъ на насъ и говорить: «Вы же, говорить, добрые люди, не поминайте насъ на томъ свѣтѣ лихомъ и не молитесь Бога на нашу голову, потому мы это отъ нужды». Молились мы, молились, плакали, плакали, а Богъ-то насъ и услышалъ. Сжалился, значить... Въ самый разъ, когда хозяинъ купца за бороду взялъ, чтобъ, значить, ножикомъ его по шеѣ полоснуть, вдругъ кто-то ка-акъ стукнетъ со двора по окошку! Всѣ мы такъ и присѣли, а у хозяина руки опустились... Постучалъ кто-то по окошку, да какъ закричить: «Петръ Григорьичъ, кричить, ты здѣсь? Собирайся, поѣдемъ!» Видятъ хозяева, что за купцомъ пріѣхали, испужались и давай Богъ ноги... А мы скорѣй на дворъ, запрягли и—только насъ и видѣли...

— Кто же это въ окошко стучалъ? —спросилъ Дымовъ.

— Въ окошко-то? Должно, угодникъ Божій или ангель. Потому акромья некому... Когда мы выѣхали со двора, на улицѣ ни одного человѣка не было... Божье дѣло!

Пантелей рассказалъ еще кое-что и во всѣхъ его разсказахъ одинаково играли роль «длинные ножики», и одинаково чувствовался вымыселъ. Слышалъ ли онъ эти разсказы отъ кого-нибудь другого, или самъ сочинилъ ихъ въ далекомъ прошломъ и потомъ, когда память ослабѣла, перемѣшалъ пережитое съ вымысломъ и пересталъ умѣть отличать одно отъ другого? Все можетъ быть, но странно одно, что теперь и во всю дорогу онъ, когда приходилось разсказывать, отдавалъ явное предпочтеніе вымысламъ и никогда не говорилъ о томъ, что было пережито. Теперь Егорушка все принималъ за чистую монету и вѣрилъ каждому слову, вносльдствіи же ему казалось страннымъ, что человѣкъ, извѣдывшій на своемъ вѣку всю Россію, видѣвшій и знавшій многое, человѣкъ, у котораго сгорѣли жена и дѣти, обезцѣнивалъ свою богатую жизнь до того,

что всякій разъ, сидя у костра, или молчалъ, или же говорилъ о томъ, чего не было.

За кашей всѣ молчали и думали о только-что слышанномъ. Жизнь страшна и чудесна, а потому какой страшный рассказъ ни рассказали на Руси, какъ ни украшай его разбойничьими гнѣздами, длинными ножиками и чудесами, онъ всегда отзовется въ душѣ слушателя былью, и развѣ только человѣкъ, сильно искусившійся на грамотѣ, недобрчиво покосится, да и то смолчить. Крестъ у дороги, темные тюки, просторъ и судьба людей, собравшихся у костра—все это само по себѣ было такъ чудесно и страшно, что фантастичность небылицы или сказки блѣднѣла и сливалась съ жизнью.

Всѣ ѣли изъ котла, Пантелей же сидѣлъ въ сторонѣ особнякомъ и ѣлъ кашу изъ деревянной чашечки. Ложка у него была не такая, какъ у всѣхъ, а кипарисовая и съ крестикомъ. Егорушка, глядя на него, вспомнилъ о лампадномъ стаканчикѣ и спросилъ тихо у Степки:

— Зачѣмъ это дѣвъ особо сидить?

— Онъ старой вѣры, — отвѣтили шопотомъ Степка и Вася, и при этомъ они такъ глядѣли, какъ будто говорили о слабости или тайномъ порокѣ.

Всѣ молчали и думали. Послѣ страшныхъ рассказовъ не хотѣлось ужъ говорить о томъ, что обыкновенно. Вдругъ среди тишины Вася выпрямился и, устремивъ свои тусклые глаза въ одну точку, наострилъ уши.

— Что такое?—спросилъ его Дымовъ.

— Человѣкъ какой-то идетъ, — отвѣтилъ Вася.

— Гдѣ ты его видишь?

— Во-онъ онъ! Чуть-чуть бѣлѣется...

Тамъ, куда смотрѣлъ Вася, не было видно ничего, кромѣ потемокъ; всѣ прислушались, но шаговъ не было слышно.

— По шляху онъ идетъ?—спросилъ Дымовъ.

— Нѣ, полемъ... Сюда идетъ.

Прошла минута въ молчаніи.

— А можетъ, это по степи гуляетъ кунаецъ, что тутъ похороненъ,—сказалъ Дымовъ.

Всѣ покосились на крестъ, переглянулись и вдругъ засмѣялись; стало стыдно за свой страхъ.

— Зачѣмъ ему гулять?—сказалъ Пантелей. — Это только

тѣ по ночамъ ходить, кого земля не принимаетъ. А купцы ничего... Купцы мученической вѣнецъ приняли...

Но вотъ послышались шаги. Кто-то торопливо шель.

— Что-то несетъ,—сказалъ Вася.

Стало слышно, какъ подъ ногами шедшаго шуршала трава и потрескивалъ бурьянъ, но за свѣтомъ костра никого не было видно. Наконецъ, раздались шаги вблизи, кто-то каплянулъ; мигавшій свѣтъ точно разступился, съ глазъ спала завѣса, и подводчики вдругъ увидѣли передъ собой человѣка.

Огонь ли такъ мелькнулъ, или оттого, что всѣмъ хотѣлось разглядѣть прежде всего лицо этого человѣка, но только странно такъ вышло, что всѣ при первомъ взглядѣ на него увидѣли прежде всего не лицо, не одежду, а улыбку. Это была улыбка необыкновенно добрая, широкая и мягкая, какъ у разбуженнаго ребенка, одна изъ тѣхъ заразительныхъ улыбокъ, на которыя трудно не отвѣтить тоже улыбкой. Незнакомецъ, когда его разглядѣли, оказался человѣкомъ лѣтъ тридцати, некрасивымъ собой и ничѣмъ не замѣчательнымъ. Это былъ высокій хохоль, длинноносый, длиннорукий и длинноногий; вообще все у него казалось длиннымъ и только одна шея была такъ коротка, что дѣлала его сутуловатымъ. Одѣтъ онъ былъ въ чистую бѣлую рубаху съ шитымъ воротомъ, въ бѣлыя шаровары и новые сапоги и въ сравненіи съ подводчиками казался щеголемъ. Въ рукахъ онъ держалъ что-то большое, бѣлое и на первый взглядъ странное, а изъ-за его плеча выглядывало дуло ружья, тоже длинное.

Понавъ изъ потемокъ въ свѣтовой кругъ, онъ остановился, какъ вкопанный, и съ полминуты глядѣлъ на подводчиковъ такъ, какъ будто хотѣлъ сказать: «Поглядите, какая у меня улыбка!» Потомъ онъ шагнулъ къ костру, улыбнулся еще свѣтлѣе и сказалъ:

— Хлѣбъ да соль, братьцы!

— Милости просимъ!—отвѣчалъ за всѣхъ Пантелей.

Незнакомецъ положилъ около костра то, что держалъ въ рукахъ — это была убитая дрохва, — и еще разъ поздоровался.

Всѣ подошли къ дрохвѣ и стали осматривать ее.

— Важная птица! Чѣмъ это ты ее? — спросилъ Дымовъ.

— Картечью... Дробью не достанешь, не подпустить...
Купите, братцы! Я бь вамъ за двугривенный отдадь.

— А на что она намъ? Она жареная годится, а вареная небось жесткая—не укусишь...

— Эхъ, досада! Ее бы къ господамъ въ экономію снести, тѣ бы полтинникъ дали, да далече — пятнадцать версты!

Неизвѣстный сѣлъ, снялъ ружье и положилъ его возлѣ себя. Онъ казался соннымъ, томнымъ, улыбался, щурился отъ огня и, повидимому, думалъ о чемъ-то очень пріятномъ. Ему дали ложку. Онъ сталъ ѣсть.

— Ты кто самъ?—спросилъ его Дымовъ.

Незнакомецъ не слышалъ вопроса; онъ не отвѣтилъ и даже не взглянулъ на Дымова. Вѣроятно, этотъ улыбающійся человекъ не чувствовалъ и вкуса каши, потому что жевалъ какъ-то машинально, лѣнливо, поднося ко рту ложку то очень полную, то совсѣмъ пустую. Пьянъ онъ не былъ, но въ головѣ его бродило что-то шальное.

— Я тебя спрашиваю: ты кто?—повторилъ Дымовъ.

— Я-то?—встрепенулся неизвѣстный.—Константинъ Звоникъ, изъ Ровнаго. Отсюда версты четыре.

И, желая на первыхъ же порахъ показать, что онъ не такой мужикъ, какъ всѣ, а получше, Константинъ поспѣшилъ добавить:

— Мы пасѣку держимъ и свиней кормимъ.

— При отцѣ живешь али самъ?

— Нѣтъ, теперь самъ живу. Отдѣлился. Въ этомъ мѣсяцѣ послѣ Петрова дня оженился. Женатый теперь!.. Нынче восемнадцатый день, какъ обзаконился.

— Хорошее дѣло!—сказалъ Пантелей. — Жена ничего... Это Богъ благословилъ...

— Молодая баба дома спать, а онъ по степу шатается,—засмѣялся Кирюха.—Чудакъ!

Константинъ, точно его уцѣпили за самое живое мѣсто, встрепенулся, засмѣялся, вспыхнулъ...

— Да Господи, нѣту ея дома!—сказалъ онъ, быстро вынимая изо рта ложку и оглядывая всѣхъ радостно и удивленно.—Нѣту! Поѣхала къ матери на два дня! Ей-Богу, она поѣхала, а я какъ не женатый...

Константинъ махнулъ рукой и покрутилъ головою; онъ хотѣлъ продолжать думать, но радость, которою свѣтилось

лицо его, мѣшала ему. Онъ, точно ему неудобно было сидѣть, принялъ другую позу, засмѣялся и опять махнулъ рукой. Совѣстно было выдавать чужимъ людямъ свои пріятныя мысли, но въ то же время неудержимо хотѣлось подѣлиться радостью.

— Поѣхала въ Демидово къ матери!— сказалъ онъ, краснѣя и перекладывая на другое мѣсто ружье.—Завтра вернется... Сказала, что къ обѣду назадъ будетъ.

— А тебѣ скучно?—спросилъ Дымовъ.

— Да Господи, а то какъ же? Безъ году недѣля, какъ оженился, а она уѣхала... А? У, да бѣдовая, накажи меня Богъ! Тамъ такая хорошая, да славная, такая хохотунья да пѣвунья, что просто чистый порохъ! При ней голова ходоромъ ходить, а безъ нея вотъ словно потерялъ что, какъ дуракъ по стену хожу. Съ самаго обѣда хожу, хотъ карауль кричи.

Константинъ протеръ глаза, посмотрѣлъ на огонь и засмѣялся.

— Любишь, значить...—сказалъ Пантелей.

— Тамъ такая хорошая, да славная, — повторилъ Константинъ, не слушая:—такая хозяйка, умная, да разумная, что другой такой изъ простаго званія во всей губерніи не сыскать. Уѣхала... А вѣдь скучаетъ, я зна-аю! Знаю, сороку! Сказала, что завтра къ обѣду вернется... А вѣдь какая исторія!—почти крикнулъ Константинъ, вдругъ беря тономъ выше и мѣняя позу: — теперь любить и скучаетъ, а вѣдь не хотѣла за меня выходить!

— Да ты ѣшь!—сказалъ Кирюха.

— Не хотѣла за меня выходить!—продолжалъ Константинъ, не слушая.—Три года съ ней бился! Увидалъ я ее на ярмаркѣ въ Калачикѣ, полюбилъ до смерти, хотъ на шибеницу полѣзай... Я въ Ровномѣ, она въ Демидовомѣ, другъ отъ дружки за двадцать пять верстъ, и нѣтъ никакой моей возможности. Засылаю къ ней сватовъ, а она: не хочу! Ахъ ты, сорока! Ужъ я ее и такъ, и этакъ, и сережки, и пряниковъ, и меду полшуда — не хѣчу! Вотъ тутъ и поди. Оно, ежели разсудить, то какая я ей пара? Она молодая, красивая, съ порохомъ, а я старый, скоро тридцать годовъ будетъ, да и красивъ очень, борода окладистая—гвоздемъ, лицо чистое — все въ шишкахъ. Гдѣ жъ мнѣ съ ней равняться! Развѣ вотъ только, что богато жи-

вемъ, да вѣдь и они, Вахраменки, хорошо живутъ. Три пары воловъ и двухъ работниковъ держатъ. Полюбилъ, братцы, и очумѣлъ... Не сплю, не ѣмъ, въ головѣ мысли и такой дурманъ, что не приведи Господи! Хочется ее повидать, а она въ Демидовѣ... И что жъ вы думаете? Накажи меня Богъ, не брешу, раза три на недѣлѣ туда иѣшкомъ ходилъ, чтобъ на нее поглядѣть. Дѣло бросилъ! Такое затменіе нашло, что даже въ работники въ Демидовѣ хотѣлъ наниматься, чтобъ, значить, къ ней поближе. Замучился! Мать знахарку звала, отецъ разъ десять бить принимался. Ну, три года промаялся и ужъ такъ порѣшилъ: будь ты трижды анаоема, пойду въ городъ и въ извозчики... Значить, не судьба! На Святой пошелъ я въ Демидово въ послѣдній разочекъ на нее поглядѣть...

Константинъ откинулъ назадъ голову и закатился такимъ мелкимъ, веселымъ смѣхомъ, какъ будто только-что очень хитро надулъ кого-то.

— Гляжу, она съ парубками около рѣчки,—продолжалъ онъ.—Взяло меня зло... Отозвалъ я ее въ сторонку и, можетъ, съ цѣлый часъ ей разныя слова... Полюбила! Три года не любила, а за слова полюбила!...

— А какія слова?—спросилъ Дымовъ.

— Слова? И не помню... Нешто вспомнишь? Тогда, какъ вода изъ жолоба, безъ передышки: та-та-та-та! А теперь ни одного слова не выговорю... Ну, и пошла за меня... Поѣхала теперь сорока къ матери, а я вотъ безъ нея по степу. Не могу дома сидѣть. Нѣтъ моей мочи!

Константинъ неуклюже высвободилъ изъ-подъ себя ноги, растянулся на землѣ и подперъ голову кулаками, потомъ поднялся и опять сѣлъ. Всѣ теперь отлично понимали, что это былъ влюбленный и счастливый человѣкъ, счастливый до тоски; его улыбка, глаза и каждое движеніе выражали томительное счастье. Онъ не находилъ себѣ мѣста и не зналъ, какую принять позу и что дѣлать, чтобы не изнемогать отъ избытія пріятныхъ мыслей. Изливъ передъ чужими людьми свою душу, онъ, наконецъ, усѣлся покойно и, глядя на огонь, задумался.

При видѣ счастливаго человѣка всѣмъ стало скучно и захотѣлось тоже счастья. Всѣ задумались. Дымовъ поднялся, тихо прошелся около костра, и по походкѣ, по движенію

его лошатокъ видно было, что онъ томился и скучалъ. Онъ постоялъ, поглядѣлъ на Константина и сѣлъ.

А костеръ уже потухалъ. Свѣтъ уже не мелькалъ, и красное пятно сузилось, потускнѣло... И чѣмъ скорѣе догоралъ огонь, тѣмъ виднѣе становилась лунная ночь. Теперь ужъ видно было дорогу во всю ея ширь, тюки, оглобли, жевавшихъ лошадей; на той сторонѣ неясно вырисовывался другой крестъ...

Дымовъ подперъ щеку рукой и тихо запѣлъ какую-то жалостную пѣсню. Константинъ сонно улыбнулся и подтянулъ ему тонкимъ голоскомъ. Попѣли они съ полминуты и затихли... Емельянъ встрепенулся, задвигалъ локтями и зашевелилъ пальцами.

— Братцы,—сказалъ онъ умоляюще.—Давайте, споемъ что-нибудь божественное!

Слезы выступили у него на глазахъ.

— Братцы!—повторилъ онъ, прижимая руку къ сердцу.—Давайте споемъ что-нибудь божественное!

— Я не умѣю,—сказалъ Константинъ.

Всѣ отказались; тогда Емельянъ запѣлъ самъ. Онъ замалъ обѣими руками, закивалъ головой, открылъ ротъ, но изъ горла его вырвалось одно только сиплое, беззвучное дыханіе. Онъ пѣлъ руками, головой, глазами и даже шишкой, пѣлъ страстно и съ болью, и чѣмъ сильнѣе напрягалъ грудь, чтобы вырвать изъ нея хоть одну ноту, тѣмъ беззвучнѣе становилось его дыханіе...

Егорушкой тоже, какъ и всѣми, овладѣла скука. Онъ пошелъ къ своему возу, взобрался на тюкъ и легъ. Глядѣлъ онъ на небо и думалъ о счастливомъ Константиנѣ и его женѣ. Зачѣмъ люди женятся? Къ чему на этомъ свѣтѣ женщины? Егорушка задавалъ себѣ неясные вопросы и думалъ, что мужчинѣ, навѣрное, хорошо, если возлѣ него постоянно живетъ ласковая, веселая и красивая женщина. Пришла ему почему-то на память графиня Драницкая, и онъ подумалъ, что съ такой женщиной, вѣроятно, очень пріятно жить; онъ, пожалуй, съ удовольствіемъ женился бы на ней, если бы это не было такъ совѣстно. Онъ вспомнилъ ея брови, зрачки, коляску, часы со всадникомъ... Тихая, теплая ночь спускалась на него и шептала ему что-то на ухо, а ему казалось, что это та красивая жен-

щина склоняется къ нему, съ улыбкой глядитъ на него и хочетъ поцѣловатьъ...

Отъ костра осталось только два маленькихъ красныхъ глаза, становившихся все меньше и меньше. Подводчики и Константинъ сидѣли около нихъ, темные, неподвижные, и казалось, что ихъ теперь было гораздо больше, чѣмъ раньше. Оба креста одинаково были видны и далеко-далеко, гдѣ-то на большой дорогѣ, свѣтился красный огонекъ—тоже, вѣроятно, кто-нибудь варилъ кашу.

«Наша матушка Расія всему свѣту га-ла-ва!» — запѣлъ вдругъ дикимъ голосомъ Кирюха, поперхнулся и умолкъ. Степное эхо подхватило его голосъ, понесло, и казалось, по степи на тяжелыхъ колесахъ покатила сама глупость.

— Время ѣхать!—сказалъ Пантелей.—Вставай, ребята.

Пока запрягали, Константинъ ходилъ около подводи и восхищался своей женой.

— Прощайте, братцы!—крикнулъ онъ, когда обозъ тронулся.—Спасибо вамъ за хлѣбъ за соль! А я опять пойду на огонь. Нѣтъ моей мочи!

И онъ скоро исчезъ во мглѣ, и долго было слышно, какъ онъ шагаль туда, гдѣ свѣтился огонекъ, чтобы повѣдать чужимъ людямъ о своемъ счастьѣ.

Когда на другой день проснулся Егорушка, было раннее утро; солнце еще не всходило. Обозъ стоялъ. Какой-то чело-вѣкъ въ бѣлой фуражкѣ и въ костюмѣ изъ дешевой сѣрой матеріи, сидя на казачьемъ жеребчикѣ, у самага передняго воза, разговариваль о чемъ-то съ Дымовымъ и Кирюхой. Впереди, версты за двѣ отъ обоза, бѣлѣли длинныя, невысокіе амбары и домики съ черепичными крышами; около домиковъ не было видно ни дворовъ, ни деревьевъ.

— Дѣдъ, какая это деревня?—спросилъ Егорушка.

— Это, молодчикъ, армянскіе хутора,—отвѣчалъ Пантелей.—Тутъ армяшки живутъ. Народъ ничего... армяшки-то.

Человѣкъ въ сѣромъ кончилъ разговаривать съ Дымовымъ и Кирюхой, осадилъ своего жеребчика и поглядѣлъ на хутора.

— Экія дѣла, подумаешь!—вздыхнулъ Пантелей, тоже глядя на хутора и пожимаясь отъ утренней свѣжести.— Послалъ онъ чело-вѣка на хуторъ за какой-то бумагой, а тотъ не ѣдетъ... Степку послать бы!

— Дѣдъ, а кто это?—спросилъ Егорушка.

— Варламовъ.

Боже мой! Егорушка быстро вскочилъ, сталъ на колѣни и поглядѣлъ на бѣлую фуражку. Въ малоросломъ сѣромъ человѣчкѣ, обутомъ въ большіе сапоги, сидящемъ на не-красивой лошаденкѣ и разговаривающемъ съ мужиками въ такое время, когда всѣ порядочные люди спятъ, трудно было узнать таинственнаго, неуловимаго Варламова, котораго всѣ ищутъ, который всегда «кружится» и имѣетъ денегъ гораздо больше, чѣмъ графиня Драницкая.

— Ничего, хорошій человѣкъ... — говорилъ Пантелей, глядя на хутора. — Дай Богъ здоровья, славный господинъ... Варламовъ-то, Семень Александрычъ... На такихъ людяхъ, братъ, земля держится. Это вѣрно... Шѣтухи еще не поютъ, а онъ ужъ на ногахъ... Другой бы спалъ, или дома съ гостями тары-бары-растабары, а онъ цѣлый день по стену... Кружится... Этотъ ужъ не упустишь дѣла... Шѣ-ѣтъ! Это молодчина...

Варламовъ не отрывалъ глазъ отъ хутора и о чемъ-то говорилъ; жеребчикъ нетерпѣливо переминался съ ноги на ногу.

— Семень Александрычъ, — крикнулъ Пантелей, снимая шляпу: — дозволейте Стенку послать! Емельянъ, крикни, чтобъ Стенку послать!

Но вотъ, наконецъ, отъ хутора отдѣлился верховой. Сильно накренившись на бокъ и помахивая выше головы нагайкой, точно джигитуюя и желая удивить всѣхъ своей смѣлой ѣздой, онъ съ быстротою птицы полетѣлъ къ обозу.

— Это, должно, его объѣздчикъ, — сказалъ Пантелей. У него ихъ, объѣздчиковъ-то, человѣкъ, можетъ, сто, а то и больше.

Поровнявшись съ переднимъ возомъ, верховой осадилъ лошадь и, снявши шапку, подаль Варламову какую-то книжку. Варламовъ вынулъ изъ книжки нѣсколько бумажекъ, прочелъ ихъ и крикнулъ:

— А гдѣ же записка Иванчука?

Верховой взялъ назадъ книжку, оглядѣлъ бумажки и пожалъ плечами; онъ сталъ говорить о чемъ-то, вѣроятно, оправдываясь и просилъ позволенія сѣздить еще разъ на хутора. Жеребчикъ вдругъ задвигался такъ, какъ будто Варламовъ сталъ тяжелѣе. Варламовъ тоже задвигался.

— Пошелъ вонъ! крикнулъ онъ сердито и замахнулся на верхового нагайкой.

Потомъ онъ повернулъ лошадь назадъ и, разсматривая въ книжкѣ бумаги, поѣхалъ шагомъ вдоль обоза. Когда онъ подъѣзжалъ къ заднему возу, Егорушка нацрягъ свое зрѣніе, чтобы получше рассмотреть его. Варламовъ былъ уже старъ. Лицо его съ небольшою сѣдой бородкой, простое, русское, загорѣлое лицо, было красно, мокро отъ росы и покрыто синими жилочками; оно выражало такую же дѣловую сухость, какъ лицо Ивана Ивановича, тотъ же дѣловой фанатизмъ. Но все-таки какая разница чувствовалась между нимъ и Иваномъ Ивановичемъ! У дяди Кузьмичова рядомъ съ дѣловою сухостью всегда были на лицѣ забота и страхъ, что онъ не найдетъ Варламова, опоздаетъ, пропуститъ хорошую цѣну; ничего подобнаго, свойственнаго людямъ маленькимъ и зависимымъ, не было замѣтно ни на лицѣ, ни въ фигурѣ Варламова. Этотъ человекъ самъ создавалъ цѣны, никого не искалъ и ни отъ кого не зависѣлъ; какъ ни заурядна была его наружность, но во всемъ, даже въ манерѣ держать нагайку, чувствовалось сознание силы и привычной власти надъ стеною.

Проѣзжая мимо Егорушки, онъ не взглянулъ на него; одинъ только жеребчикъ удостоилъ Егорушку своимъ вниманіемъ и поглядѣлъ на него большими, глупыми глазами, да и то равнодушно. Пантелей поклонился Варламову; тотъ замѣтилъ это и, не отрывая глазъ отъ бумажекъ, сказалъ картавя:

— Здрастуй, стагикъ!

Бесѣда Варламова съ верховымъ и взмахъ нагайкой, повидимому, произвели на весь обозъ удручающее впечатлѣніе. У всѣхъ были серьезные лица. Верховой, обезкураженный гнѣвомъ сильнаго человека, безъ шалки, опустивъ поводья, стоялъ у передняго воза, молчалъ и какъ будто не вѣрилъ, что для него такъ худо начался день.

— Крутой старикъ...—бормоталъ Пантелей.—Бѣда, какой крутой! А ничего, хорошій человекъ... Не обидитъ задаромъ... Ничего...

Осмотрѣвъ бумаги, Варламовъ сунулъ книжку въ карманъ; жеребчикъ, точно понявъ его мысли, не дожидаясь приказа, вздрогнулъ и понесся по большой дорогѣ.

VII.

И въ слѣдующую затѣмъ ночь подводчики дѣлали привалъ и варили кашу. На этотъ разъ съ самаго начала во всемъ чувствовалась какая-то неопредѣленная тоска. Было душно; всѣ много пили и никакъ не могли утолить жажду. Луна взошла сильно-багровая и хмурая, точно больная; звѣзды тоже хмурились, мгла была гуще, даль мутнѣе. Природа какъ будто что-то предчувствовала и томилась.

У костра ужъ не было вчерашняго оживленія и разговоровъ. Всѣ скучали и говорили вяло и нехотя. Пантелей только вздыхалъ, жаловался на ноги и то и дѣло заводилъ рѣчь о наглой смерти.

Дымовъ лежалъ на животѣ, молчалъ и жевалъ соломенку; выраженіе лица у него было брезгливое, точно отъ соломенки дурно пахло, злое и утомленное... Вася жаловался, что у него ломить челюсть, и пророчилъ непогоду; Емельянъ не махалъ руками, а сидѣлъ неподвижно и угрюмо глядѣлъ на огонь. Тѣмился и Егорушка. Ъзда шагомъ утомила его, а отъ дневного зноя у него болѣла голова.

Когда сварилась каша, Дымовъ отъ скуки сталъ придираться къ товарищамъ.

— Разсѣлся, шишка, и первый лѣзеть съ ложкой!—сказалъ онъ, глядя со злобой на Емельяна.—Жадность! Такъ и норовитъ первый за котель сѣсть. Пѣвчимъ былъ, такъ ужъ онъ думаетъ—баринъ! Много васъ такихъ пѣвчихъ по большому шляху милостыню просить!

— Да ты что присталь?—спросилъ Емельянъ, глядя на него тоже со злобой.

— А то, что не суйся первый къ котлу. Не понимай о себѣ много.

— Дуракъ, вотъ и все,—просипѣлъ Емельянъ.

Зная по опыту, чѣмъ чаще всего оканчиваются подобныя разговоры, Пантелей и Вася вмѣшались и стали убѣждать Дымова не браниться попусту.

— Пѣвчій!—не унимался озорникъ, презрительно усмѣхаясь.—Этакъ всякій можетъ иѣть. Сиди себѣ въ церкви на паперти, да и пой: «Подайте милостыньки Христа-ради!» Эхъ, вы!

Емельянъ промолчалъ. На Дымова его молчаніе подѣй-

ствовало раздражающимъ образомъ. Онъ еще съ бѣльшей ненавистью поглядѣлъ на бывшаго пѣвчаго и сказалъ:

— Не хочется только связываться, а то бѣ я бѣ тебѣ показаль, какъ обѣ себѣ понимать!

— Да что ты ко мнѣ присталь, мазена? — вспыхнулъ Емельянтъ. — Я тебя трогаю?

— Какъ ты меня обозваль? — спросилъ Дымовъ, выпрямляясь, и глаза его налились кровью. — Какъ? Я мазена? Да? Такъ вотъ же тебѣ! Ступай ищи!

Дымовъ выхватилъ изъ рукъ Емельяна ложку и швырнулъ ее далеко въ сторону. Кирюха, Вася и Степка вскочили и побѣжали искать ее, а Емельянтъ умоляюще и вопросительно уставился на Пантелея. Лицо его вдругъ стало маленькимъ, поморщилось, заморгало, и бывший пѣвчій заплакалъ, какъ ребенокъ.

Егорушка, давно уже ненавидѣвшій Дымова, почувствовалъ, какъ въ воздухѣ вдругъ стало невыносимо душно, какъ огонь отъ костра горячо жегъ лицо; ему захотѣлось скорѣе бѣжать къ обозу въ потемки, но злые, скучающіе глаза озорника тянули его къ себѣ. Страстно желая сказать что-нибудь въ высшей степени обидное, онъ шагнулъ къ Дымову и проговорилъ, задыхаясь:

— Ты хуже всѣхъ! Я тебя терпѣть не могу!

Послѣ этого надо было бы бѣжать къ обозу, а онъ никакъ не могъ сдвинуться съ мѣста и продолжалъ:

— На томъ свѣтѣ ты будешь горѣть въ аду! Я Ивану Иванычу пожалуюсь! Ты не смѣешь обижать Емельяна!

— Тоже, скажи пожалуйста! — усмѣхнулся Дымовъ. — Свинонокъ всякій, еще на губахъ молоко не обсохло, въ указчики лѣзеть. А ежели за ухо?

Егорушка почувствовалъ, что дышать уже нечѣмъ; онъ — никогда съ нимъ этого не было раньше — вдругъ затрясся всѣмъ тѣломъ, затопалъ ногами и закричалъ произительно:

— Бейте его! Бейте его!

Слезы брызнули у него изъ глазъ; ему стало стыдно, и онъ, пошатываясь, побѣжалъ къ обозу. Какое впечатлѣніе произвелъ его крикъ, онъ не видѣлъ. Лежа на тукѣ и плача, онъ дергалъ руками и ногами и шепталъ:

— Мама! Мама!

И эти люди, и тѣни вокругъ костра, и темные тюки, и далекая молнія, каждую минуту сверкавшая вдали, — все те-

перь представлялось ему нелюдимымъ и страшнымъ. Онъ ужасался и въ отчаяніи спрашивалъ себя, какъ это и зачѣмъ попалъ онъ въ неизвѣстную землю, въ компанію страшныхъ мужиковъ? Гдѣ теперь дядя, о. Христофоръ и Дениска? Отчего они такъ долго не ѣдутъ? Не забыли ли они о немъ? Отъ мысли, что онъ забытъ и брошенъ на произволь судьбы, ему становилось холодно и такъ жутко, что онъ нѣсколько разъ порывался срыгнуть съ тюка и опрومتью, безъ оглядки побѣжать назадъ по дорогѣ, но воспоминаніе о темныхъ, угрюмыхъ крестахъ, которые не-премѣнно встрѣтятся ему на пути и сверкавшая вдаль молнія останавливали его... И только когда онъ шепталъ: «мама! мама!»—ему становилось какъ будто легче...

Должно-быть, и подводчикамъ было жутко. Послѣ того, какъ Егорушка убѣжалъ отъ костра, они сначала долго молчали, потомъ вполголоса и глухо заговорили о чемъ-то, что оно идетъ, и что поскорѣе нужно собираться и уходить отъ него... Они скоро поужинали, потушили огонь и молча стали запрягать. По ихъ суетѣ и отрывистымъ фразамъ было замѣтно, что они предвидѣли какое-то несчастье.

Передъ тѣмъ, какъ трогаться въ путь, Дымовъ подошелъ къ Пантелею и спросилъ тихо:

— Какъ его звать?

— Егорій...— отвѣтилъ Пантелей.

Дымовъ сталъ одной ногой на колесо, взялся за веревку, которой былъ перевязанъ тюкъ, и поднялся. Егорушка увидѣлъ его лицо и кудрявую голову. Лицо было блѣдно, утомленно и серьезно, но уже не выражало злобы.

— Ера!—сказалъ онъ тихо.—На, бей!

Егорушка съ удивленіемъ посмотрѣлъ на него; въ это время сверкнула молнія.

— Ничего, бей!—повторилъ Дымовъ.

И, не дожидаясь, когда Егорушка будетъ бить его, или говорить съ нимъ, онъ срыгнулъ внизъ и сказалъ:

— Скушно мнѣ!

Потомъ, переваливаясь съ ноги на ногу, двигая лопатками, онъ лѣниво пошелъ вдоль обоза и не то плачущимъ, не то досадуящимъ голосомъ повторилъ:

— Скушно мнѣ! Господи! А ты не обижайся, Емеля, — сказалъ онъ, проходя мимо Емельяна.— Жизнь наша про-нащая, лютая!

пахмурились, и видно было, какъ по краю дороги спѣшили куда-то назадъ облака пыли и ихъ тѣни. Теперь, по всей вѣроятности, вихри, кружась и увлекая съ земли пыль, сухую траву и перья, поднимались подъ самое небо; вѣроятно, около самой черной тучи летали перекасти-поле, и какъ, должно-быть, имъ было страшно! Но сквозь пыль, залѣпившую глаза, не было видно ничего, кромѣ блеска молній.

Егорушка, думая, что сію минуту польеть дождь, сталъ на колѣни и укрылся рогожей.

— Пантелле-ей!—крикнулъ кто-то впереди.—А... а...ва!

— Не слышать! — отвѣтилъ громко и нарасгѣвъ Пантелей.

— А...а...ва! Аря...а!

Загремѣлъ сердито громъ, покатился по небу справа налево, потомъ назадъ и замеръ около переднихъ подводъ.

— Святъ, Святъ, Святъ, Господь Саваоѣъ, — прошепталъ Егорушка, крестясь:—исполни небо и земля славы Твоея...

Чернота на небѣ раскрыла ротъ и дыхла бѣлымъ огнемъ; тотчасъ же опять загремѣлъ громъ; едва онъ умолкъ, какъ молнія блеснула такъ широко, что Егорушка сквозь щели рогожи увидѣлъ вдругъ всю большую дорогу до самой дали, всѣхъ подводчиковъ и даже Кирюхину жилетку. Черныя лохмотья слѣва уже поднимались кверху, и одно изъ нихъ, грубое, неуклюжее, похожее на лапу съ пальцами, тянулось къ лунѣ. Егорушка рѣшилъ закрыть крѣпко глаза, не обращать вниманія и ждать, когда все кончится.

Дождь почему-то долго не начинался. Егорушка, въ надеждѣ, что туча, быть-можетъ, уходитъ мимо, выглянулъ изъ рогожи. Было страшно темно. Егорушка не увидѣлъ ни Пантелея, ни тюка, ни себя; покосился онъ туда, гдѣ была недавно луна, но тамъ чернѣла такая же тьма, какъ и на возу. А молнія въ потемкахъ казалась болѣе и ослѣпительнѣе, такъ что глазамъ было больно.

— Пантелей!—позвалъ Егорушка.

Отвѣта не послѣдовало. Но вотъ, наконецъ, вѣтеръ въ послѣдній разъ рванулъ рогожу и убѣжалъ куда-то. Послышался ровный, спокойный шумъ. Большая, холодная капля упала на колѣно Егорушки, другая поползла по рукѣ. Онъ

замѣтилъ, что колѣни его не прикрыты и хотѣлъ-было поправить рогожу, но въ это время что-то посыпалось и застучало по дорогѣ, потомъ по оглоблямъ, по тюку. Это былъ дождь. Онъ и рогожа, какъ будто поняли другъ друга, заговорили о чемъ-то быстро, весело и препротивно, какъ двѣ сороки.

Егорушка стоялъ на колѣняхъ или, вѣрнѣе, сидѣлъ на сапогахъ. Когда дождь застучалъ по рогожѣ, онъ подался туловищемъ впередъ, чтобы заслонить собою колѣни, которыя вдругъ стали мокры; колѣни удалось прикрыть, но зато меньше чѣмъ черезъ минуту рѣзкая, непріятная сырость почувствовалась сзади, ниже спины и на икрахъ. Онъ принялъ прежнюю позу, выставилъ колѣни подъ дождь и сталъ думать, что дѣлать, какъ поправить въ потемкахъ невидимую рогожу. Но руки его были уже мокры, въ рукава и за воротникъ текла вода, лопатки зябли. И онъ рѣшилъ ничего не дѣлать, а сидѣть неподвижно и ждать, когда все кончится.

— Святъ, Святъ, Святъ...—шепталъ онъ.

Вдругъ надъ самой головой его съ страшнымъ, оглушительнымъ трескомъ разломилось небо; онъ нагнулся и притаилъ дыханіе, ожидая, когда на его затылокъ и спину посыпятся обломки. Глаза его нечаянно открылись, и онъ увидѣлъ, какъ на его пальцахъ, мокрыхъ рукавахъ и струйкахъ, бѣжавшихъ съ рогожи, на тюкѣ и внизу на землѣ вспыхнулъ и разъ пять мигнулъ ослѣпительно-бѣдкій свѣтъ. Раздался новый ударъ, такой же сильный и ужасный. Небо уже не гремѣло, не грохотало, а издавало сухіе, трескучіе, похожіе на трескъ сухого дерева звуки.

«Тррахъ! тахъ! тахъ! тахъ!» — явственно отчеканивалъ громъ, катился по небу, спотыкался и гдѣ-нибудь у переднихъ воевъ, или далеко сзади, сваливался со злобнымъ, отрывистымъ — «трра!..»

Раньше молніи были только страшны, при такомъ же громѣ онѣ представлялись зловѣщими. Ихъ колдовской свѣтъ проникалъ сквозь закрытыя вѣки и холодомъ разливался по всему тѣлу. Что сдѣлать, чтобы не видѣть ихъ? Егорушка рѣшилъ обернуться лицомъ назадъ. Осторожно, какъ будто бы боясь, что за нимъ наблюдаютъ, онъ сталъ на четвереньки и, скользя ладонями по мокрому тюку, повернулся назадъ.

«Трахъ! тахъ! тахъ!»—понеслось надъ его головой, упало подъ возъ и разорвалось—«ррра!»

Глаза опять нечаянно открылись, и Егорушка увидѣлъ новую опасность: за возомъ шли три громадныхъ великана съ длинными пиками. Молнія блеснула на острияхъ ихъ пикъ и очень явственно освѣтила ихъ фигуры. То были люди громадныхъ размѣровъ, съ закрытыми лицами, поникшими головами и съ тяжелою поступью. Они казались печальными и унылыми, погруженными въ раздумье. Быть-можетъ, шли они за обозомъ не для того, чтобы причинить вредъ, но все-таки въ ихъ близости было что-то ужасное.

Егорушка быстро обернулся впередъ и, дрожа всѣмъ тѣломъ, закричалъ:

— Пантелей! Дѣдь!

«Трахъ! тахъ! тахъ!»—отвѣтило ему небо.

Онъ открылъ глаза, чтобы поглядѣть, тутъ ли подводчики. Молнія сверкнула въ двухъ мѣстахъ и освѣтила дорогу до самой дали, весь обозъ и всѣхъ подводчиковъ. По дорогѣ текли ручейки и прыгали лузыри. Пантелей шагаль около воза, его высокая шляпа и плечи были покрыты небольшою рогожей; фигура не выражала ни страха, ни безпокойства, какъ будто онъ оглохъ отъ грома и ослѣгъ отъ молніи.

Дѣдь, великаны! крикнулъ ему Егорушка, плача.

Но дѣдь не слышалъ. Далѣе шель Емельянь. Этотъ былъ покрытъ большою рогожей съ головы до ногъ и имѣлъ теперь форму треугольника. Вася, ничѣмъ не покрытый, шагаль такъ же деревянно, какъ всегда, высоко поднимая ноги и не сгибая колѣнъ. При блескѣ молніи казалось, что обозъ не двигался и подводчики застыли, что у Васи онѣмѣла поднятая нога...

Егорушка еще позвалъ дѣда. Не добившись отвѣта, онъ сѣлъ неподвижно и ужъ не ждалъ, когда все кончится. Онъ былъ увѣренъ, что сію минуту его убьетъ громъ, что глаза нечаянно откроются и онъ увидитъ страшныхъ великановъ. И онъ ужъ не крестился, не звалъ дѣда, не думалъ о матери и только коченѣлъ отъ холода и увѣренности, что гроза никогда не кончится.

Но вдругъ послышались голоса.

— Егорій, да ты спишь, что ли?—крикнулъ внизу Пантелей.—Слѣзай! Оглохъ, дурачокъ!..

— Вот такъ гроза!—сказалъ какой-то незнакомый бастъ и крикнулъ такъ, какъ будто вышилъ хороший стаканъ воды.

Егорушка открылъ глаза. Внизу около воза стояли Пантелей, треугольникъ-Емельянь и великаны. Послѣдніе были теперь много ниже ростомъ и, когда взглядылся въ нихъ Егорушка, оказались обыкновенными мужиками, державшими на плечахъ не пики, а желѣзныя вилы. Въ промежуткѣ между Пантелеемъ и треугольникомъ свѣтилось окно невысокой избы. Значить, обозъ стоялъ въ деревнѣ. Егорушка сбросилъ съ себя рогожу, взялъ узелокъ и поспѣшилъ съ воза. Теперь, когда вблизи говорили люди и свѣтилось окно, ему ужъ не было страшно, хотя громъ трещалъ попрежнему и молнія полосовала все небо.

— Гроза хорошая, ничего... — бормоталъ Пантелей. — Слава Богу... Ножки маленько промякли отъ дождичка, оно и ничего... Слѣзь, Егорій? Ну, иди въ избу... Ничего...

— Святъ, Святъ, Святъ...—просигѣлъ Емельянь.—Безпремѣнно гдѣ-нибудь ударило... Вы тутошніе?—спросилъ онъ великановъ.

— Нѣ, изъ Глинова... Мы глиновскіе. У господъ Платоровъ работаемъ.

— Молотите, что ли?

— Разное. Покуда еще пшеницу убираемъ. А молонья-то, молонья! Давно такой грозы не было...

Егорушка вошелъ въ избу. Его встрѣтила тончая, горбатая старуха съ острымъ подбородкомъ. Она держала въ рукахъ сальную свѣчку, шурилась и протяжно вздыхала.

— Грозу-то какую Богъ послалъ!—говорила она.—А наши въ стену ночуютъ, то-то натерпятся сердешные! Раздѣвайся, батюшка, раздѣвайся...

Дрожь отъ холода и брезгливо пожимаясь, Егорушка стацилъ съ себя промокшее пальто, потомъ широко разставилъ руки и ноги и долго не двигался. Каждое малѣйшее движеніе вызывало въ немъ непріятное ощущеніе мокроты и холода. Рукава и спина на рубахѣ были мокры, брюки прилипли къ ногамъ, съ головы текло...

— Что жъ, хлопчикъ, раскорякой-то стоять? — сказала старуха.—Иди, садись!

Разставя широко ноги, Егорушка подошелъ къ столу и сѣлъ на скамью около чьей-то головы. Голова задвигалась,

пустила носомъ струю воздуха, пожевала и успокоилась. Отъ головы вдоль скамьи тянулся бугоръ, покрытый овчиннымъ тулупомъ. Это спала какая-то баба.

Старуха, вздыхая, вышла и скоро вернулась съ арбузомъ и дыней.

— Кушай, батюшка! Больше угощать нечѣмъ...—сказала она, зѣвая, затѣмъ порылась въ столѣ и достала оттуда длинный, острый ножикъ, очень похожій на тѣ ножи, какими на постоянныхъ дворахъ разбойники рѣжутъ купцовъ.— Кушай, батюшка!

Егорушка, дрожа какъ въ лихорадкѣ, съѣлъ ломоть дыни съ чернымъ хлѣбомъ, потомъ ломоть арбуза, и отъ этого ему стало еще холоднѣй.

— Наши въ степу ночуютъ...—вздыхала старуха, пока она ѣла.—Страсти Господни... Свѣчку бы передъ образомъ засвѣтить, да не знаю, куда Степанида дѣвала. Кушай, батюшка, кушай...

Старуха зѣвнула и, закинувъ назадъ правую руку, почесала ея лѣвое плечо.

— Должно, часа два теперь, — сказала она. — Скоро и вставать пора. Наши-то въ степу ночуютъ... Небось, вымокли всѣ...

— Бабушка,—сказалъ Егорушка:—я спать хочу.

— Ложись, батюшка, ложись...—вдохнула старуха, зѣвая.—Господи Иисусе Христе! Сама и слышу, и слышу, какъ будто кто стучитъ. Проснулась, гляжу, а это грозу Богъ послалъ... Свѣчку бы засвѣтить, да не нашла.

Разговаривая съ собой, она сдернула со скамьи какое-то тряпье, вѣроятно, свою постель, сняла съ гвоздя около печи два тулупа и стала постилать для Егорушки.

— Гроза-то не унимается,—бормотала она.—Какъ бы, неровень часъ, чего не спалило. Наши-то въ степи ночуютъ... Ложись, батюшка, спи... Христось съ тобой, внучекъ... Дыню-то я убирать не стану, можетъ, вставши, покушаешь.

Вздохи и зѣванье старухи, мѣрное дыханіе спавшей бабы, сумерки избы и шумъ дождя за окномъ располагали ко сну. Егорушкѣ было совѣстно раздѣваться при старухѣ. Онъ снялъ только саногы, легъ и укрылся овчиннымъ тулупомъ.

— Парнишка легъ?— слышался черезъ минуту шопоть Пантелея.

— Легъ! — отвѣтила шопотомъ старуха. — Страсти-то, страсти Господни! Гремить, гремить, и конца не слышать...

— Сейчасъ пройдетъ...—прошиѣлъ Пантелей, садясь.— Потихи стало... Ребята пошли по избамъ, а двое при лошадахъ остались... Ребята-то... Нельзя... Уведутъ лошадей... Вотъ посижу маленько и пойду на смѣну... Нельзя, уведутъ...

Пантелей и старуха сидѣли рядомъ у ногъ Егорушки и говорили шипящимъ шопотомъ, прерывая свою рѣчь вздохами и зѣвками. А Егорушка никакъ не могъ согрѣться. На немъ лежалъ теплый, тяжелый тулупъ, но все тѣло тряслось, руки и ноги сводило судорогами, внутренности дрожали... Онъ раздѣлся подъ тулупомъ, но и это не помогло. Ознобъ становился все сильнѣй и сильнѣй.

Пантелей ушелъ на смѣну и потомъ опять вернулся, а Егорушка все еще не спалъ и дрожалъ всемъ тѣломъ. Что-то давило ему голову и грудь, угнетало его, и онъ не зналъ, что это: шопоть ли стариковъ, или тяжелый запахъ овчины? Отъ съѣденныхъ арбуза и дыни во рту былъ непріятный, металлическій вкусъ. Къ тому же еще кусались олохи.

— Дѣдъ, мнѣ холодно!—сказалъ онъ и не узналъ своего голоса.

— Спи, внучекъ, спи...—вздохнула старуха.

Тить на тонкихъ ножкахъ подошелъ къ постели и замалъ руками, потомъ выросъ до потолка и обратился въ мельницу. О. Христофоръ, не такой, какимъ онъ сидѣлъ въ бричкѣ, а въ полномъ облаченіи и съ кропиломъ въ рукѣ, прошелся вокругъ мельницы, покропилъ ее святой водой и она перестала махать. Егорушка, зная, что это бредъ, открылъ глаза.

— Дѣдъ!—позвалъ онъ.—Дай воды!

Никто не отозвался. Егорушкѣ стало невыносимо душно и неудобно лежать. Онъ всталъ, одѣлся и вышелъ изъ избы. Уже наступило утро! Небо было пасмурно, но дождя уже не было. Дрожа и кутаясь въ мокрое пальто, Егорушка прошелся по грязному двору, прислушался къ тишинѣ; на глаза ему попался маленькій хлѣвочъ съ камы-

шевой, на половину открытой дверкой. Онъ заглянулъ въ этотъ хлѣвокъ, вошелъ въ него и сѣлъ въ темномъ углу на кизякъ.

Въ его тяжелой головѣ пугались мысли, во рту было сухо и противно отъ металлическаго вкуса. Онъ оглядѣлъ свою шляпу, поправилъ на ней павлинье перо и вспомнилъ, какъ ходилъ съ мамашей покупать эту шляпу. Сунулъ онъ руку въ карманъ и досталъ оттуда комокъ бурой, липкой замазки. Какъ эта замазка попала ему въ карманъ? Онъ подумалъ, пощухалъ: пахнетъ медомъ. Ага, это еврейскій пряникъ! Какъ онъ, бѣдный, размоки!

Егорушка оглядѣлъ свое пальто. А пальто у него было сѣренькое, съ большими костяными пуговицами, снятое на манеръ спортука. Какъ новая и дорогая вещь, дома висѣло оно не въ передней, а въ спальнѣ, рядомъ съ мамашиними платьями; надѣвать его позволялось только по праздникамъ. Поглядѣвъ на него, Егорушка почувствовалъ къ нему жалость, вспомнилъ, что онъ и пальто—оба брошены на произволъ судьбы, что имъ ужъ больше не вернуться домой, и зарыдалъ такъ, что едва не свалился съ кизяка.

Большая бѣлая собака, смоченная дождемъ, съ ключьями шерсти на мордѣ, похожими на панилотки, вошла въ хлѣвъ и съ любопытствомъ уставилась на Егорушку. Она, повидимому, думала: залаять, или иѣтъ? Рѣшивъ, что лаять не нужно, она осторожно подошла къ Егорушкѣ, сѣбла замазку и вышла.

— Это варламовскіе!—крикнулъ кто-то на улицѣ.

Наплакавшись, Егорушка вышелъ изъ хлѣва и, обходя лужу, поплелся на улицу. Какъ разъ передъ воротами на дорогѣ стояли возы. Мокрые подводчики съ грязными погами, вялые и сонные, какъ осеннія мухи, бродили возлѣ, или сидѣли на оглобляхъ. Егорушка поглядѣлъ на нихъ и подумалъ: «Какъ скучно и неудобно быть мужикомъ!» Онъ подошелъ къ Пантелею и сѣлъ съ нимъ рядомъ на оглоблю.

— Дѣдъ, мнѣ холодно!—сказалъ онъ, дрожа и засовывая руки въ рукава.

— Ничего, скоро до мѣста дождемъ, — зѣвнулъ Пантелей. — Оно ничего, согрѣешься.

Обозъ тронулся съ мѣста рано, потому что было не жарко. Егорушка лежалъ на тукѣ и дрожалъ отъ холода,

хотя солнце скоро показалось на небѣ и высушило его одежду, тую и землю. Едва онъ закрылъ глаза, какъ опять увидѣлъ Тита и мельницу. Чувствуя топноту и тяжесть во всемъ тѣлѣ, онъ напрягалъ силы, чтобы отогнать отъ себя эти образы, но едва они исчезали, какъ на Егорушку съ ревомъ бросался озорникъ Дымовъ съ красными глазами и съ поднятыми кулаками, или же слышалось, какъ онъ тосковалъ: «Скушно мнѣ!». Проѣзжалъ на казачьемъ жеребчикѣ Варламовъ, проходилъ со своей улыбкой и съ дрохвой счастливый Константинъ. И какъ все эти люди были тяжелы, несносны и надоѣдливы!

Разъ — это было уже передъ вечеромъ — онъ поднималъ голову, чтобы попросить пить. Обозъ стоялъ на больномъ мосту, тянувшимся черезъ широкую рѣку. Внизу надъ рѣкой темнѣлъ дымъ, а сквозь него виденъ былъ пароходъ, тащившій на буксирѣ баржу. Впереди за рѣкой нестрѣла громадная гора, усаженная домами и церквями; у подножія горы около товарныхъ вагоновъ бѣгаль локомотивъ...

Раньше Егорушка не видѣлъ никогда ни пароходовъ, ни локомотивовъ, ни широкихъ рѣкъ. Взглянувъ теперь на нихъ, онъ не испугался, не удивился; на лицѣ его не выразилось даже ничего похожего на любопытство. Онъ только почувствовалъ дурноту и посиѣшилъ лечь грудью на край тюка. Его стошнило. Пантелей, видѣвшій это, крикнулъ и покрутилъ головой.

— Захворалъ нашъ парнишка! — сказалъ онъ. — Должно, животъ застудилъ... парнишка-то... На чужой сторонѣ... Плохо дѣло!

VIII.

Обозъ остановился недалеко отъ пристани въ больномъ торговомъ подворьѣ. Слѣзая съ вѣса, Егорушка услышалъ чей-то очень знакомый голосъ. Кто-то помогалъ ему слѣзати и говорилъ:

— А мы еще вчера вечеромъ пріѣхали... Цѣлый день пынче васъ ждали. Хотѣли вчерась нагнать васъ, да не рука была, другой дорогой поѣхали. Эка, какъ ты свою пальтишку измялъ! Достанется тебѣ отъ дяденьки!

Егорушка взглядывая въ мраморное лицо говорившаго и вспомнилъ, что это Дениска.

— Дяденька и о. Христофоръ теперь въ номерѣ, — продолжалъ Дениска: — чай пьютъ. Пойдемъ!

И онъ повелъ Егорушку къ большому двухэтажному корпусу, темному и хмурому, похожему на N-ское богоугодное заведеніе. Пройдя сѣни, темную лѣстницу и длинный, узкій коридоръ, Егорушка и Дениска вошли въ маленькій номерокъ, въ которомъ, дѣйствительно, за чайнымъ столомъ сидѣли Иванъ Ивановичъ и о. Христофоръ. Увидѣвъ мальчика, оба старика изобразили на лицахъ удивленіе и радость.

— А-а, Егоръ Никола-аичъ! — пропѣлъ о. Христофоръ. — Господинъ Ломоносовъ!

— А, господа дворяне! — сказалъ Кузьмичовъ. — Милости просимъ.

Егорушка снялъ пальто, поцѣловалъ руку дядѣ и о. Христофору и сѣлъ за столъ.

— Ну, какъ доѣхалъ, риег bone? — засыпалъ его о. Христофоръ вопросами, наливая ему чаю и, по обыкновенію, лучезарно улыбаясь. — Небось, надоѣло? И не дай Богъ на обозѣ или на волахъ ѣхать! Ыдень, ѣдешь, прости Господи, взглянешь впередъ, а стена все такая жъ протяженно-сложенная, какъ и была: конца краю не видать! Не ѣзда, а чистое поношеніе. Что жъ ты чаю не пьешь? Пей! А мы безъ тебя тутъ, пока ты съ обозомъ тащился, всѣ дѣла подъ орѣхъ раздѣляли. Слава Богу! Продали шерсть Черепашину и такъ, какъ дай Богъ всякому... Хорошо попользовались.

При первомъ взглядѣ на своихъ, Егорушка почувствовалъ непреодолимую потребность жаловаться. Онъ не слушалъ о. Христофора и придумывалъ, съ чего бы начать и на что собственно пожаловаться. Но голосъ о. Христофора, казавшійся непріятнымъ и рѣзкимъ, мѣшалъ ему сосредоточиться и путалъ его мысли. Не посидѣвъ и пяти минутъ, онъ всталъ изъ-за стола, пошелъ къ дивану и легъ.

— Вотъ-те на! — удивился о. Христофоръ. — А какъ же чай?

Придумывая, на что бы такое пожаловаться, Егорушка припалъ лбомъ къ стѣнѣ дивана и вдругъ зарыдалъ.

— Вотъ-те на! — повторилъ о. Христофоръ, поднимаясь и идя къ дивану. — Георгій, что съ тобой? Что ты плачешь?

— Я... я боленъ! — проговорилъ Егорушка.

— Боленъ? — смутился о. Христофоръ. — Вотъ это ужъ и не хорошо, братъ... Развѣ можно въ дорогѣ болѣть? Ай, ай, какой ты, братъ... а?

Онъ приложилъ руку къ Егорушкиной головѣ, потрогалъ щеку и сказалъ:

— Да, голова горячая... Это ты, должно-быть, простудился, или чего-нибудь покушалъ... Ты Бога призывай.

— Хинины ему дать... — сказалъ смущенно Иванъ Ивановичъ.

— Нѣтъ, ему бы чего-нибудь горяченькаго покушать... Георгій, хочешь супчику? А?

— Не... не хочу... — отвѣтилъ Егорушка.

— Тебя знобитъ, что ли?

— Прежде знобило, а теперь... теперь жаръ. У меня все тѣло болить...

Иванъ Ивановичъ подошелъ къ дивану, потрогалъ Егорушку за голову, смущенно крякнулъ и вернулся къ столу.

— Вотъ что, ты раздѣвайся и ложись спать, — сказалъ о. Христофоръ: — тебѣ выспаться надо.

Онъ помогъ Егорушкѣ раздѣться, далъ ему подушку и укрылъ его одѣяломъ, а поверхъ одѣяла пальтомъ Ивана Ивановича, затѣмъ отошелъ на цыпочкахъ и сѣлъ за столъ. Егорушка закрылъ глаза, и ему тотчасъ же стало казаться, что онъ не въ номерѣ, а на большой дорогѣ около костра; Емельяны махнулъ рукой, а Дымовъ съ красными глазами лежалъ на животѣ и насмѣшливо глядѣлъ на Егорушку.

— Бейте его! Бейте его! — крикнулъ Егорушка.

— Бредить... — проговорилъ вполголоса о. Христофоръ.

— Хлопоты! — вздохнулъ Иванъ Ивановичъ.

— Надо будетъ его масломъ съ уксусомъ смазать. Богъ дастъ, къ завтраму выздоровѣетъ.

Чтобы отвязаться отъ тяжелыхъ грезъ, Егорушка открылъ глаза и сталъ смотрѣть на огонь. О. Христофоръ и Иванъ Ивановичъ уже напились чаю и о чемъ-то говорили шопотомъ. Первый счастливо улыбался и, повидимому, никакъ не могъ забыть о томъ, что взялъ хорошую пользу на шерсти; веселила его не столько сама польза, сколько мысль, что, приѣхавъ домой, онъ соберетъ всю свою большую семью, лукаво подмигнетъ и расхохочется; сначала онъ всѣхъ обманетъ и скажетъ, что продалъ шерсть дешевле

своей цѣны, потомъ же подастъ зятю Михайлѣ толстый бумажникъ и скажетъ: «На, получай! Вотъ какъ надо дѣла дѣлать!» Кузьмичовъ же не казался довольнымъ. Лицо его попрежнему выражало дѣловую сухость и заботу.

— Эхъ, кабы знатъе, что Черепакинъ дастъ такую цѣну, — говорилъ онъ вполголоса: — то я бѣ дома не продавалъ Макарову тѣхъ трехсотъ пудовъ! Такая досада! Но кто жъ его зналъ, что тутъ цѣну подняли?

Человѣкъ въ бѣлой рубахѣ убралъ самоваръ и зажегъ въ углу передъ образомъ лампаду. О. Христофоръ шепнулъ ему что-то на ухо; тотъ сдѣлалъ таинственное лицо, какъ заговорщикъ — понимаю молъ — вышелъ и, вернувшись немного погодя, поставилъ подъ диванъ посудину. Иванъ Ивановичъ постлалъ себѣ на полу, нѣсколько разъ зѣвнуль, лѣниво помоллся и легъ.

— А завтра я въ соборъ думаю... — сказалъ о. Христофоръ. — Тамъ у меня ключарь знакомый. Къ пресвященному бы надо послѣ обѣдни, да говорить, болень.

Онъ зѣвнуль и потушилъ лампу. Теперь ужъ свѣтила одна только лампадка.

— Говорять, не принимаетъ, — продолжалъ о. Христофоръ, разоблачаясь. — Такъ и уѣду, не повидавшись.

Онъ снялъ кафтанъ, и Егорушка увидѣлъ передъ собой Робинзона Крузе. Робинзонъ что-то размѣшлялъ въ блюдечкѣ, подошелъ къ Егорушкѣ и зашепталъ:

— Ломоносовъ, ты спишь? Встанъ-ка! Я тебя масломъ съ укеусомъ смажу. Оно хорошо, ты только Бога призывай.

Егорушка быстро поднялся и сѣлъ. О. Христофоръ снялъ съ него сорочку и, пожимаясь, прерывисто дыша, какъ-будто ему самому было щекотно, сталъ растирать Егорушкѣ грудь.

— Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа... — шепталъ онъ. — Ложись спиной кверху!.. Вотъ такъ. Завтра здоровъ будешь, только впередъ не согрѣшай!.. Какъ огонь, горячій! Небось въ грозу въ дорогѣ были?

— Въ дорогѣ.

— Еще бы не захворать! Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа... Еще бы не захворать!

Смазавши Егорушку, о. Христофоръ надѣлъ на него сорочку, укрылъ, перекрестилъ и отошелъ. Потомъ Егорушка

видѣлъ, какъ онъ молился Богу. Вѣроятно, старикъ зналъ наизусть очень много молитвъ, потому что долго стоялъ передъ образомъ и шепталъ. Помолвившись, онъ перекрестилъ окна, дверь, Егорушку, Ивана Ивановича, легъ безъ подушки на диванчикъ и укрылся своимъ кафтаномъ. Въ коридорѣ часы пробили десять. Егорушка вспомнилъ, какъ еще много времени осталось до утра, въ тоскѣ припалъ лбомъ къ спинкѣ дивана и ужъ не старался отдѣлаться отъ туманныхъ ушетающихъ грезъ. Но утро наступило гораздо раньше, чѣмъ онъ думалъ.

Ему казалось, что онъ недолго лежалъ, припавши лбомъ къ спинкѣ дивана, но когда онъ открылъ глаза, изъ обоихъ оконъ номерка уже тянулись къ полу косые солнечные лучи. О. Христофора и Ивана Ивановича не было. Въ номеркѣ было прибрано, свѣтло, уютно и пахло о. Христофоромъ, который всегда издавалъ запахъ кипариса и сухихъ васильковъ (дома онъ дѣлалъ изъ васильковъ кропила и украшения для кіотовъ, отчего и пропахъ ими насквозь). Егорушка поглядѣлъ на подушку, на косые лучи, на свои сапоги, которые теперь были вычищены и стояли рядышкомъ около дивана, и засмѣялся. Ему казалось страннымъ, что онъ не на тюкѣ, что кругомъ все сухо и на потолкѣ нѣтъ молній и грома.

Онъ прыгнулъ съ дивана и сталъ одѣваться. Самочувствіе у него было прекрасное; отъ вчерашней болѣзни осталась одна только небольшая слабость въ ногахъ и въ шеѣ. Значить, масло и укусы помогли. Онъ вспомнилъ пароходъ, локомотивъ и широкую рѣку, которые смутно видѣлъ вчера, и теперь спѣшилъ поскорѣе одѣться, чтобы побѣжать на пристань и поглядѣть на нихъ. Когда онъ, умывшись, надѣвалъ кумачовую рубаху, вдругъ шелкнулъ въ дверяхъ замокъ, и на порогѣ показался о. Христофоръ въ своемъ цилиндрѣ, съ посохомъ и въ шелковой коричневой рясѣ поверхъ парусинковаго кафтана. Улыбаясь и сіяя (старикъ, только-что вернувшійся изъ церкви, всегда испускаютъ сіяніе), онъ положилъ на столъ просфору и какой-то свертокъ, помолится и сказалъ:

— Богъ милости прислалъ! Ну, какъ здоровье?

— Теперь хорошо, — отвѣтилъ Егорушка, цѣлуя ему руку.

— Слава Богу... А я изъ обѣдни... Ходилъ съ знако-

мымъ ключаремъ повидаться. Звалъ онъ меня къ себѣ чай пить, да я не пошелъ. Не люблю по гостямъ ходить сно-заранку. Богъ съ ними!

Онъ снялъ рясу, погладилъ себя по груди и, не слѣша, развернулъ свертокъ. Егорушка увидѣлъ жестяночку съ зернистой икрой, кусочекъ балыка и французскій хлѣбъ.

— Вотъ, шель мимо живорыбной лавки и купишь, — сказалъ о. Христофоръ. — Въ будень не изъ чего бы роскоше-ствовать, да подумаль, дома болящій, такъ оно какъ будто и простительно. А икра хорошая, осетровая...

Человѣкъ въ бѣлой рубахѣ принесъ самоваръ и подносъ съ посудой.

— Кушай, — сказалъ о. Христофоръ, намазывая икру на ломтикъ хлѣба и подавая Егорушкѣ. — Теперь кушай и гуляй, а настанетъ время, учиться будешь. Смотри же, учись со вниманіемъ и прилежаніемъ, чтобы толкъ былъ. Что наизусть надо, то учи наизусть, а гдѣ нужно разска-зать своими словами внутренній смыслъ, не касаясь на-ружнаго, тамъ своими словами. И старайся такъ, чтобы все науки выучить. Иной математику знаетъ отлично, а про Петра Могилу не слыхалъ, а иной про Петра Могилу знаетъ, а не можетъ про луну объяснить. Нѣтъ, ты такъ учись, чтобы все понимать! Выучись по-латински, по-фран-цузски, по-нѣмецки... географію, конечно, исторію, богосло-віе, философію, математику... А когда всему выучишься, не слѣша, да съ молитвою, да съ усердіемъ, тогда и поступай на службу. Когда все будешь знать, тебѣ на всякой стезѣ легко будетъ. Ты только учись да благодати набирайся, а ужъ Богъ укажетъ, кѣмъ тебѣ быть. Докторомъ ли, судьей ли, инженеромъ ли...

О. Христофоръ намазалъ на маленькій кусочекъ хлѣба немножко икры, положилъ его въ ротъ и сказалъ:

— Апостоль Павелъ говоритъ: «На ученія странна и раз-лична не прилагайтесь». Конечно, если чернокнижіе, бусло-віе, или духовъ съ того свѣта вызывать, какъ Саулъ, или такія науки учить, что отъ нихъ пользы ни себѣ, ни лю-дямъ, то лучше не учиться. Надо воспринимать только то, что Богъ благословилъ. Ты соображайся... Святые апостолы говорили на всѣхъ языкахъ — и ты учи языки; Василій Ве-ликій училъ математику и философію — и ты учи, святой

Несторъ писалъ исторію — и ты учи и пиши исторію. Со святыми соображайся...

О. Христофоръ отхлебнулъ изъ блюдечка, вытеръ усы и покрутилъ головой.

— Хорошо! — сказалъ онъ. — Я по-старинному обучень, многое ужъ забылъ, да и то живу иначе, чѣмъ прочіе. И сравнивать даже нельзя. Напримѣръ, гдѣ-нибудь въ большомъ обществѣ, за обѣдомъ ли, или въ собраніи скажешь что-нибудь по-латынски, или изъ исторіи, или философіи, а людямъ и пріятно, да и мнѣ самому пріятно... Или вотъ тоже, когда пріѣзжаетъ окружный судъ и нужно приводить къ присягѣ; всѣ прочіе священники стѣсняются, а я съ судьями, съ прокурорами, да съ адвокатами за панибрата: по-ученому поговорю, чайку съ ними пошью, посмѣюсь, разсирочу, чего не знаю... И имъ пріятно. Такъ-то вотъ, братъ... Ученье свѣтъ, а неученье тьма. Учись! Оно, конечно, тяжело: въ теперешнее время ученье дорого обходится... Маменька твоя вдовица, пенсіей живетъ, ну да вѣдь...

О. Христофоръ испуганно поглядѣлъ на дверь и продолжалъ шопотомъ:

— Иванъ Иванычъ будетъ помогать. Онъ тебя не оставитъ. Дѣтей у него своихъ нѣту, и онъ тебѣ поможетъ. Не безпокойся.

Онъ сдѣлалъ серьезное лицо и зашепталъ еще тише:

— Только ты смотри, Георгій, Боже тебя сохрани, не забывай матери и Ивана Иваныча. Почитать мать велитъ заповѣдь, а Иванъ Иванычъ тебѣ благодѣтель и вмѣсто отца. Ежели ты выйдешь въ ученые и, не дай Богъ, станешь тяготиться и принебрегать людьми по той причинѣ, что они глупѣе тебя, то горе, горе тебѣ!

О. Христофоръ поднялъ вверхъ руку и повторилъ тихимъ голоскомъ:

— Горе! Горе!

О. Христофоръ разговорился и, что называется, вошелъ во вкусъ; онъ не окончилъ бы до обѣда, но отворилась дверь, и вошелъ Иванъ Иванычъ. Дядя торопливо поздоровался, сѣлъ за столъ и сталъ быстро глотать чай.

— Ну, со всѣми дѣлами справился, — сказалъ онъ. — Сегодня бы и домой ѣхать, да вотъ съ Егоромъ еще забота. Надо его пристроить. Сестра говорила, что тутъ гдѣ-то ея

подружка живеть, Настасья Петровна, такъ вотъ, можетъ, она его къ себѣ на квартиру возьметъ.

Онъ порылся въ своемъ бумажникѣ, досталъ оттуда измятое письмо и прочелъ:

— «Малая Нижняя улица, Настасья Петровна Тоскуновой, въ собственномъ домѣ». Надо будетъ сейчасъ пойти поискать ее. Хлопоты!

Вскорѣ послѣ чаю Иванъ Ивановичъ и Егорушка ужъ выходили изъ подворья.

— Хлопоты!—бормоталъ дядя.—Привязался ты ко мнѣ, какъ репейникъ, и ну тебя совсѣмъ къ Богу! Вамъ ученье да благородство, а мнѣ одна мука съ вами...

Когда они проходили дворомъ, то воровъ и подводчиковъ уже не было, всѣ они еще рано утромъ уѣхали на пристань. Въ дальнемъ углу двора темнѣла знакомая бричка; возлѣ нея стояли гнѣдья и бѣлыя овесы.

«Прощай, бричка!»—подумалъ Егорушка.

Сначала пришлось долго подниматься на гору по бульвару, потомъ идти черезъ большую базарную площадь; тутъ Иванъ Ивановичъ справился у городского, гдѣ Малая Нижняя улица.

— Эва!—усмѣхнулся городской.—Она далече, туда къ выгону!

На пути попадались навстрѣчу извозчицы пролетки, но такую слабость, какъ ѣзда на извозчикахъ, дядя позволялъ себѣ только въ исключительныхъ случаяхъ и по большимъ праздникамъ. Онъ и Егорушка долго шли по мощенымъ улицамъ, потомъ шли по улицамъ, гдѣ были одни только тротуары, а мостовыхъ не было, и въ концѣ-концовъ попали на такія улицы, гдѣ не было ни мостовыхъ, ни тротуаровъ. Когда ноги и языкъ довели ихъ до Малой Нижней улицы, оба они были красны и, снявъ шляпы, вытирали потъ.

— Скажите, пожалуйста,—обратился Иванъ Ивановичъ къ одному старичку, сидѣвшему у воротъ на лавочкѣ:—гдѣ тутъ домъ Настасьи Петровны Тоскуновой?

— Никакой тутъ Тоскуновой нѣтъ,—отвѣтилъ старикъ, подумавъ.—Можетъ, Тимошенко?

— Нѣтъ, Тоскунова...

— Извините, Тоскуновой нѣту...

Иванъ Ивановичъ пожалъ плечами и пошелъ дальше.

— Да не ищите!— крикнулъ ему сзади старикъ.— Говорю— нѣту, значить — нѣту!

— Послушай, тетенька,— обратился Иванъ Ивановичъ къ старухѣ, продававшей на углу въ лоткѣ подосолнухи и груши:— гдѣ тутъ домъ Настасьи Петровны Тоскуновой?

Старуха поглядѣла на него съ удивленіемъ и засмѣялась.

— Да нешто Настасья Петровна теперь въ своемъ домѣ живетъ?— спросила она. — Господи, ужъ годовъ восемь, какъ она дочку выдала и домъ свой зятю отказала! Тамъ теперь зять живетъ.

А глаза ее говорили:— «Какъ же вы, дураки, такого пустака не знаете?»

— А гдѣ она теперь живетъ?— спросилъ Иванъ Ивановичъ.

— Господи!— удивилась старуха, всплескивая руками.— Она ужъ давно на квартирѣ живетъ! Ужъ годовъ восемь, какъ свой домъ зятю отказала. Что вы!

Она, вѣроятно, ожидала, что Иванъ Ивановичъ тоже удивится и воскликнетъ: «Да не можетъ быть!!», но тотъ очень спокойно спросилъ:

— Гдѣ жъ ея квартира?

Торговка засучила рукава и, указывая голою рукой, стала кричать пронзительнымъ тонкимъ голосомъ:

— Идите все прямо, прямо, прямо... Вотъ какъ проидете красненькій домичекъ, такъ на лѣвой рукѣ будетъ переулочекъ. Такъ вы идите въ этотъ переулочекъ и глядите третьи ворота справа...

Иванъ Ивановичъ и Егорушка дошли до краснаго домика, повернули налево въ переулокъ и направились къ третьимъ воротамъ справа. По обѣ стороны этихъ сѣрыхъ, очень старыхъ воротъ тянулся сѣрый заборъ съ широкими щелями; правая часть забора сильно накренилась впередъ и грозила паденіемъ, лѣвая покосилась назадъ во дворъ, ворота же стояли прямо и, казалось, еще выбирали, куда имъ удобнѣе свалиться впередъ, или назадъ. Иванъ Ивановичъ отворилъ калитку и вмѣстѣ съ Егорушкой увидѣлъ большой дворъ, поросшій бурьяномъ и репейникомъ. Въ ста шагахъ отъ воротъ стоялъ небольшой домикъ съ красной крышей и съ зелеными ставнями. Какая-то полная женщина, съ засученными рукавами и съ поднятымъ фартукомъ, стояла

среди двора, сыпала что-то на землю и кричала так же пронзительно-тонко, какъ и торговка:

— Цыпъ!.. цыпъ! цыпъ!

Сзади нея сидѣла рыжая собака съ острыми ушами. Увидѣвъ гостей, она побѣжала къ калиткѣ и залаяла теноромъ (всѣ рыжія собаки лаютъ теноромъ).

— Кого вамъ? — крикнула женщина, заслоня рукой глаза отъ солнца.

— Здравствуйте! — тоже крикнулъ ей Иванъ Ивановичъ, отмахиваясь палкой отъ рыжей собаки. — Скажите, пожалуйста, здѣсь живетъ Настасья Петровна Тоскунова?

— Здѣсь! А на что вамъ?

Иванъ Ивановичъ и Егорушка подошли къ ней. Она подозрительно оглядѣла ихъ и проговорила:

— На что она вамъ?

— Да можетъ, вы сами Настасья Петровна?

— Ну, я!

— Очень пріятно... Видите ли, кланялась вамъ ваша давнишняя подружка, Ольга Ивановна Князева. Вотъ это ея сынокъ. А я, можетъ, помните, ея родной братъ, Иванъ Ивановичъ... Вы вѣдь наша N—ская... Вы у насъ и родились, и замужъ выходили...

Наступило молчаніе. Полная женщина уставилась бессмысленно на Ивана Ивановича, какъ бы не вѣря или не понимая, потомъ вся вспыхнула и всплеснула руками; изъ фартука ея посыпался овесъ, изъ глазъ брызнули слезы.

— Ольга Ивановна! — взвизгнула она, тяжело дыша отъ волненія. — Голубушка моя родная! Ахъ, батюшки, такъ что же я, какъ дура, стою? Ангельчикъ ты мой хорошенькій...

Она обняла Егорушку, обмочила слезами его лицо и совсѣмъ заплакала.

— Господи! — сказала она, ломая руки. — Олечкинъ сыночекъ! Вотъ радость-то! Совсѣмъ мать! Чистая мать! Да что жъ вы на дворѣ стоите? Пожалуйте въ комнаты!

Плача, задыхаясь и говоря на ходу, она поспѣшила къ дому: гости поплелись за ней.

— У меня не прибрано! — говорила она, вводя гостей въ маленькій душный залъ, весь уставленный образами и цвѣточными горшками. — Ахъ, Матерь Божія! Василиса, поди, хоть ставни отвори! Ангельчикъ мой! Красота моя неопи-санная! Я и не знала, что у Олечки такой сыночекъ!

Когда она успокоилась и привыкла къ гостямъ, Иванъ Иванычъ пригласилъ ее поговорить наединѣ. Егорушка вышла въ другую комнату; тутъ стояла швейная машина, на окнѣ висѣла клѣтка со скворцомъ и было такъ же много образовъ и цвѣтовъ, какъ и въ залѣ. Около машины неподвижно стояла какая-то дѣвочка, загорѣлая, со щеками пухлыми, какъ у Тита, и въ чистенькомъ ситцевомъ платьицѣ. Она, не мигая, глядѣла на Егорушку и, повидимому, чувствовала себя очень неловко. Егорушка поглядѣла на нее, помолчала и спросила:

— Какъ тебя звать?

Дѣвочка пошевелила губами, сдѣлала плачущее лицо и тихо отвѣтила:

— Атька...

Это значило: Катька.

— Онъ у васъ будетъ жить, — шепталъ въ залѣ Иванъ Иванычъ: — ежели вы будете такія добрыя, а мы вамъ будемъ по десяти рублей въ мѣсяцъ платить. Онъ у насъ мальчикъ не балованный, тихій...

— Ужъ не знаю, какъ вамъ и сказать, Иванъ Иванычъ! — плаксиво вздыхала Настасья Петровна. — Десять рублей деньги хорошія, да вѣдь чужого-то ребенка брать страшно! Вдругъ заболѣетъ, или что...

Когда Егорушку опять позвали въ залъ, Иванъ Иванычъ уже стоялъ со шляпой въ рукахъ и прощался.

— Что жъ? Значить, пускай теперь и остается у васъ, — говорилъ онъ. — Прощайте! Оставайся, Егоръ! — сказалъ онъ, обращаясь къ племяннику. — Не балуй тутъ, слушайся Настасью Петровну... Прощай! Я приду еще завтра.

И онъ ушелъ. Настасья Петровна еще разъ обняла Егорушку, обозвала его ангельчикомъ и, заплакавша, стала собирать на столъ. Черезъ три минуты Егорушка ужъ сидѣла рядомъ съ ней, отвѣчалъ на ея безконечные разспросы и ѣлъ жирныя, горячія щи.

А вечеромъ онъ сидѣлъ опять за тѣмъ же столомъ и, положивъ голову на руку, слушалъ Настасью Петровну. Она, то смѣясь, то плача, рассказывала ему про молодость его матери, про свое замужество, про своихъ дѣтей... Въ печкѣ кричалъ сверчокъ и едва слышно гудѣла горѣлка въ лампѣ. Хозяйка говорила вполголоса и то и дѣло отъ волненія роняла наперстокъ, а Катя, ея внучка, лазала за

нимъ подъ столъ и каждый разъ долго сидѣла подъ столомъ, вѣроятно разсматривая Егорушкины ноги. А Егорушка слушала, дремала и разсматривала лицо старухи, ея бородавку съ волосками, полоски отъ слезъ... И ему было грустно, очень грустно! Спать его положили на сундукъ и предупредили, что если онъ ночью захочетъ покушать, то чтобы самъ вышелъ въ коридорчикъ и взялъ тамъ на окиѣ цыпленка, накрытаго тарелкой.

На другой день утромъ приходили прощаться Иванъ Ивановичъ и о. Христофоръ. Настасья Петровна обрадовалась и собралась было ставить самоваръ, но Иванъ Ивановичъ, очень спѣшившій, махнулъ рукой и сказалъ:

— Некогда намъ съ чаями да съ сахарами! Мы сейчасъ уйдемъ.

Передъ прощаньемъ всѣ сѣли и помолчали минуту. Настасья Петровна глубоко вздохнула и заплаканными глазами поглядѣла на образа.

— Ну,—началъ Иванъ Ивановичъ, поднимаясь:—значить, ты остаешься...

Съ лица его вдругъ исчезла дѣловая сухость, онъ немножко покраснѣлъ, грустно улыбнулся и сказалъ:

— Смотри же, учись... Не забывай матери и слушайся Настасью Петровну... Если будешь, Егоръ, хорошо учиться, то я тебя не оставлю.

Онъ вынулъ изъ кармана кошелекъ, повернулся къ Егорушкѣ спиной, долго рылся въ мелкой монетѣ и, найдя гривенникъ, далъ его Егорушкѣ. О. Христофоръ вздохнулъ и, не спѣша, благословилъ Егорушку.

— Во имя Отца, и Сына, и Святаго духа... Учись,—сказалъ онъ.—Трудись, братъ... Ежели помру, поминай. Вотъ прими и отъ меня гривенничекъ...

Егорушка поцѣловалъ ему руку и заплакалъ. Что-то въ душѣ шеннуло ему, что ужъ онъ больше никогда не увидится съ этимъ старикомъ.

— Я, Настасья Петровна, ужъ подалъ въ гимназію прошеніе,—сказалъ Иванъ Ивановичъ такимъ голосомъ, какъ будто въ залѣ былъ покойникъ.—Седьмого августа вы его на экзамень сведете... Ну, прощайте! Оставайтесь съ Богомъ. Прощай, Егоръ!

— Да вы бы хоть чайку покушали!—простонала Настасья Петровна.

Сквозь слезы, застилавшія глаза, Егорушка не видѣлъ, какъ вышли дядя и о. Христофоръ. Онъ бросился къ окну, но во дворѣ ихъ уже не было, и отъ воротъ съ выраженіемъ исполненнаго долга бѣжала назадъ только-что лаявшая рыжая собака. Егорушка, самъ не зная зачѣмъ, рванулся съ мѣста и полетѣлъ изъ комнатъ. Когда онъ выбѣжалъ за ворота, Иванъ Ивановичъ и о. Христофоръ, помахивая — первый палкой съ крючкомъ, второй посохомъ, поворачивали уже за уголъ. Егорушка почувствовалъ, что съ этими людьми для него исчезло навсегда, какъ дымъ, все то, что до сихъ поръ было пережито; онъ опустился въ изнеможеніи на лавочку и горькими слезами привѣтствовалъ новую, невѣдомую жизнь, которая теперь начиналась для него...

Какова-то будетъ эта жизнь?

Оглавленіе

V ТОМА.

	стр.		стр.
Враги	3	Ванька	59
Кошмаръ	17	Свирѣль.	63
Святою ночью	31	Перекапи-поле	71
Счастье.	42	Задача	86
Тифъ	52	Степь	93

0041

042
122
002
521
170
081

F

24.113/4-6